Bestseller

ПРОПАВШАЯ НИМФА

К.Браун
П.Квентин
Буало-Нарсежак
Э.С.Гарднер

Bestseller

C. Brouwn

P. Quentin

Boileau-Narcejac

E.S. Gardner

ПРОПАВШАЯ НИМФА

К.Браун
Пропавшая нимфа

П.Квентин
Преследователь

Буало-Нарсежак
Холодный пот

Э.С.Гарднер
Дело любопытной новобрачной

Москва «СКС» 1992

ББК 84.7П68
П68

Серия «Bestseller»
основана в 1991 году

Перевод с английского
Перевод с французского
Художник *Б. К. Ушацкий*

П $\frac{4703000000-012}{979(01)-92}$ Без объявл.

ISBN 5-86092-010-5

© Издательство СКС, Состав, 1991
© Борис Ушацкий. Художественное оформление, 1991

Буало-Нарсежак

Холодный пот

Часть I

Глава 1

— Знаешь,— сказал Гевиньи,— я бы хотел, чтобы ты последил за моей женой.

— Дьявол!.. Она тебя обманывает?

— Нет.

— Тогда что?

— Это нелегко объяснить. Она странная... Она меня беспокоит.

— А чего конкретно ты опасаешься?

Гевиньи колебался. Он смотрел на Флавье, и тот чувствовал, что его останавливает: у Гевиньи не было доверия. Он оставался тем человеком, каким Флавье знал его пятнадцать лет назад, на факультете права: радушным, готовым излить тебе все свои чувства, а в глубине скромным и несчастным. Только что он громогласно кричал, раскрывая объятия: «Да это же старина Роже!.. До чего я рад тебя видеть!» Но Флавье уже тогда заметил легкую фальшивость его жестов и слишком громкое выражение радости. Гевиньи немного больше был возбужден, чем полагалось, немного больше, чем нужно, смеялся. Ему не удалось вычеркнуть прошедшие пятнадцать лет из своей жизни, которые физически изменили их, и того, и другого. Гевиньи почти полностью оплешивел, подбородок его отяжелел, брови порыжели, и около носа у него теперь были

веснушки. Флавье, со своей стороны, тоже не остался прежним. Он знал, что похудел, немного сгорбился после той истории, и у него вспотели руки при мысли, что Гевиньи может спросить его, почему он стал адвокатом, если учился на полицейского.

— Я не боюсь откровенно говорить с тобой,— продолжал Гевиньи.

Он протянул Флавье роскошный портсигар, наполненный сигаретами. Галстук у него тоже был роскошный, так же как и костюм, сшитый у самого известного портного. На пальцах его сверкнули кольца, когда он доставал розовую спичку из небольшого коробка с названием известного ресторана. Он слегка надул щеки, прежде чем загасить синее пламя спички.

— Это такое состояние души,— сказал Гевиньи.

Да, он сильно переменился. Ему сопутствовала удача. Можно было догадаться, что позади него стоят комитеты, знакомства, друзья, целый круг общества и влияние. Но глаза его остались такими же живыми, готовыми испугаться и спрятаться за тяжелыми веками.

— Может, состояние духа? — без иронии проговорил Флавье.

— Мне кажется, первое слово более удачно,— настаивал Гевиньи.— Моя жена совершенно счастлива. Мы женаты четыре года... почти, через два месяца будет четыре. У нас полный достаток. После мобилизации моя фабрика в Гавре работает вовсю. Это из-за нее меня не призывали. Короче говоря, нужно признать, что, по нашим обстоятельствам, мы привилегированные люди.

— Детей нет? — прервал его Флавье.

— Нет.

— Продолжай.

— Я уже сказал, что у Мадлен есть все для счастья. Но есть и нечто, что сюда не вписывается. У нее всегда был немного странный характер: смена настроений, периоды депрессии, а за последние месяцы ее состояние резко ухудшилось.

— Ты показывал ее врачу?

— Конечно, я даже созвал целый консилиум. У нее ничего не нашли, понимаешь, ничего.

— Ничего органического,— согласился Флавье.— Ну, а в отношении психическом?

— Ничего... совершенно ничего!

Щелчком он стряхнул крошку пепла, упавшую на его жилет.

— О! Клянусь тебе, что все это именно так. Вначале я думал, что дело тут в навязчивой идее, в чем-то нереальном, спровоцированном войной. Она часто впадала в полное молчание. Когда ей говорили что-нибудь, едва слышала. Или уставлялась во что-нибудь перед собой. Уверяю тебя, на это было очень неприятно смотреть. Ты бы поклялся, что она наблюдает за чем-то непонятным... за какими-то невидимыми вещами. А возвращаясь к нормальной жизни, как бы делает над собой усилие, чтобы узнавать все вокруг, в том числе меня...

Он дал потухнуть своей сигарете и тоже смотрел теперь в пустоту с отсутствующим видом, так, как делал это раньше.

— Если она не больна, то, значит, симулирует,— нетерпеливо проговорил Флавье.

Гевиньи поднял жирную руку, чтобы остановить его.

— Я тоже так думал сначала и осторожно наблюдал за ней. Однажды я пошел следом... Она забрела в лес, села на берегу озера и провела там без движения более двух часов... Просто смотрела на воду.

Флавье все яснее представлял себе такую обстановку, и она становилась для него неприятной.

— Послушай, будь логичным,— сказал он.— Или твоя жена тебя обманывает, или она больна, или по какой-то причине симулирует, других решений не может быть.

Гевиньи потянулся к пепельнице на письменном столе и ударами короткого пальца стряхнул солидный нарост белого пепла. Он грустно улыбнулся.

— Ты рассуждаешь точно так же, как это делал я. Только я совершенно уверен, что Мадлен меня не обманывает, профессор же Лаварен объявил ее абсолютно нормальной. А к чему ей симулировать? По какой причине? Ведь никто не станет это делать ради удовольствия. Никто не будет терять два часа в лесу из-за ничего. А я рассказал тебе только одну деталь, но таких ведь множество.

— А ты говорил с ней?

— Да... много раз. Я спрашивал, что она чувствует, когда начинается приступ и возникают эти грезы.

— Как же она ответила?

— Что я напрасно беспокоюсь: она не грезит, и все происходящее вокруг волнует ее так же, как остальных людей.

— Но она не выглядела недовольной?

— Пожалуй... нет, скорее смущенной.

— У тебя не было впечатления, что она лгала?

— Совсем нет. Скорее наоборот, она мне показалась испуганной... Я даже хочу признаться в одной вещи, которая,

наверное, тебя рассмешит. Ты помнишь тот немецкий фильм?

— Да.

— А выражение лица персонажа, которого застали в мистическом трансе? Он еще пытался все отрицать, оправдываться, скрывать свои видения. Так вот, Мадлен... У нее бывает такое же лицо, как у этого актера: немного возбужденное, немного пьяное, с бегающими глазами.

— Скажешь тоже. Не станешь же ты утверждать, будто твоя жена подвержена мистическим приступам!

— Я знал, что ты отреагируешь именно так. Да, старина, точно как и я, бедный! Меня это тоже поразило. Я тоже отказывался признать очевидное.

— А она верующая?

— Как и все люди. По воскресеньям ходит к мессе... Скорее, это простая привычка.

— И она не похожа на женщин-прорицательниц? Нет?

— Нет. Пойми, просто с ней что-то происходит внутри, будто выключается нечто, и она пропадает.

— Это бывает независимо от ее желания?

— Вне всякого сомнения. Я уже привык к такому с тех пор, как начал следить за ней. Она всегда чувствует приближение кризиса, пытается сопротивляться, говорить... иногда идет открывать окна, будто ей не хватает воздуха, или включает радио на полную громкость... Если я в такие минуты вступаю в игру — шучу, рассказываю что-нибудь забавное,— ее мозг фиксирует это и отвлекается... Прости меня еще за одну подробность, о ней нелегко рассказывать, но, когда я делаю вид, что чем-то озабочен, обеспокоен, это никак не действует. Просто видишь, как она сидит, уставившись в одну точку, которая, я полагаю, движется в ее воображении, тяжело вздыхает, проводит тыльной стороной ладони по лбу и вообще на пять — десять минут, редко дольше, становится вроде сомнамбулы.

— Ее движения порывисты?

— Нет. К тому же, по правде говоря, я никогда не видел сомнамбул. Но на сон это не похоже. Она просто рассеянна и как бы отсутствует здесь. Я знаю, что это глупо! Но тем не менее выразить яснее не могу. Она делается другой.

В глазах Гевиньи было настоящее страдание.

— Другой,— проворчал Флавье.— Это ничего не означает.

— Ты не веришь, что могут существоватьь другие формы жизни?

Гевиньи бросил разжеванную сигарету в пепельницу и крепко сцепил руки.

— Раз начал,— продолжал он,— надо договаривать... В семье Мадлен много лет назад была одна странная женщина. Ее звали Полин Лагерлак... Фактически это двоюродная бабушка Мадлен. Как видишь, родство довольно близкое. В тринадцать или четырнадцать лет она заболела, не знаю, как иначе назвать: у нее появились странные конвульсии, и те, кто ухаживал за ней, часто слышали непонятные шумы в ее комнате.

— Стуки в стены?

— Да.

— Шарканье по паркету, будто там переставляли мебель?

— Да.

— Понимаю,— сказал Флавье.— Этот феномен довольно часто фиксируется у девочек ее возраста. Его никак не могут объяснить, и обычно он продолжается недолго.

— Я не слишком-то разбираюсь во всем этом,— сказал Гевиньи,— но факт тот, что с тех пор Полин Лагерлак осталась немного тронутой. Сначала она хотела уйти в монастырь, потом отказалась принять постриг. Затем вышла замуж и через несколько лет совершенно без всякой причины покончила с собой.

— Сколько ей тогда было?

Гевиньи вытащил платочек и приложил его к губам.

— Двадцать пять,— пробормотал он,— возраст Мадлен.

— Дьявол!

Оба мужчины замолчали. Флавье размышлял.

— Твоя жена, конечно, в курсе? — спросил он наконец.

— Как раз нет... Я сам услышал все эти подробности от тещи. Чуть погодя после нашей женитьбы она-то и рассказала мне о Полин Лагерлак... Тогда я не обратил на это особенного внимания и только вежливо выслушал. Если бы знать!.. Теперь она уже умерла, и никто больше ничего не сможет объяснить.

— Это признание... не было ли у тебя ощущения, что она сделала его с определенной целью?

— Нет, не думаю. Все получилось случайно, в отвлеченной беседе. Но хорошо помню, как она запретила говорить об этом с Мадлен. Ей не хотелось, чтобы стало известно о почти сумасшедшей среди их предков. Она предпочла держать дочь в неведении.

— И все же эта Полин Лагерлак покончила с собой по какой-то причине?

— Нет. Похоже, что нет. Она была счастлива, имела сына, которому исполнилось только несколько месяцев, при-

чем все считали, что материнство вернет ей устойчивость. А потом внезапно...

— Пока я не вижу здесь никакой связи с твоей женой,— заметил Флавье.

— Связи? — возбужденно повторил Гевиньи.— Сейчас поймешь. После смерти родителей Мадлен унаследовала кое-какие драгоценности, которые принадлежали еще ее прабабке, в том числе — янтарное ожерелье. Так вот, она не перестает с ним заниматься, перебирать, любоваться... с таким видом... как бы это сказать, с тоской если хочешь. Потом, у нас дома есть портрет Полин Лагерлак, написанный ею самой, ибо она тоже рисовала! Мадлен часы проводит перед ним как завороженная. Но скажу еще больше: недавно я обнаружил, что она поставила его на стол в салоне около зеркала. Надела на шею ожерелье и пыталась причесаться так же, как дама на портрете. У нее до сих пор эта прическа,— смущенно закончил Гевиньи,— тяжелый шиньон на затылке.

— А что, она похожа на Полин?

— Может быть... очень отдаленно.

— Хорошо, я повторяю вопрос: чего ты конкретно опасаешься?

Гевиньи вздохнул, взял сигарету и стал ее внимательно рассматривать.

— Не смею даже признаться в том, что бродит у меня в голове... Но совершенно очевидно, Мадлен стала другой. Более того! Иногда мне кажется, что женщина, которая живет рядом со мной, не Мадлен!

Флавье встал и неестественно рассмеялся.

— Ну и ну! Кем же ты хочешь ее считать? Полин Лагерлак? Ты преувеличиваешь, мой бедный Поль... Что тебе предложить? Портвейн? Чинзано? Кап-корс?

— Порто.

И когда Флавье прошел в столовую, чтобы поставить на поднос вино и стаканы, Гевиньи закричал:

— А ты, я даже не спросил, ты не женился?

— Нет,— ответил глухой голос Флавье,— и не имею ни малейшего желания.

— Я случайно узнал, что ты бросил полицию,— продолжал Гевиньи.

Наступило короткое молчание.

— Тебе помочь?

Гевиньи оторвался от своего кресла и подошел к открытой двери. Флавье откупоривал бутылку. Гевиньи оперся о косяк.

— У тебя очень мило... Знаешь, я должен извиниться, что надоедаю тебе своими историями. И потом, я очень рад встретить тебя наконец. Мне нужно было сперва предупредить о своем появлении по телефону, но, понимаешь, я так занят...

Флавье выпрямился и спокойно отложил пробку. Неприятный разговор закончился.

— Ты говорил о морских сооружениях? — спросил он, наполняя стаканы.

— Да. Мы делаем корпуса для катеров. Очень крупный заказ. Кажется, в Министерстве ждут каких-то неприятностей.

— Еще бы! Нужно наконец разделываться с войной. Ведь скоро май... Твое здоровье, Поль.

— Твое, Роже.

Они выпили, глядя друг другу в глаза.

Когда Гевиньи стоял, было видно, какой он коренастый и низенький. Он расположился возле окна, и его романтическое лицо с маленькими ушами и высоким благородным лбом хорошо освещалось. Вместе с тем, Гевиньи не хватал с неба звезд. Этот профиль римского проконсула у него получился благодаря частице прованской крови. А после войны этот парень будет стоить миллионы... Флавье был недоволен собой за такие мысли, разве он сам не пользовался отсутствием сейчас других людей? Правда, его освободили от воинской повинности, но это, возможно, не было извинением. Он поставил свой стакан на поднос.

— Чувствую, эта история засела у меня в голове... У твоей жены никого нет на фронте?

— Какие-то далекие братья, которых мы никогда не видели. Другими словами, никого из родных.

— А как ты с ней познакомился?

— Довольно романтическим образом.

Гевиньи тянул из своего стакана, подыскивая слова. Узнавалась прежняя манера бояться показаться смешным, которая парализовывала его и часто заставляла отмалчиваться. Тем не менее, он наконец решился.

— Я встретился с ней в Риме, во время деловой поездки. Мы остановились в одном отеле.

— В каком?

— «Континенталь».

— А что она делала в Риме?

— Училась живописи. Кажется, она замечательно пишет. Я, знаешь ли, ничего в этом не понимаю.

— Она хотела давать уроки потом?

— Что ты... Просто для своего удовольствия. У нее никогда не было необходимости работать и зарабатывать на жизнь. Подумай, в восемнадцать лет она уже имела собственную машину. Ее отец был крупным промышленником...

Гевиньи повернулся и подошел к столу.

Флавье отметил его легкую и уверенную поступь. Раньше у него была довольно скованная походка, и держался он не так прямо. Богатство жены изменило его.

— Она теперь по-прежнему пишет?

— Нет. Понемногу перестала... Веяние времени. Парижанки такие занятые люди!

— Но... приступы, о которых ты говоришь... может, они имели какую-нибудь причину? Не было ли сперва потрясения? Или ссоры?.. Скверных новостей? Ты должен все хорошенько проверить сам.

— О! Еще бы! Конечно, я искал, но только ничего не нашел. Ведь часть недели я живу в Гавре, этого не следует забывать.

— А ее приступы, ее «отсутствие», как ты это назвал, началось, когда ты был там?

— Нет, я был здесь. Только что вернулся. В субботу... В начале Мадлен по обыкновению была весела. А вечером в первый раз показалась мне странной, но тогда я не обратил на это никакого внимания. Я сам был достаточно усталым.

— А прежде?

— Прежде?.. У нее иногда бывало плохое настроение, но ничего похожего.

— А ты уверен, что в ту субботу у вас ничего не случилось?

— Совершенно уверен, и по очень простой причине: весь день мы провели вместе. Я приехал утром, около десяти часов. Мадлен только встала. Мы поболтали... не спрашивай о подробностях, я, конечно, забыл все... И почему бы мне надо было обращать на это внимание? Помню только, что завтракали мы дома.

— Где ты живешь?

— Что?.. Ах, да, ведь я никогда не писал тебе... Я купил дом на авеню Клебер, совсем близко от Этуаль... Вот моя визитная карточка.

— Спасибо.

— После завтрака мы вышли. Вспоминаю, что мне нужно было повидать кое-кого в Министерстве... Потом мы погуляли около Оперы. А потом... черт возьми, это все. Такой же день, как остальные.

— А кризис?

— Произошел в конце ужина.

— Ты можешь сообщить дату?

— Дьявол! Дату?

Гевиньи заметил записную книжку адвоката и стал ее перелистывать.

— Помню, был конец февраля,— сказал он,— из-за того свидания... Ну вот, суббота была двадцать шестого числа. Это безусловно случилось двадцать шестого.

Флавье присел на подлокотник кресла около Гевиньи.

— А почему тебе пришла в голову мысль отыскать меня?

Гевиньи снова крепко сжал руки. Он освободился от всех своих тиков, но сохранил эту привычку. Руки он сжимал, когда находился в затруднительном положении.

— Ты всегда был моим другом,— пробормотал он.— Иногда интересовался необычными психологическими случаями... Ведь не хочешь же ты, чтобы я попросил помощи у полиции?.

Увидев, как сжались губы Флавье, он поспешил добавить:

— Именно потому, что ты ушел оттуда, я и обратился к тебе.

— Да,— сказал Флавье, поглаживая кожу кресла,— ушел.

Он резко поднял голову.

— Знаешь почему?

— Нет, но...

— Все равно узнаешь. Такие вещи... невозможно долго скрывать.

Он хотел улыбнуться, остаться прежним, но голос его невольно сделался жестким.

— У меня был тяжелый удар... Немного портвейна?

— Нет, спасибо.

Флавье налил себе и поднял стакан.

— Со мной случилась идиотская вещь... Я был инспектором... И теперь уже можно сказать — не любил эту работу. Если бы отец не вынудил меня!.. Он служил дивизионным комиссаром и не признавал другой карьеры. Я должен был отказаться. Ведь никто не имеет права заставлять парня... Короче, мне поручили задержать какого-то типа. О! Это не было опасно, нет... Только он вздумал спрятаться на крыше... Со мной был один мой коллега, очень симпатичный, по имени Лериш...

Он опорожнил стакан, и на глазах его появились слезы. Он кашлянул и пожал плечами, чтобы скрыть свои чувства.

— Вот видишь,— пошутил он,— как только эта история

всплывает на поверхность, я теряю тормоза... Крыша была крутой. Машины виднелись где-то совсем далеко внизу. Тип спрятался за трубой, он был безоружен. Его требовалось только связать. Я не смог спуститься к нему.

— Головокружение! — сказал Гевиньи.— Ну да, помню, ты всегда этим страдал.

— Лериш пошел вместо меня... и упал.

— А! — произнес Гевиньи.

Он опустил глаза, и Флавье, наклонившись к нему, так и не узнал, что тот подумал. Он продолжал тихим голосом:

— В любом случае лучше тебе быть в курсе дела.

— Нервы могли не выдержать,— сказал Гевиньи.

— Разумеется,— безразлично заметил Флавье.

Некоторое время они молчали, наконец Гевиньи сделал рукой неопределенный жест.

— Это огорчительно, но ведь ты здесь не виноват.

Флавье открыл ящичек с сигаретами.

— Угощайся, старина.

Он всегда чувствовал неудовлетворенность, когда рассказывал свою историю. Никто не принимал ее всерьез. Как заставить их услышать крик Лериша, который так долго звучал в его ушах, хотя падение было таким коротким? У жены Гевиньи могло быть, конечно, скрытое переживание, но какое переживание сравнится с этим? Разве она тоже слышала крик, пусть даже во сне? Позволила ли она кому-нибудь умереть вместо себя?

— Могу я рассчитывать на тебя? — спросил Гевиньи.

— Чего ты конкретно от меня хочешь?

— Ты должен наблюдать за ней. Но особенно ценно твое мнение. Мне совершенно необходимо иметь возможность с кем-нибудь поговорить об этом. Ты ведь согласен?

— Если тебе будет легче.

— О, мой дорогой Роже, ты даже не представляешь, до какой степени! Ты сегодня вечером свободен?

— Нет.

— Жаль! Я бы пригласил тебя пообедать у нас. Тогда в другой день?

— Нет. Лучше, если она не будет меня знать, это упростит задачу.

— Верно,— согласился Гевиньи.— И все-таки тебе ведь необходимо встретиться с ней.

— Отправьтесь вдвоем в театр. Тогда я смогу рассмотреть ее, не будучи нескромным.

— Отлично, завтра вечером пойдем к Мариньи. У меня есть ложа.

— Я там буду.

Гевиньи взял Флавье за руки.

— Спасибо. Видишь, я прав, ты действительно очень отзывчивый и сообразительный человек. Я бы не подумал о театре.

Он принялся шарить во внутреннем кармане пиджака и заколебался.

— Не сердись, старина... Но нужно решить еще один вопрос, понимаешь... Ты и так уже согласился заняться Мадлен.

— Подумаешь! — проговорил Флавье.— У меня много времени.

— Это правда?

Флавье легонько хлопнул его по плечу.

— Здесь интересен именно случай, а не деньги. У меня ощущение, что мы похожи с ней и... да... я имею шанс понять происходящее.

— Но уверяю тебя, она ничего не скрывает.

— Увидим.

Гевиньи взял свою серую шляпу и перчатки.

— Твоя контора хорошо работает?

— В общем, да,— ответил Флавье,— не могу жаловаться.

— Знаешь, ведь я могу быть полезен тебе... И сделаю это от чистого сердца. У меня крепкое положение сейчас.

«Окопавшийся в тылу»,— подумал Флавье. Это определение так неожиданно пришло ему в голову, что он отвернулся, стараясь избежать взгляда Гевиньи.

— Вот сюда,— сказал он,— лифт не в порядке.

Они вышли на узкую лестничную площадку. Гевиньи подошел к Флавье.

— Действуй так, как считаешь нужным,— прошептал он.— Как только у тебя появятся первые сообщения, позвони мне по телефону в контору или, еще лучше, приходи повидаться. Наша лавочка находится в зданий, примыкающем к «Фигаро»... И еще я прошу тебя, пусть Мадлен ни о чем не догадывается. Если она заметит это наблюдение... Бог знает, что может произойти.

— Рассчитывай на меня.

— Благодарю тебя.

Гевиньи спустился с лестницы. Он дважды оборачивался, чтобы помахать Флавье рукой. Тот вернулся к себе и подошел к окну. Огромная черная машина медленно отъехала от тротуара и направилась к перекрестку... Мадлен!.. Ему нравилось это имя. Как она могла выйти замуж за этого толстя-

ка? Безусловно, она его обманывала и играла комедию. Гевиньи заслуживал того, чтобы быть обманутым. С его замашками богача, сигарами, кораблями, с его административными советами. Флавье не переносил людей, слишком уверенных в себе, и, тем не менее, бог знает что отдал бы, лишь бы обладать частью этой их уверенности.

Он резким движением захлопнул окно, потом отправился пошарить на кухне, убеждая себя в том, что голоден. Но чем насытиться? Он пересмотрел множество банок с консервами, которые поставил в шкаф. Он тоже запасся провизией, хотя был уверен, что война окажется короткой и делать запасы — просто идиотство. И внезапно действительно почувствовал голод. Взял несколько бисквитов, бутылку хорошего белого вина и, найдя кухню противной, прошел в кабинет, разгрызая по дороге печенье. Попутно он включил радио, уже заранее зная его сообщения: активность патрулей, артиллерийская перестрелка по обоим берегам Рейна. Но голос диктора все же будет чем-то живым. Флавье сел и выпил немного вина. В полиции ему удача не сопутствовала, он был равнодушен к своей службе. А на что он вообще годен? Он открыл ящик стола, достал зеленую папку и написал в ее верхнем правом углу: «Досье Гевиньи». Потом сунул туда несколько листков бумаги и остался сидеть, устремив глаза в пустоту.

Глава 2

«Наверное, я выгляжу идиотом»,— думал Флавье. Он делал вид, что небрежно играет маленьким биноклем из слоновой кости, разглядывая окружающих, но никак не мог решиться направить его на Мадлен. Вокруг было множество людей в военной форме, и женщины, которые сопровождали офицеров, имели такой же самодовольный вид, как и их спутники. Флавье ненавидел их, как стал ненавидеть и войну, и всю касту военных, и этот чересчур роскошный театр, наполненный нарядной и игривой публикой. Когда он поворачивал голову, то видел Гевиньи, положившего скрещенные руки на барьер ложи. Мадлен сидела немного в стороне, грациозно наклонив голову. Она оказалась темноволосой и тонкой, но черты ее лица Флавье различал лишь смутно... У него сложилось впечатление, что она красива и хрупка, может быть, из-за тяжелых волос.

И как такая элегантная женщина могла полюбить этого толстого Гевиньи? Как она вообще могла принимать его ухаживания? Поднялся занавес над спектаклем, который

совершенно не интересовал Флавье. Он закрыл глаза и стал вспоминать то время, когда они с Гевиньи ради экономии жили в одной комнате и были очень скромными и тихими. Студенты тогда насмехались над ними и старались провоцировать разные инциденты. Случались среди них и такие парни, которые добивались всех желаемых женщин. Один в особенности. Звали его Марком. Он не был ни особенно умен, ни особенно красив. Однажды Флавье решил расспросить его о жизни. Марк улыбнулся тогда.

— Разговаривай так,— сказал он,— будто уже спал с ними... Это не дает осечки.

Но Флавье так никогда и не осмелился на это. Он не мог быть нескромным. Даже «ты» говорил людям с трудом. Когда в молодости он служил инспектором, коллеги смеялись над ним, считая притворщиком. И даже немного боялись. А когда же Гевиньи осмелился? С какой женщиной? Может быть, с Мадлен? Флавье называл ее Мадлен, будто был связан с ней, будто Гевиньи был их общим недругом. Он попытался представить себе ресторан отеля «Континенталь». Вообразил, как обедает в первый раз с Мадлен и делает знак метрдотелю подать карту вин. Нет, невозможно! Тот не стал бы его обслуживать... А потом... нужно будет пересечь огромную залу ресторана... позднее — спальня... Раздевающаяся Мадлен... да что там! Ведь она была его женой!.. Флавье открыл глаза, поерзал в кресле, и ему захотелось покинуть театр, но он сидел в середине ряда: пришлось бы беспокоить столько зрителей! Вокруг раздались смех и аплодисменты, которые вспыхнули на мгновение и затихли. Кажется, актеры говорили о любви. Быть актером! Флавье вздрогнул от отвращения. Украдкой, краешком глаза поискал Мадлен. В золотистом полумраке она вырисовывалась как портрет. Драгоценности сверкали на ее шее и в ушах. Глаза тоже казались светящимися. Она слушала с выражением восхищения на лице, которое часто можно видеть у посетителей музея, рассматривающих Джоконду. Тяжелый узел волос на ее затылке отливал красным деревом. Мадам Гевиньи...

Флавье нужно было смотреть на нее в бинокль, но сосед Мадлен решительно задвигался, и он сунул прибор в карман. В антракте надо уйти. Теперь он был уверен, что узнает ее в любом месте, и почувствовал дрожь при мысли, как станет следить за ней, наблюдать чужую жизнь. Гевиньи попросил его о чем-то некрасивом. И если Мадлен догадается... В конце концов, у нее есть полное право иметь любовника! Но он уже знал, что сам будет сильно страдать,

если обнаружит ее неверность. В зале снова раздались аплодисменты. Он бросил быстрый взгляд: Мадлен сидела в той же позе. Бриллианты в ее ушах так же вспыхивали. В глазах по-прежнему отражался свет театральных огней, а тонкая рука лежала на бархате барьера. Ложа создавала вокруг нее светло-золотой ореол. Не хватало лишь подписи в углу картины, и на секунду Флавье показалось, что он видит там маленькие красные буквы: Р. Ф... Роже Флавье... Но это уже было слишком глупо! Он не должен придавать такое значение словам Гевиньи... Если позволить своему воображению унестись... Ему надо было становиться романистом с такой фантазией, с образами, возникающими перед ним, драматическими и трагическими. Роже сжал руки, как это делал Гевиньи. Если он выбрал ремесло адвоката, то затем только, чтобы узнавать секреты, мешающие людям жить. Даже Гевиньи со своими фабриками, богатством, с друзьями, устал от жизни. Они лгали, все эти люди, которые вместе с Марком утверждали, будто не признают препятствий. Кто знает, не искал ли и сам Марк человека, которому мог бы довериться? Гевиньи тоже целовал Мадлен, и вместе с тем она была ему безразлична. Правда заключалась в том, что все они, как и Флавье, шатались на крутом спуске, в конце которого находилась бездна. Они смеялись, они занимались любовью, но они боялись. Что бы с ними стало без пасторов, врачей и людей закона?

Занавес упал, и он поднялся. Люстра зажглась, и в ее свете лица показались сероватыми. Все встали и продолжали аплодировать стоя. Мадлен медленно обмахивалась программкой, пока муж что-то говорил ей на ухо. И это была тоже знакомая картина: женщина с веером... а быть может, изображение Полин Лагерлак. Лучше было решительно уйти. Флавье последовал за толпой, которая направлялась в фойе, и на секунду был остановлен группой, возвращавшейся в зал. Когда ему удалось освободиться, он почти столкнулся с Гевиньи и его женой.

Он задел Мадлен, проходя, увидел ее в нескольких сантиметрах от себя и узнал только потом... Ему хотелось обернуться, но молодые офицеры, которые спешили в бар, подтолкнули его вперед. Он спустился на несколько ступенек и внезапно пожалел, что ушел. Тем хуже. Он почувствовал необходимость побыть одному.

Ему нравились эти военные ночи, эти длинные пустынные улицы, по которым гулял теплый ветер, приносящий аромат лужаек и магнолий. Он двигался бесшумно, как бег-

лец, и без труда представлял себе лицо Мадлен, ее темные волосы, так красиво уложенные, голубые глаза, такие светлые, что они не смогли бы скрыть своих чувств. У нее были тонкие губы, почти не тронутые помадой, губы мечтающей девочки. Да, имя Мадлен создано для нее. Но Гевиньи... Ей нужна другая фамилия. Она, конечно, несчастлива! Гевиньи вовлек ее в странное замужество, не понимая, что жена умирает от скуки рядом с ним. Она была слишком деликатна, слишком возвышенна для подобной жизни. Не потеряла ли она охоту к рисованию? Теперь речь шла уже не о том, чтобы последить за ней, а о том, как защитить ее и, может быть, помочь.

«Я схожу с рельс,— подумал Флавье.— Еще несколько часов, и я влюблюсь. Мадам Гевиньи просто нуждается в чем-то укрепляющем, вот и все!»

Он ускорил шаг, недовольный собой и немного встревоженный. А когда вернулся домой, решил, что скажет Гевиньи, будто неотложное дело требует его выезда в провинцию. Почему он станет рисковать своим спокойствием ради человека, который, в сущности, ему даже не верит? Ведь Гевиньи мог и раньше объявиться. К дьяволу Гевиньи!

Он приготовил немного ромашки.

«Что бы она подумала, если бы увидела такое? Старик, погрязший в своих привычках и пороках».

Он плохо спал. А проснувшись, вспомнил, что должен следить за Мадлен, и застыдился своей радости, но не смог с нею сладить, она осталась рядом, как потерявшаяся собака, которую не смеешь прогнать. Он включил радио. Опять артиллерийская перестрелка и патрулирование. Хорошо. Это не помешало его счастью. Он быстро закончил несколько дел, позавтракал в знакомом ресторане. Его не смущали больше гражданская одежда и взгляды, укоризненные и неодобрительные, адресованные ему. Ведь он не виноват в том, что забракован. Он с трудом дождался двух часов и отправился на авеню Клебер. После недели ненастья установилась хорошая погода. Почти никого на улице. Флавье сразу заметил массивный черный «тальбо», стоящий возле шикарного здания, и прошел мимо. Это было здесь. Здесь жила Мадлен... Он вытащил из кармана газету и медленно пошел вдоль согретых солнцем фасадов домов. Время от времени он пробегал глазами статью... самолет, сбитый в Эльзасе... Ничего не поделаешь, он в отпуске, и у него свидание с Мадлен: этот час полностью принадлежал ему. Он пошел обратно, выбрал маленькое кафе, перед которым на тротуаре стояли три столика, и присел за один из них.

— Кофе!

Отсюда он мог видеть все это здание: высокие окна, украшенные по моде 1900 года, балкон со множеством цветов. Выше находилась мансарда и синее дневное небо. Его взгляд опустился: «тальбо» отъезжал по направлению к Этуаль. Теперь Мадлен не заставит себя ждать.

Он выпил обжигающий кофе, улыбаясь самому себе. В общем, не было никаких причин ей выходить... Но она выйдет, из-за этого солнца, листвы, этого теплого воздуха... Выйдет, потому что он ждет ее.

И неожиданно она действительно появилась на тротуаре. Флавье отбросил свою газету и пересек улицу. На ней был серый костюм, очень затянутый в талии, и в руках черная сумка, которую она прижимала к себе. Она огляделась, надевая перчатки. Вокруг ее шеи дрожали кружева. Лоб и глаза были прикрыты вуалеткой, которая грациозно спадала с полей шляпки, и он подумал: жена волка. Ему захотелось нарисовать этот тонкий силуэт, ясно видевшийся на фоне светлого строения в стиле рококо. У него тоже была слабость к краскам, но его картины успеха не имели. Он тоже учился играть на рояле, но не достиг мастерства. Он был из тех людей, которые ненавидят посредственность, но сами не могут подняться до настоящего таланта. Много слабеньких попыток... много разочарований. Но теперь здесь была Мадлен...

Она прошла по улице до площади Трокадеро и приблизилась к Экспанаде, белизна которой слепила глаза. Никогда еще Париж так не походил на парк. Эйфелева башня, голубая и рыжеватая, поднималась над лужайками, как знакомый тотем. Сады в каскадах цветов тянулись до самой Сены. Здесь люди как бы находились между войной и покоем, и это ощущение было напряженным. Может быть, потому Мадлен теперь шла с такой усталостью? Казалось, она колеблется: остановилась перед входом в музей, потом отошла, будто что-то увело ее. Перешла на авеню Анри-Мартин, прогулялась по ней в потоке других людей, наконец решилась и вошла в часовню Паси.

Флавье был уверен, что она продолжит свою прогулку, и действительно Мадлен пошла к могилам по центральной аллее кладбища, с ее статуями и надгробиями из мрамора и бронзы. Затем свернула на боковую дорожку, поглядывая направо и налево. Вокруг нее прыгали воробьи. Городской шум доносился издалека, и можно было вообразить, что находишься в странной и чужой стране, будто внезапно переменилась вся жизнь. Больше никого не было. Мадлен

медленно шла между могил, и тень ее скользила по памятникам, ломаясь на ступеньках часовен, в глубине которых виднелись фигуры ангелов. Иногда она останавливалась для того, чтобы прочитать полустершиеся надписи: «Семья Местье...», «Альфонс Меркадье. Он был хорошим отцом и мужем». Многие камни вросли в землю, по ним бегали ящерицы. Мадлен, казалось, хорошо себя чувствовала в этом месте. И продолжала свой путь, который в конце концов привел ее к центру кладбища. Там ей пришлось нагнуться и поднять тюльпан, упавший из какого-то букета. Затем по-прежнему не спеша она приблизилась к одной из могил и остановилась возле. Флавье, спрятавшись за часовней, мог спокойно наблюдать за ней. Лицо Мадлен не выражало ни экзальтации, ни волнения, а напротив, дышало спокойствием и даже радостью. О чем она думала? Ее руки свободно висели вдоль тела, а пальцы все еще держали тюльпан. Она снова была похожа на портрет женщины, которую обессмертил гений художника. Может быть, наступил один из приступов, о которых рассказывал Гевиньи? Или Мадлен находилась в мистическом трансе? Но тот проявлялся в других симптомах, очень определенных, которые невозможно спутать. Видимо, все было проще: Мадлен пришла помолиться за умершего, какого-нибудь родственника. Но могила казалась очень старой и заброшенной...

Флавье посмотрел на часы. Мадлен простояла там двадцать минут и теперь двигалась по центральной аллее, рассматривая прочие скульптуры с таким интересом, будто только за этим и пришла сюда. Флавье мимоходом прочитал надпись на надгробье могилы, у которой останавливалась Мадлен.

Полин Лагерлак
1840—1865

Хотя он и ожидал увидеть это имя на камне, все же почувствовал волнение и продолжил свое преследование. Гевиньи оказался прав: было что-то необъяснимое в поведении Мадлен. Он вспомнил ее позу перед могилой. Она даже не сложила молитвенно руки, не склонила головы. Просто оставалась совершенно неподвижной, как бы погруженной в воспоминания, будто, например, перед своим родным домом. Он отбросил эту абсурдную мысль и подошел поближе к Мадлен. Она так и не выпустила тюльпан из руки и теперь спускалась к Сене, чуть сгорбившись, немного усталой походкой.

Оба подошли к мосту, и она зашагала по нему, глядя на воду. Было жарко, мужчины несли свои шляпы в руках и вытирали лбы. Вода вдоль камня набережной казалась такой синей, и первые стрижи заливались на берегу... В своем строгом сером костюме, на высоких каблуках она выглядела здесь немного чужой, как путешественница, ожидающая своего поезда и время от времени вертящая в пальцах тюльпан. Она пересекла Сену и облокотилась о парапет, прижимая цветок к щеке. Может, у нее здесь назначено свидание с кем-нибудь?.. Или она просто отдыхает? Или это скука привела ее сюда наблюдать за баржами и катерами, скользящими по воде. Она немного нагнулась. Ей, должно быть, было видно свое отражение очень далеко, в окружении синего неба и длинной дуги моста. Флавье приблизился, еще сам не зная почему. Не шевелясь, Мадлен выпустила тюльпан, и маленькая красная точка стала медленно погружаться в воду. Внезапно Флавье тоже заинтересовался этим тонущим цветком. Потом тот исчез. Но Мадлен, опустив руки, продолжала вглядываться в воду, и у Флавье создалось впечатление, что она улыбается. Потом она выпрямилась и вернулась на правый берег по другому мосту. Мадлен шла домой все с тем же безразличным видом, не обращая внимания на уличное движение. В половине пятого она переступила через свой порог, и Флавье почувствовал себя бесполезным до отвращения. Что ему делать сегодня вечером? Это преследование вызвало в нем чувство неудовлетворенности, сделало его существование еще более невыносимым. Он вошел в маленькое кафе и позвонил Гевиньи.

— Алло? Это ты, Поль?.. Это Роже. Ты можешь уделить мне минуту?.. Нет, ничего не случилось... Просто хочу задать тебе несколько вопросов... Хорошо, иду.

Гевиньи говорил из своей конторы голосом большого вельможи. Действительно, ведь его службы занимали целый этаж.

— Вам придется немного подождать, месье... Господин директор на совещании...

Служащий провел Флавье в салон, уставленный солидной мебелью.

«Не надувает ли он меня?» — подумал Флавье, но вскоре увидел Гевиньи, который провожал посетителя.

— Очень рад тебя видеть,— сказал Гевиньи. — Прости, мы сегодня немножко затурканы.

Обширный и светлый кабинет его был отделан по-американски: стол и конторки — металлические, кресла кожаные, на никелевых ножках. На стене висела огромная

карта Европы, утыканная булавками, на которые была натянута красная нить.

— Итак?.. Ты ее видел?..

Флавье сел и закурил сигарету.

— Да.

— И что она делала?

— Ходила на кладбище Паси.

— Ну, конечно!.. На могилу...

— Да!

— Вот видишь,— сказал Гевиньи. — Теперь ты сам убедился.

На углу письменного стола стояла фотография Мадлен. Едва заметив это, Флавье не смог больше оторвать от нее глаз.

— На могиле высечено одно лишь имя,— продолжал он,— но родители твоей жены, конечно, тоже погребены там?

— Вовсе нет! Они похоронены в Арденнах. А склеп моих родных находится в Сент-Уэне. В Паси только Полин Лагерлак, и это ужасно!!! Может, хоть ты мне объяснишь наконец, для чего был нужен этот визит, это хождение?.. И не сомневайся, она не в первый раз туда ходила.

— Действительно, ведь она не спрашивала у сторожей. Ей было известно, где эта могила.

— Черт! Ведь я уже сказал, она просто околдована этой Полин!

Гевиньи вышагивал позади своего письменного стола, заложив руки в карманы. На шее его обозначилась красная полоска от слишком узкого воротничка. Зазвонил телефон, он резким движением снял трубку и, прикрыв ее ладонью, пробормотал:

— Она воображает себя Полин. Ну ответь, как я после этого могу жить спокойно?

Приглушенный голос пробивался из-под его руки. Он поднес трубку к уху и отрывисто бросил:

— Алло, я слушаю... А! Это вы, мой дорогой друг.

Флавье смотрел на Мадлен, на ее бесстрастное лицо статуэтки, которое только слегка оживляли глаза. Гевиньи, нахмурив брови, продиктовал распоряжения, потом положил трубку. Флавье внезапно пожалел о своем приходе. Он понял, вернее, почувствовал, что тайна составляла сущность Мадлен и Гевиньи только мешал ей жить. И в голову ему пришла очень тревожная мысль: а что, если мозг Мадлен...

— Как они мне надоедают,— сказал Гевиньи. — Сейчас

царит такая неразбериха, старина! Ты даже не представляешь. Впрочем, лучше об этом не знать. Так спокойнее.

— Лагерлак — девичья фамилия твоей жены? — спросил Флавье.

— Да нет, ее звали Гиворс... Мадлен Гиворс. Своих родителей она потеряла три года назад. Ее отец имел большую бумажную фабрику около Маси... Крупное дело! А основал фабрику ее дедушка... Он был уроженцем этих мест.

— А Полин Лагерлак жила в Париже?

— Вовсе нет.

Гевиньи принялся барабанить по столу своими толстыми пальцами.

— Послушай. Все это было так давно... Теща однажды показала мне дом бабушки Полин, старое здание на улице Сен-Пере, если не ошибаюсь... Кажется, на нижнем этаже там еще была какая-то лавка: магазин античных вещей или нечто в этом роде... А что ты думаешь о Мадлен после того, как увидел ее?

Флавье пожал плечами.

— Пока ничего.

— Но ведь здесь есть что-то.

— Кажется... да... А ты не знаешь, она совсем забросила свою живопись?

— Вроде бы... Да, совсем. Сделала салон из ателье, а я его обставил.

— Но почему она перестала рисовать?

— Вот!.. Просто ей это надоело. А потом... ведь люди меняются.

Флавье встал и протянул руку Гевиньи.

— Не буду мешать тебе работать, старина. Я вижу, как ты занят.

— Брось,— оборвал его Гевиньи,— это ничего не стоит. Меня Мадлен интересует. Ответь мне честно... По-твоему, она сумасшедшая?

— Безусловно не сумасшедшая,— ответил Флавье. — А она много читает? Есть у нее увлечения?

— Нет. Читает немного, как все, только самые интересные книги, журналы... И увлечений вроде никаких не замечал.

— Хорошо, я продолжу наблюдение за ней,— сказал Флавье.

— У тебя не очень-то воодушевленный вид.

— Просто я твердо убежден, что мы зря теряем время.

Он не мог признаться Гевиньи в своем решении следить за Мадлен недели и месяцы, в том, что не обретет покоя, не раскрыв ее тайны.

— Очень прошу тебя,— сказал Гевиньи. — Ты видишь, как я живу: контора, разъезды, ни одной свободной минуты... Поэтому займись ею. Мне будет намного спокойнее.

Он проводил Флавье до лифта.

— Позвони, если узнаешь что-нибудь новое.

— Обещаю.

Флавье вышел из здания и очутился в толпе. Купил вечернюю газету. Два самолета сбиты в районе Люксембурга. Статья уверяла, что немцы проигрывали войну. Они были блокированы и обречены на бездействие. Скоро с ними покончат. Флавье зевнул и сунул газету в карман. Война перестала волновать его. Если что-то и имело значение, так это Мадлен. Зайдя в кафе, он заказал виски с содовой. Ему представилась Мадлен перед могилой Полин... тоска по могиле... Нет! Это невозможно... Но что нам известно о невозможном?

Вернувшись к себе с головной болью, Флавье стал перелистывать энциклопедию на букву «Л» и, конечно, ничего не нашел.

Он заранее знал, что имени Лагерлак не может быть в справочнике, но не смог бы заснуть, не проверив этого. На всякий случай... Вероятно, он совершит еще множество абсурдных поступков... на всякий случай. Начиная думать о ней, он терял всякое хладнокровие. Женщина с тюльпаном. Он попытался нарисовать ее силуэт, склонившийся над водой. Потом сжег листик бумаги и проглотил два снотворных порошка.

Глава 3

Мадлен прошла мимо Кабинета депутатов, возле здания которого шагал вооруженный часовой. Как и накануне, она вышла из дома сразу после ухода Гевиньи, но на этот раз зашагала быстро, и Флавье, опасавшемуся несчастного случая, пришлось следовать за ней по пятам, потому что она переходила улицы, не обращая внимания на машины. Куда она так бежала? Мадлен заменила свой серый костюм на коричневый, совсем обычный, а на голову надела берет. Низкие каблуки изменили ее походку. Она казалась еще моложе, выглядела немного по-мальчишески со своей сумочкой под мышкой. В тени фасадов она пошла по бульвару Сен-Жермен. Прогулка в Люксембург? Или в Географический зал? На какой-нибудь сеанс оккультизма? Внезапно Флавье все понял и для большей уверенности подошел бли-

же. Почувствовался запах ее духов... Где он уже слышал его?.. Это было накануне, на пустынных аллеях кладбища Паси... Ему нравился этот запах, он напоминал дом его бабушки, выстроенный около Сомюра, на скале. Все люди там жили на скалах и поднимались к себе по лестницам, как Робинзоны. Печные трубы иногда торчали прямо из вершин. Он ездил туда на каникулы, в этот дом, полный множества переходов и коридоров, вырубленных в скале. В детстве они внушали ему страх, а земля там всюду пахла духами Мадлен. И здесь, на бульваре, залитом солнцем, где молоденькие ветви, как протянутые руки, бросали тени на тротуар, Флавье снова почувствовал привлекательность неизвестного и сразу понял, почему это происходит. Мадлен пробудила это в нем. А потом всплыли другие воспоминания, в особенности одно. В двенадцать лет, сидя в тени деревьев на высокой скале, откуда открывался величественный вид на бесконечные леса, он прочитал роман Киплинга «Свет погас». На первой странице там была картинка, представляющая девочку и мальчика. Они нагнулись над револьвером. И загадочная фраза, которая всегда вызывала у него слезы, вспомнилась ему: «Это был Варалонг, направляющийся в Южную Африку...» Теперь он уже знал, что девочка, одетая в черное, была похожа на Мадлен. Та самая девочка, о которой он думал, прежде чем заснуть, и шаги которой слышались ему во сне. Да, все это было смешно, во всяком случае для такого человека, как Флавье. Но все это было правдой, только идущей по другому, по неведомому плану, правдой погибшей мечты, неожиданно и случайно обретенной вновь. Мадлен шла впереди него, вся в темном, тонкая, стараясь оставаться в тени, и от нее пахло хризантемами. Потом она свернула на улицу Сен-Пере, и Флавье почувствовал что-то вроде горького удовлетворения. Конечно, это еще ничего не означало, но тем не менее...

Дом, о котором говорил Гевиньи, находился здесь. Это безусловно был он, потому что Мадлен вошла в него и потому что внизу располагалась антикварная лавка. Гевиньи ошибся только в одном: дом оказался отелем. «Фамли Отель». Не более двадцати комнат. Одно из небольших прибежищ для провинциалов. На двери висел плакат: «Мест нет». Флавье толкнул ее, и старая дама за столиком администратора, занимающаяся вязанием, подняла на него глаза поверх очков.

— Нет,— пробормотал Флавье,— я пришел не из-за комнаты... Мне бы только хотелось узнать фамилию дамы, которая вошла сюда передо мной.

— А кто вы?

Флавье сунул ей под лампу свое старенькое удостоверение инспектора, которое сохранил так же, как и многое другое: его бумажник вечно был набит пожелтевшими письмами и самым разными бумагами. Старуха внимательно посмотрела на него.

— Мадлен Гевиньи,— ответила она.

— А она не в первый раз сюда приходит?

— О! — сказала старуха. — Ее здесь иногда видишь.

— Она принимает кого-нибудь... в своей комнате?

— Это порядочная молодая женщина.

Опустив глаза на свою работу, она улыбалась немного лукаво.

— Отвечайте,— настаивал Флавье;— она принимает кого-нибудь?.. Это может быть, например, подруга.

— *Нет... Никого она никогда не принимает.*

— Тогда что же она здесь делает?

— Откуда мне знать?.. Я не слежу за своими постояльцами.

— Какой у нее номер?

— Девятнадцатый, на третьем этаже.

— Хороший?

— Вполне приличный. У нас есть лучше, но ее устроил и этот. Я предлагала ей двенадцатый, но она настояла именно на девятнадцатом. Ей определенно хотелось получить комнату на третьем этаже, с окнами во двор.

— Почему?

— Этого она не сказала. Может быть, из-за солнца.

— Если я правильно понял, она сняла ее?

— Да, на месяц.

— Когда же это было?

Старуха перестала двигать спицами и посмотрела в книгу.

— Кажется,— сказала она,— прошло уже больше трех недель. Да, в начале апреля...

— А обычно она долго остается наверху?

— Это зависит только от нее: иногда час, иногда меньше.

— Она никогда не приносила с собой багаж?

— Нет... никогда.

— И часто приходит?

— Нет, была только два или три раза.

— Вам никогда не казалось, что у нее странный вид?

Старуха подняла очки на лоб и потерла сморщенные веки.

— Все люди странные,— ответила она. — Если бы вы

провели жизнь в приемной отеля, то никогда бы не задали такого вопроса.

— Случается ей звонить отсюда по телефону?

— Нет.

— А этот отель давно существует?

Сморщенные веки поднялись, и глаза старухи со странным выражением усталости поглядели на Флавье.

— Уже пятьдесят лет.

— А раньше... что здесь было?

— Обычный дом, наверное.

— А вы когда-нибудь слышали о некой Полин Лагерлак?

— Нет, но, если эта женщина останавливалась здесь, я могу поискать в книгах.

— Бесполезно.

Они снова посмотрели друг на друга.

— Благодарю вас,— сказал Флавье.

— Не за что,— ответила старуха.

Наступило напряженное молчание. Он по-прежнему стоял, облокотившись на стол, и машинально теребил зажигалку в кармане.

«Я растерял все свои навыки,— подумал он,— разучился вести следствие».

Ему хотелось подняться наверх, посмотреть в замочную скважину той самой двери, но он знал, что не сделает этого. Поэтому поклонился и вышел.

Почему окна комнаты на третьем этаже должны обязательно выходить во двор? Она, без сомнения, принадлежала Полин! Но Мадлен не знала об этой детали, как не знала и о ее самоубийстве... Тогда что?.. Какой таинственный призыв привел ее сюда? Флавье отметил несколько возможных объяснений: внушение, ясновидение, потеря душевного покоя. Но ни одно здесь не подходило. Мадлен всегда была нормальной и уравновешенной. Более того, ее тщательно осматривали специалисты... Нет, тут было что-то другое.

Ему пришлось быстро вернуться к отелю, так как Мадлен уже вышла и теперь направлялась к мосту. Она едва оставалась в комнате полчаса. По-прежнему торопливо Мадлен подошла к станции Орсе и сделала знак такси. Флавье еле успел впрыгнуть в другое.

— Следуйте за тем «рено»!

Он должен был воспользоваться своей «симкой». А теперь Мадлен может ускользнуть от него... Если она обернется... Но на мосту Конкорд и на Елисейских полях движе-

ние было очень интенсивным. Такси Мадлен направлялось к Этуаль.

«Да она же просто возвращается к себе!» — подумал он. Повсюду были видны мужчины в военной форме, военные машины, и такое множество лимузинов, будто в день Четырнадцатого июля. Все это производило впечатление праздника, а Флавье любил ощущение искрящейся жизни. «Рено» обогнул Триумфальную арку и проехал через ворота Майо. Впереди простиралась авеню Нейи, залитая солнцем. Тут машин было меньше, и ехали они не спеша, с опущенными верхом и стеклами.

— Похоже на то, что даже такси собираются уменьшить выдачу горючего,— сказал шофер.

Флавье подумал, что уж он-то получит бензина столько, сколько понадобится, благодаря Гевиньи. Ему было стыдно своей мысли, но что там говорить: десятью литрами больше или меньше, какое это может иметь значение для государства!

— Остановитесь! — приказал он.

Мадлен вышла в конце моста Нейи. Флавье заранее приготовил плату, чтобы не потерять времени. Его удивило, когда он увидел, как Мадлен тем же небрежным шагом, что и накануне, направилась вдоль Сены. Не было никакой связи между отелем на улице Сен-Пере в этой набережной Курбевуа. К чему же эта прогулка? Правда, набережные в Париже так хороши! Убегала ли она от толпы? Было ли нужно это путешествие вдоль тихих вод, чтобы подумать или помечтать? Он вспомнил островки на Луаре, их песчаные отмели. Ему казалось, что он разделяет чувства Мадлен, и в нем росло желание догнать ее. Им не нужно будет разговаривать, они просто будут идти рядом и смотреть на скользящие по воде лодки. Вот какие мысли пришли ему в голову. Он остановился, чтобы дать ей немного удалиться, и даже подумал о возвращении. В этом преследовании было что-то не совсем порядочное, угнетающее его, но все-таки он пошел дальше...

Немного песка, немного камней, немного травы... Издалека был слышен стук колес вагонеток на узкоколейке. Что она собиралась делать в этом заброшенном краю? До какого места увлечет его? Их было двое здесь, один позади другого. Он шла не оборачиваясь, по-прежнему глядя на реку, и чем больше проходило времени, тем больший страх охватывал Флавье. Нет, это не было простой прогулкой. Бегство? Или приступ потери памяти? Ему приходилось видеть этих потерявших память, оказавшихся на дальних дорогах, удив-

ленных и испуганных, разговаривающих как сомнамбулы. Он подошел ближе. Мадлен в это время пересекла шоссе и присела на террасе маленького бистро для моряков: три крошечных железных столика под полинялым занавесом. Флавье, спрятавшись за бочками, не терял из виду ни одного ее жеста. Она достала из сумочки листок бумаги и перо, обшлагом вытерла стол. Хозяин бистро не показывался. Она уже писала, немного наклонив голову, и Флавье вдруг подумал, что она любит человека, который сейчас в армии. Но и эта гипотеза стоила не больше других. Зачем ей было идти так далеко, когда гораздо проще написать то же самое дома, где никто не станет следить? Она писала не задумываясь, видимо, уже по дороге составив текст. Или за те полчаса, которые провела в отеле. Все это было немного ненормально. А что если письмо означало разрыв?.. Но тогда Мадлен не пошла бы на могилу Полин Лагерлак!

Никто обслуживать Мадлен не собирался. Хозяин, вероятно, как и все, был теперь на фронте. Мадлен сложила и старательно запечатала письмо, огляделась вокруг и хлопнула в ладоши. В доме ничто не пошевелилось. Тогда она встала, держа конверт в руке. Будет возвращаться назад? Она колебалась, и Флавье бог знает что отдал бы, лишь бы прочитать адрес на конверте поверх ее плеча. Мадлен прошла мимо бочек и спустилась к берегу. Он снова уловил запах ее духов. Легкий порыв ветра раздул на ней юбку. Лицо, которое он видел в профиль, было неподвижно и бесстрастно: она наклонила голову, взяла конверт половчее и одним рывком разорвала его пополам, потом на четыре части, потом на совсем маленькие кусочки, а их уже небольшими порциями развеяла по ветру. Они полетели на ка́мни, на поверхность воды. Мадлен смотрела за их полетом, а руки ее похлопывали одна по другой, будто хотели стряхнуть какую-то пыль. Кончиком туфли она поддала несколько обрывков, застрявших в траве, и подтолкнула их к краю набережной. Они исчезли. Затем спокойно шагнула вперед, и брызги от всплеска воды, залившего берег, долетели почти до Флавье.

— Мадлен!

Он ничего не понимал, стоя позади своих бочек. Остался только маленький белый обрывок конверта, лежащий на земле.

Мадлен!

Он бросился к воде, скинув на ходу пиджак и жилет. Там еще расходились тяжелые волны. Он прыгнул в них, и холод сдавил его грудь. В каком-то исступлении он все кричал и кричал мысленно:

— Мадлен... Мадлен...

Вытянув вперед руки, он ощупал мокрую темноту, потом резко, по самый пояс вынырнул на поверхность и увидел ее на волне в нескольких метрах от себя, уже намокшую и отяжелевшую. Он снова нырнул, чтобы схватить ее за талию, но пальцы его поймали только встречное течение. Задыхаясь, он оглянулся и глазами, полными слез и воды, угадал темную погружающуюся массу, рванувшись, вцепился в ее одежду и быстро стал перебирать пальцами... Ну, быстрее... шея, где же шея... Наконец, одной рукой нащупал и приподнял ей затылок, а другую выбросил на поверхность, чтобы удержаться на плаву. Это страшно тяжелое тело надо было вырвать как из дыры, выдернуть отсюда вместе с водой. Совсем недалеко Флавье видел берег, но силы уже покидали его. Он почти задыхался. И тогда, глотнув побольше воздуха, кратчайшим путем он поплыл к лестнице, у которой была причалена барка. Ударился плечом о цепь и повис на ней. Но тут ноги его коснулись лестницы, и, выпустив цепь, он ухватился за камень набережной и поднялся на ступеньку, потом на другую, вытаскивая за собой тело Мадлен. С обоих струями стекала вода, постепенно уменьшая их вес. Он прислонил Мадлен к лестнице, потом в последнем усилии снова схватил ее и понес наверх. А там уже упал на колено, дал ей сползти набок и повалился сам. Ветер леденил его волосы и лицо.

Первой зашевелилась Мадлен. Тогда он сел и взглянул на нее. Она имела жалкий вид: волосы, прилипшие к щекам, посиневшая кожа. Глаза ее были открыты и пристально смотрели в небо. Будто искали там что-то.

— Вы не умерли...— сказал Флавье.

Эти глаза обратились теперь к нему. Но взгляд шел откуда-то издалека.

— Я не знаю,— прошептала она. — Но было бы неплохо умереть.

— Идиотка! — закричал Флавье. — Ну-ка! Встряхнитесь!

Он обхватил ее руками, поднял и, уже навалившуюся на него, перекинул через плечо. Она весила немного, и бистро было совсем близко, но тем не менее он весь дрожал от усталости, когда дошел до двери.

— Эй!.. Кто-нибудь!

Он поставил Мадлен на ноги перед прилавком. Она шаталась, лязгая зубами.

— Эй!

— Иду! Иду,— ответил чей-то голос.

Из кухни в глубине бистро вышла женщина с маленьким ребенком на руках.

— Несчастный случай,— объяснил Флавье. — Вы не могли бы одолжить нам какие-нибудь старые вещи? Мы совершенно промокли.

Он нервно рассмеялся, чтобы завоевать доверие этой женщины.

Неожиданно заплакал ребенок, и мать стала баюкать его.

— У него режутся зубки,— сказала она.

— Пожалуйста, что-нибудь переодеться,— настаивал Флавье. — Потом я вызову такси... А пока схожу за пиджаком... Я оставил в нем бумажник. И приготовьте для мадам порцию коньяка... в общем, выпить и покрепче!

Он пытался выказать хоть немного тепла и сердечности, чтобы заставить Мадлен прийти в себя и заинтересовать их приключением женщину. Но сам чувствовал, что полон радости, энергии и воли.

— Садитесь! — прикрикнул он на Мадлен.

Затем пошел на пустынную набережную и подобрал свой пиджак с жилетом. Ванна в этот сезон была не очень-то страшна, но он совершенно измучился... Особенно его удручало сейчас видение Мадлен, спокойно идущей к краю набережной. И главное, потом, вместо того чтобы сопротивляться, бороться, она немедленно покорилась случившемуся, даже не подумав о возможной смерти. Он решил больше не выпускать ее из вида, защищать против нее самой, так как теперь понял, что она не совсем нормальна. Он вернулся бегом, чтобы согреться. Женщина с ребенком, повисшим на ее шее, разливала спиртное в два стакана.

— Где она?

— В боковой комнате, там. Переодевается.

— А где у вас телефон? Я хочу вызвать такси.

— Там.

Подбородком она указала в конец бара.

— Я нашла только спецовку, это вас устроит?

Ей пришлось повторить вопрос, когда Флавье повесил трубку.

— Очень хорошо,— сказал он.

В эту минуту Мадлен вышла из кухни и ошеломила его. Одетая в бедное платье из полинялой ткани, без чулок, в босоножках, совсем не смущенная, это была другая Мадлен.

— Идите быстрей сушиться,— сказала она. — Я так огорчена... В следующий раз буду внимательней.

— Надеюсь, следующего раза не наступит,— проворчал Флавье.

Он ожидал благодарности, чего-нибудь патетического, а она пыталась шутить. Он злобно натянул на себя рабочую одежду, слишком большую для него, такую, что будет выглядеть в ней смешным. Женщины в зале о чем-то шептались, как заговорщицы, а он, утративший вдруг всю свою радость и тщетно пытающийся поймать концы рукавов, с неприязнью обнаружил, что костюм его испачкан смазочным маслом... Его гнев обратился против Гевиньи. Он заплатит за это, кретин! Пускай другого попросит последить за своей женой, если тому это светит! Внезапно Флавье услышал сигнал такси. Стесняясь и краснея, он толкнул дверь.

— Вы готовы?

Мадлен держала на руках ребенка.

— Не так громко,— прошептала она,— вы разбудите его.

Она осторожно протянула младенца матери, и это обстоятельство прибавило Флавье еще больше раздражения. Нужно было еще собрать мокрые вещи, отблагодарить женщину. Он сунул банкноту под наполненный стакан и вышел. Мадлен бегом последовала за ним.

— Куда вас отвезти? — холодно спросил он, когда она влезла в машину.

— Поедем к вам,— предложила она. — Я думаю, вы ждете не дождетесь, чтобы одеться как следует. А мне это безразлично.

— И тем не менее, где вы живете?

— Авеню Клебер... Меня зовут мадам Гевиньи... Мой муж конструирует корабли.

— А я адвокат... метр Флавье.

Он опустил разделяющее стекло.

— Улица Мобеж, на углу улицы Ламартин.

— Вы, должно быть, сердитесь на меня,— проговорила Мадлен. — Но я даже не знаю, что произошло.

— А я знаю,— сказал Флавье. — Вы хотели лишить себя жизни.

Он помолчал немного, дожидаясь ответа, протеста. Потом продолжил:

— Вы можете довериться мне. Я готов вас понять... Горе какое-нибудь... Неприятность...

— Нет,— тихим голосом ответила она,— все совсем не так, как вы думаете.

Снова перед ним была незнакомка из театра, случайная женщина, та Мадлен, которая хотела утопиться, та, которая склонялась над забытой могилой...

— Мне захотелось броситься в воду,— продолжала она,— но клянусь вам, не знаю почему.

— Тем не менее... письмо!

Она покраснела.

— Письмо адресовалось мужу, но мои объяснения были настолько необычны, что я предпочла...

Она повернула голову к Флавье и положила ладонь на его руку.

— Послушайте, месье, вы верите в то, что можно снова ожить?.. Я хочу сказать... умереть, а потом... возродиться в ком-нибудь другом?.. Понимаете?.. Вы не решаетесь ответить... Принимаете меня за сумасшедшую...

— Послушайте...

— Между тем, я не сумасшедшая, нет... Но мне кажется, мое прошлое идет откуда-то очень издалека... Кроме детских воспоминаний у меня еще есть и другие, будто еще одна жизнь, которую я теперь продолжаю. Не знаю, почему я вам это рассказываю...

— Говорите,— пробормотал Флавье,— говорите!

— Я вижу вещи, которых никогда раньше не видела... лица другие... которые существуют только в моем воображении. А порой мне кажется, что я старая, очень старая женщина.

У нее было глубокое контральто, и Флавье слушал ее, не шевелясь.

— Должно быть, я нездорова,— продолжала она. — Но с другой стороны, если это правда, то мои воспоминания не имели бы такой отчетливости. Они были бы хаотичны, беспорядочны.

— Но в тот момент вы следовали импульсу или действовали, приняв определенное решение?

— Скорее, приняв решение... но это для меня тоже не совсем ясно. Просто я чувствую, что становлюсь все более странной и моя настоящая жизнь уже где-то позади... а тогда... зачем тянуть?.. Для вас, для всего света, смерть — это противоположность жизни... но для меня...

— Не говорите так,— запротестовал Флавье,— прошу... Подумайте о вашем муже.

— Бедный Поль! Если бы он знал!

— Он как раз и не должен знать. Пусть это останется тайной между нами.

Флавье не смог удержаться, чтобы не вложить в эту фразу нежную интонацию, и она улыбнулась с неожиданной легкостью.

— Профессиональный секрет? Вот я и утешена. Счастье, что вы оказались там.

— Да. Мне нужно было повидаться кое с кем, немного дальше того места. Если бы не такая прекрасная погода, я поехал бы на машине.

— А я была бы мертва,— прошептала она.

Такси остановилось.

— Вот и приехали,— сказал Флавье. — Вы простите за беспорядок в квартире. Но я холостяк и к тому же очень занятой.

В вестибюле никого не оказалось. На лестнице тоже. Флавье бы очень смутился, если бы кто-то из жильцов дома увидел его в этой одежде. Открывая дверь своей квартиры, он услышал, как зазвонил телефон, и провел Мадлен в кабинет.

— Это клиент, без сомнения. Садитесь. Я отлучусь на минуту.

Он подбежал к аппарату.

— Алло!

Это оказался Гевиньи.

— Я уже звонил два раза,— сказал он. — Мне тут вспомнилось кое-что относительно самоубийства Полин... Она бросилась в воду... Не знаю, правда, чем это тебе поможет, но все же сообщаю... А у тебя есть новости?

— Потом расскажу,— ответил Флавье,— я сейчас не один.

Глава 4

Флавье с неприязнью разглядывал записи в своем блокноте. «6 мая». Три свидания, два дела о наследстве и одно о разводе. Хватит с него этой дурацкой работы. И ведь никакой возможности вывесить объявление: «Закрыто по случаю мобилизации, похорон»... или еще что-нибудь. Телефон так и будет звонить целыми днями. Клиент из Орлеана станет просить его приехать. И он вынужден быть любезным, делать какие-то записи. В конце дня позвонит или приедет Гевиньи. Он настойчив, этот Гевиньи. Ему все надо рассказывать... Флавье сел за письменный стол и раскрыл досье Гевиньи...

«27 апреля, прогулка по лесу; 28 апреля, провели день в Парамонте; 29 апреля, Рамбуйе и долина Шевре; 30 апреля, Мариньян. Чай на террасе Галереи Лафайет. Головокружение, вызванное обрывом. Вынуждены были спуститься. Она много смеялась; 1 мая, прогулка в Версаль. Она хорошо ведет машину, хотя „симка“ довольно капризна; 2 мая, лес Фонтенбло; 3 мая, я ее не видел; 4 мая, короткая прогулка

в саду Люксембург; 5 мая, долгое путешествие по Эсону. Вдали был виден собор Шартр...»

А в событиях, относящихся к 6 мая, ему бы следовало записать: «Я люблю ее. Я не могу теперь существовать без нее». Написать о том, что было его любовью. Меланхолической любовью, горевшей скрытно, как огонь в заброшенной шахте. Мадлен, казалось, ничего не замечала. Он был другом, не больше, приятным собеседником, с которым можно от души поболтать. Никаких разговоров о том, чтобы познакомить его с Полем, Флавье играл роль адвоката, состоятельного человека, который занимается ею ради провождения времени и который, конечно, рад помочь молодой женщине обмануть ее болезнь. Случай в Курбевуа был забыт. Он только дал Флавье некоторые права на Мадлен. Но она умела пользоваться ситуацией и иногда вспоминала о том, что он ее спас. Она уделяла ему приветливое внимание с тем безразличием, которое адресовала бы дяде, всякому родственнику, просто другу. Слово «любовь» здесь было бы неуместным. И потом, существовал Гевиньи! По этой причине Флавье считал долгом чести каждый вечер давать ему полный отчет о прошедшем дне. Тот слушал его молча, нахмурив брови, потом заговаривал о странной болезни Мадлен.

Флавье закрыл досье, вытянул ноги и сплел пальцы. Болезнь Мадлен!.. Двадцать раз за день он задавал себе этот вопрос. Двадцать раз проигрывал про себя поведение и слова Мадлен, раздумывая над ними с упорством маньяка. Мадлен не была больна, но, вместе с тем, и не была совершенно здорова. Она любила жизнь, движение толпы, часто веселилась, порою даже искрящимся весельем. Здравого смысла у нее было хоть отбавляй... С виду это была одна из самых жизнерадостных женщин. Но так выглядела ее наружняя сторона, светлая. А ведь существовала и другая, ночная, таинственная. Она была какой-то холодной, и не то чтобы эгоисткой, но в чем-то расчетливой... Ледяной, глубокой, безразличной, неспособной захотеть и увлечься. Гевиньи оказался прав: как только ее переставали развлекать, удерживать на краю жизни, она немедленно впадала в задумчивость, которую нельзя было назвать ни грустью, ни грезами, а скорее — изменением состояния, будто часть ее души уплывала куда-то. Несколько раз Флавье видел ее такой, стоящей рядом, но молча ускользающей, погружающейся во что-то недоступное ему.

— Вам что-нибудь неприятно? — спрашивал он.

Мадлен медленно приходила в себя, лицо ее оживлялось

постепенно: казалось, она делала усилие над своими мускулами и нервами. Но улыбка на какое-то время оставалась колеблющейся: веки несколько раз опускались, прежде чем она поворачивала голову.

— Нет, мне очень хорошо.

Эти глаза успокаивали его. Может быть, однажды она будет с ним более откровенна. Флавье боялся доверять ей руль. Машину она водила мастерски, но с долей фатализма... Да и это было не точным словом. Флавье безуспешно пытался определить ее состояние... Она не защищалась, она принимала. Он вспомнил то время, когда и сам лечился от депрессии. Тогда с ним происходило то же. Малейшее движение вызывало протест. Если бы он увидел на земле банкноты по тысяче франков, то не смог бы заставить себя подобрать их. Вот так и у Мадлен. Флавье был уверен, что, встретившись с каким-нибудь препятствием, она не станет реагировать, тормозить, сигналить. Ведь в Курбевуа она даже не пыталась сопротивляться. Еще одна курьезная деталь: сама она никогда не предлагала маршрута прогулки.

— Чего вы больше хотите, пойти в Версаль или Фонтенбло? А может, предпочитаете остаться в Париже?

— Мне все равно...— или: — Да, очень хочу.

Ответы всегда были такими, и всегда через пять минут она уже смеялась. Веселилась вовсю: щеки ее разрумянивались, а рука сжимала руку Флавье.

Тогда он совсем близко чувствовал ее тело, полное жизни. И порой не мог удержаться от того, чтобы не шепнуть ей на ушко:

— Как вы очаровательны!

— Это правда? — спрашивала она, поднимая на него глаза.

Всякий раз у него стремительно падало сердце, когда он смотрел в них, такие голубые и ясные. Она быстро уставала. И всегда была голодна. В четыре часа ей необходимо было получать свою закуску: бриошь, чай, варенье. Флавье не очень-то любил ходить в кофейни или кондитерские и потому часто увозил ее за город. Поедая вместе с нею пирожные, он чувствовал себя страшно виноватым, потому что шла война и, конечно, мужья и любовники продавщиц находились на фронте, где-то между Северным морем и Вогезами. Но он понимал, что пища эта нужна Мадлен именно для того, чтобы удерживаться на поверхности, не впадая в забытье.

— Вы заставили меня подумать о Вергилии,— признался он ей однажды.

— Почему это?

— Помните, когда Эней спустился к Плутону, за ним тянулся кровавый след, и тени мертвых шли за этой кровью, пили ее и на какое-то время получали возможность говорить. И говорили они о том, что жалеют живых!

— Да, но я не понимаю...

Он подвинул к ней тарелку, полную булочек-подковок.

— Ешьте... Возьмите все... Мне кажется, вы тоже лишены чувства реальности. Ешьте!

Она улыбнулась — с крошкой, прилипшей в углу рта.

— Эвридика!.. Как это красиво... Вы думаете, что вырвали меня из ада?

Вместо того чтобы снова вернуться к Сене, с ее глинистыми берегами, он представил себе скалы вдоль Луары, где всегда слышалось монотонное падение капель воды. Он положил свою руку на руку Мадлен.

С этого дня Флавье стал называть ее Эвридикой, как в игре. Он не смел говорить ей «Мадлен», из-за Гевиньи и из-за того, что Мадлен была замужней женщиной, женой другого. Эвридика же, наоборот, полностью принадлежала ему. Он держал ее в объятиях мокрую, с закрытыми глазами, как тень мертвой. Он знал, что был смешон, но жил в состоянии каких-то болезненных грез. Пускай! Никогда он еще не чувствовал этого необычайного мира, этих приступов радости с их страхами и недомолвками: ему так долго пришлось ждать эту молодую чужую женщину! С тринадцати лет. С той эпохи, когда еще верил в фей и привидений...

Раздался телефонный звонок. Он быстро схватил трубку, потому что знал, кто это.

— Алло! Это вы?.. Свободен... У меня всегда есть возможность... Да, работы много, но ничего срочного... Вам будет приятно?.. Правда?.. Тогда решено. С условием вернуться к пяти. Буду говорить честно... Решайте сами... Вы так любезны, но вы меня смущаете. Может быть, музей? Это не очень оригинально, но все же... Прогулка по Лувру?.. Нет, нет, это совершенно не обязательно... Остается масса других вещей... Решено, спасибо... До скорого свидания...

Он тихонько опустил трубку, будто в ней еще звучал любимый голос. Что принесет этот день? Ничего нового, как и предыдущие. Ситуация была безвыходной. Мадлен никогда не выздоровеет, к чему себя тешить. Возможно, теперь, когда он развлекал ее, она и меньше думала о самоубийстве, но в глубине души осталась такой же тронутой. Что сказать Гевиньи? Должен ли он передать ему все, о чем думал? Флавье чувствовал себя словно в заколдованном кругу и не знал, как поступить.

Он взял шляпу и вышел. Клиенты придут позже, а может, вовсе не придут. Какая разница! Даже то, что Париж будут бомбить. Даже то, что война продолжалась и ему казалось: он все же сумеет принять в ней участие. Даже то, что при всех обстоятельствах будущее было неясным. Ничто теперь не имело значения, кроме любви. Он пошел по бульвару, инстинктивно желая шума, контакта с толпой. Это давало ему возможность немного забыть Мадлен. А потом, фланируя вокруг Оперы, он окончательно понял, что эта молодая женщина серьезно овладела им: он играл около нее роль донора, но донора, отдающего не кровь, а душу в некотором роде. И теперь, когда он оставался один, в нем возникала потребность общения с человеческой толпой, необходимого для восстановления потерянной энергии. Поэтому он ни о чем и не думал, считая, что сможет устоять... Но иногда позволял себе мечтать... Гевиньи умрет, и Мадлен будет свободна... Он рассказывал себе несбыточные истории и пристрастился к ним, как курильщик к к опиуму. Толпа медленно увлекала его, и он отдавался ей, отдыхал, чувствуя себя человеком.

Остановившись перед витринами «Лансель» и не имея ни малейшего желания ничего покупать, он стал любоваться выставленными драгоценностями: ему нравился блеск золота и камней на темном бархате. А потом, увидев на подносе самые разные зажигалки и портсигары, он внезапно вспомнил, что Мадлен свою зажигалку сломала, вошел и выбрал ей новую, маленькую, из бледного золота, и еще портсигар из русской кожи. Очередная трата была ему приятна. Он написал на карточке: «Воскрешенной Эвридике»,— и сунул ее в портсигар. Он отдаст ей пакет в Лувре или немного позднее, когда они пойдут закусить перед расставанием. Утро показалось ему еще прекраснее от этой покупки. Он улыбался, чувствуя в руке маленький, синий-синий пакетик. Дорогая, дорогая Мадлен!

В два часа он уже ждал ее на площади Этуаль. Она всегда была точна при встречах.

— Вот как,— сказал он,— вы сегодня в черном.

— Я очень люблю черный цвет,— призналась она.— Если бы мне удалось все делать по своему желанию, я бы всегда носила черное..

— Но почему? Ведь это так мрачно.

— Совсем нет. Черное делает мысли ясными и вынуждает принимать себя всерьез.

— А если бы вы носили голубое или зеленое?

— Даже не знаю. Наверное, появилось бы ощущение,

что я ручеек или тополь... Девочкой я верила в магические свойства цветов... Поэтому мне и захотелось заняться живописью.

Она взяла его под руку с той доверчивостью, которая всегда его трогала.

— Я тоже,— сказал он,— тоже пытался рисовать, но у меня плохо получалось.

— Ну и что из того? Ведь здесь только цвета имеют значение!

— Мне бы хотелось посмотреть ваши полотна.

— О! Они немногого стоят... На них не увидишь ничего конкретного. Это мечты... а вы мечтаете в красках?

— Нет... Я все вижу серым... как в кино.

— Тогда вы не сможете понять. Вы слепой!

Она засмеялась и сжала его руку, показывая, что шутит.

— Это настолько прекраснее так называемой реальности,— продолжала она. — Попробуйте представить цвета, которые трогают себя, едят себя, пьют себя, которые полностью проникают в вас. Делаешься похожим на насекомое, сливающееся с листком, на котором сидит. Каждую ночь я мечтаю о несбыточном мире.

— Вы тоже...— пробормотал он.

Прижавшись друг к другу, они обошли площадь Согласия, не глядя ни на кого. Он едва замечал, куда идет, поглощенный разговором.

— Мальчиком,— сказал он,— я грезил неведомыми странами. Могу даже показать вам на карте, где они находятся.

— Это не то же самое.

— О, нет, как раз то же. Моя греза полна сумрака, а ваша — света, но я отлично знаю, что они тождественны.

— И вы больше не верите в это?

Флавье колебался, но она смотрела на него с такой надеждой! Будто придавала огромное значение его ответу.

— Нет, еще верю. Особенно с тех пор, как узнал вас.

Некоторое время они продолжали прогулку в молчании. Общий ритм шагов вызывал в них общие мысли. Потом они пересекли широкий двор, поднялись по маленькой темной лестнице и погрузились в прохладу дворца.

— Лично я не просто верю, а знаю,— продолжала она,— знаю, что он существует... Такой же реальный, как и наш, только нельзя об этом говорить вслух.

Гигантские статуи святых, стоящие друг за другом, большими пустыми глазницами смотрели, как они проходили мимо. Египетские божества. Вдалеке были видны сарко-

фаги и огромные камни с загадочными письменами. В глубине пустых залов гримасничали головы быков, изъеденные временем.

— Я уже ходила здесь под руку с мужчиной,— пробормотала она. — Давно, очень давно... Он напоминал вас, но у него были бакенбарды.

— Это, без сомнения, иллюзия. Впечатление, что уже видел это когда-то, часто бывает.

— О, нет... Я смогу дать вам подробности исключительной точности... Вот слушайте: я часто вижу маленький городок, названия которого не знаю... Не знаю даже, находится ли он во Франции, и все-таки часто прогуливаюсь по нему, будто всегда там жила. Его пересекает река. Справа видна Триумфальная арка в романском стиле... Если пойти по бульвару, обсаженному платанами, то слева будут арены... несколько сводов, лестница с обломанными ступенями. На аренах — я вижу, что их три,— выросли тополя, стадо баранов пасется...

— Но... я знаю этот ваш город! — воскликнул Флавье.— Это Сент, а река — Шаранта.

— Может быть!

— Правда, арены разрушились, и нет больше тополей.

— В мое время они там были... а маленький фонтан все еще существует? Девушки подходили и бросали в него шпильки, чтобы выйти замуж в тот же год.

— Источник Святой Эстеллы?

— Еще церковь за аренами... высокая церковь с очень старыми колоколами.

— Сент-Этроп!

— Вот видите.

Они медленно шли мимо загадочных рук, пахнущих воском. Порой им встречался посетитель, внимательный, сосредоточенный. Они были поглощены друг другом и почти не замечали львов, сфинксов и быков вокруг.

— Как вы назвали город? — спросила она.

— Сент...

— Наверное, я жила там... когда-то.

— Когда-то... Когда были маленькой?

— Нет, нет,— терпеливо возразила Мадлен,— в моем другом существовании.

Флавье не протестовал. Слова Мадлен будили в нем слишком много отзвуков.

— Где вы родились? — спросил он.

— В Арденнах, совсем близко от границы. Война всегда проходила через нас. А вы?

— Я был воспитан моей бабушкой, около Сомюра.

— Я единственная дочь,— сказала Мадлен. — Мама часто болела, а отец проводил все свое время на фабрике. У меня было невеселое детство.

Они вошли в зал, по стенам которого висели портреты. Глаза людей с этих картин долго провожали их. Иногда то были вельможи со строгими лицами, иногда роскошно одетые офицеры, с рукою на шпаге и с лошадью позади.

— А в юности,— прошептал Флавье,— у вас еще не было грез... предвидений?

— Нет, я была только одинокой, предоставленной себе самой.

— И... когда это началось?

— Совершенно внезапно. Не очень давно... Просто почувствовала, что это не я... понимаете? Похоже на ощущение, которое испытываешь, когда проснешься и не узнаешь своей комнаты.

— Да... Если бы я был уверен, что не рассержу вас,— сказал Флавье,— то задал бы один вопрос.

— У меня нет секретов,— задумчиво сказала Мадлен.

— Можно?

— Прошу вас.

— А вы не думаете больше о том... чтобы исчезнуть?

Мадлен остановилась и подняла на него глаза, глаза, которые всегда смотрели умоляюще.

— Вы не поняли меня,— пробормотала она.

— И все же ответьте.

Небольшая группа посетителей стояла перед картиной, Флавье увидел на ней крест, бледное тело, упавшую на плечо голову, тонкую струйку крови под левой грудью. Немного дальше к небу было поднято женское лицо. Мадлен весила не больше тени на его руке.

— Нет... не настаивайте.

— Я именно настаиваю... Это не меньше в ваших интересах, чем в моих.

— Роже... Умоляю вас.

Она сказал это едва слышно, но тем не менее Флавье был ошеломлен. Он обнял Мадлен за плечи и притянул к себе.

— Разве вы не понимаете, что я люблю вас? Что я не хочу вас потерять.

Они шли, как два автомата, между мадонной и Голгофой. Она медленно сжала его руку.

— Вы пугаете меня,— сказал он,— но я нуждаюсь в вас... Наверное, мне нужно ощущать страх... чтобы прези-

рать ту жизнь, которая у меня есть... Если бы я только был уверен, что вы не ошибаетесь!

— Уйдем отсюда.

Они прошли через пустые залы, разыскивая выход. Она не выпускала его руки, а все сильнее за него цеплялась. Наконец они спустились по ступенькам и очутились, немного запыхавшиеся, у лужайки, на которой устремлялась к небу струя воды. Флавье остановился.

— Я спрашиваю себя: не сумасшедшие ли мы немного?.. Вы помните мои недавние слова?

— Да,— ответила Мадлен.

— Я признался, что люблю вас... Вы хорошо это слышали?

— Да.

— А если я буду повторять, что люблю, вы не рассердитесь?

— Нет.

— Это невероятно!!! Хотите еще пройтись?.. Нам так много нужно сказать друг другу.

— Нет... Я устала. Надо возвращаться.

Она казалась испуганной и была бледна.

— Я поймаю такси,— предложил Флавье,— но сначала примите маленький подарок.

— Что это такое?

— Откройте! Откройте!

Она развязала узел, развернула пакет, положила на раскрытую ладонь портсигар с зажигалкой и покачала головой. Потом открыла портсигар и прочла слова на карточке.

— Мой бедный друг,— сказала она.

— Идемте!

Он увлек ее к улице Риволи.

— Не благодарите меня,— продолжал он. — Я знал, что вам нужна зажигалка... А мы увидимся завтра?

Она кивнула.

— Хорошо. Поедем за город... Нет, нет, ничего не говорите, оставьте меня с воспоминанием об этом дне... Вот и ваше такси... Дорогая Эвридика, вы не знаете, каким блаженством меня оделили.

Он взял ее руку и прижал свои губы к перчатке.

— Не смотрите больше назад,— сказал он, открывая дверцу такси.

Он был измучен физически и умиротворен, как в давние времена, когда целыми днями бродил по берегам Луары.

Глава 5

Все утро Флавье с нетерпением ждал телефонного звонка Мадлен. В два часа он побежал к их обычному месту свидания на площадь Этуаль. Она не пришла. Он позвонил Гевиньи, но тот уехал в Гавр и вернуться должен был только на следующее утро около десяти часов.

Флавье провел томительный день. Заснуть он не смог и до зари уже был на ногах, шагая по своему кабинету, и представлял разные трагические картины. Нет, с Мадлен ничего не могло случиться! Это невозможно! И между тем... Он сжимал кулаки, стараясь побороть панику. Никогда он не должен был признаваться в этом Мадлен. Они оба обманывали Гевиньи. Ведь тот доверял ему и передал Мадлен на хранение. Нужно покончить с этой бессмысленной историей. И поскорее!.. Но когда Флавье попытался представить себе жизнь без Мадлен, что-то сломалось в нем: он открыл рот и вынужден был прислониться к краю стола и спинке кресла. Он готов был проклинать бога, судьбу, фатальность, все, что называется этими словами, все приведшее его к таким ужасным обстоятельствам. Он всегда был изгнанником, отвергнутым даже войной! Он опустился в кресло, в котором сидел Гевиньи в день их первой встречи. А не преувеличено ли это несчастье? Чувство, настоящее чувство не может так развиться за две недели. Опершись подбородком на ладонь, он стал размышлять. Что ему известно о любви? Он никогда не любил никого. Но, конечно, всегда страстно желал счастья, как бедняк перед витриной. Однако между счастьем и ним стояло нечто холодное и твердое. И когда, наконец, он сделался инспектором, ему показалось, что теперь его жизнь будет предназначена для защиты этого мира, счастливого и радостного. Такая вот витрина... А Мадлен... нет... Он не имел права... Он не мог быть заодно с ворами. Тем хуже. Он откажется!.. Бедняга. Вот так, при первой же трудности спасовал. А Мадлен, может быть, уже готова была полюбить его...

— Довольно! — громко проговорил он. — Пусть меня оставят в покое!

Он сварил очень крепкий кофе, чтобы взбодриться, и некоторое время проблуждал между кухней, кабинетом и спальней. Эта незнакомая боль, которая утвердилась в теле, в думах, мешала глубоко дышать, размышлять разумно, она действительно была любовью. Он чувствовал себя готовым на любые ошибки и глупости и был почти горд таким состоянием. Как мог он такое долгое время принимать столько

людей в своем кабинете, вести столько дел, выслушивать столько признаний и ничего не понять, остаться глухим к правде? Он лишь пожимал плечами, когда клиент со слезами на глазах восклицал: «Ведь я люблю ее!» Ему хотелось сказать: «Послушайте, вы с вашей любовью заставляете меня смеяться. Ведь это только детская мечта, любовь! Что-то очень красивое, очень чистое, но неуловимое. Спальные дела меня не интересуют. Идиот!»

В восемь часов он все еще был в халате и в домашних туфлях, непричесанный, с чересчур блестящими глазами. Он так ничего и не решил. Звонить Мадлен было невозможно. Она запретила ему это из-за прислуги. К тому же, она просто могла не желать его больше видеть. Возможно, ей тоже было страшно, ей тоже...

Он равнодушно побрился, оделся. А потом вдруг понял, что обязательно должен срочно повидать Гевиньи. Неожиданно ему потребовалась уверенность в том, что по желанию Гевиньи он сможет снова видеться с Мадлен. И сквозь окружающий его плотный туман ему блеснул луч надежды. Он заметил, что через неподнятые занавески пробиваются солнечные лучи. Погасил электричество и впустил в кабинет свет дня. В нем возродилась надежда просто потому, что была чудесная погода и война еще не кончилась. Он вышел, оставил для уборщицы ключ от квартиры под ковриком, приветливо улыбнулся консьержке. Все теперь ему казалось легким, и он готов был смеяться над своими тревогами. Конечно, он не изменился. Он всегда останется подозрительным, меланхоличным, робким. У него никогда не бывало полнокровных дней отдыха, морального равновесия. Вместе с тем, около Мадлен... Он постарался изгнать Мадлен из своих мыслей, чтобы снова не впасть в панику. Париж был залит солнечным светом, и Флавье медленно пошел пешком. К десяти часам он подошел к конторе Гевиньи. Тот только что приехал.

— Устраивайся, старина... Я сейчас. Скажу несколько слов своему помощнику...

Гевиньи выглядел усталым. Через несколько лет у него будут мешки под глазами и дряблые морщинистые щеки. Пятидесятилетие его не украсит. Флавье расположился на стуле. Возвращаясь, Гевиньи дружески хлопнул его по плечу.

— Завидую я тебе, знаешь,— сказал он. — Я бы сам с удовольствием все дни тратил на то, чтобы сопровождать красивую женщину, особенно если бы она была моей... А я живу просто как бродяга.

Он тяжело сел и повернул кресло в сторону Флавье.

— Итак?

— Итак, по-прежнему ничего. Позавчера мы ходили в Лувр. Вчера я ее не видел. Надеялся на телефонный звонок. И должен признаться, это молчание...

— Ничего серьезного,— сказал Гевиньи.— Мадлен просто немного нездоровилось. Я сейчас застал ее в постели. Завтра она будет на ногах. Я к этому привык, да!

— Она рассказывала тебе о своей прогулке?

— В двух словах. Показывала безделушки, которые купила себе... зажигалку, кажется.... В общем, похоже было, что она в хорошем состоянии.

— Тем лучше. Я очень рад.

Флавье скрестил ноги и лениво перебросил руку через спинку стула. Он наслаждался ощущением обретенной безопасности.

— Я стал задавать себе вопрос,— продолжал он,— нужно ли еще это наблюдение?

— Как это! Ты хотел?.. Никак нельзя прекращать его. Ты сам видел, на что она способна.

— Да, да,— неискренне проговорил Флавье. — Но... понимаешь... Мне неприятно сопровождать всюду твою жену... Ты должен сообразить. У меня такой вид... не знаю, как и сказать. Словом, ситуация не из чистых, если хочешь знать.

Гевиньи повертел в руках папку. Потом качнул несколько раз головой.

— А мне,— проворчал он,— ты думаешь, эта ситуация нравится мне? Я понимаю твои сомнения, но у нас нет выбора. Если бы у меня было время для Мадлен, я бы постарался справиться один. К несчастью, я все больше и больше становлюсь рабом своих дел.

Он бросил папку, скрестил на груди руки, втянул голову в плечи и уставился на Флавье.

— Дай мне еще пятнадцать дней, старина, максимум три недели. С помощью Министерства я, без сомнения, расширю свои строительные площадки и тогда в основном буду находиться в Гавре. Если случится так, как я надеюсь, мне, возможно, удастся увезти Мадлен. А ты здесь последи пока за ней! Большего не прошу... Я прекрасно понимаю твои переживания... И знаю, что навязал тебе тяжелую обузу, но мне необходимо иметь возможность трезво мыслить в течение пятнадцати дней.

Флавье сделал вид, что колеблется.

— Если ты и вправду думаешь, что это дело двух недель...

— Даю тебе слово.

— Пусть будет так. Но ты все равно должен знать мое мнение. Я не одобряю эти прогулки. Я человек неустойчивый, у меня сильно развито воображение... Видишь, я ничего от тебя не скрываю.

У Гевиньи было жесткое лицо, с каким он, без сомнения, руководил администрацией, и вместе с тем улыбающееся.

— Спасибо,— сказал он,— ты парень, каких теперь не встретишь. Но безопасность Мадлен должна быть на первом месте.

— У тебя есть основания для подозрений?

— Нет.

— А ты подумал о том, что, если твоя жена повторит подобный поступок, я могу не успеть прийти ей на помощь?

— Да... Я думал обо всем.

Он опустил глаза и сцепил пальцы.

— Ничего такого не случится,— пробормотал он. — А если и случится, то там будешь ты и, по крайней мере, все расскажешь. Чего бы я не смог перенести, так это неизвестности... Я бы сто раз предпочел видеть Мадлен больной, на операционном столе в руках хирурга. Боже мой, в таких случаях хотя бы знаешь, на что идешь. Можно считать шансы за и против. Но эта темень... Кажется, ты не совсем меня понял?

— О! Напротив!

— Итак?

— Я буду оберегать ее... Не бойся! Кстати, ты не знаешь, жила ли она в Сенте?

— В Сенте? — удивленно переспросил Гевиньи. — Нет... Точно нет. А почему тебе пришла такая мысль?

— Она мне рассказывала про него так, будто действительно жила там.

— Что это ты мне здесь поешь?

— У нее не было возможности видеть фотографии этого города?

— Безусловно нет. И повторяю, мы никогда не путешествовали на запад. У нас там нет совершенно никаких дел.

— А Полин Лагерлак?.. Она из Сента?

— Тут, старина, ты хочешь от меня слишком многого. Откуда мне знать?

— Лагерлак... это распространенное имя. И я могу назвать тебе еще с двадцать, которые звучат почти так же.

— Да... Возможно... Но я не вижу связи.

— Она же бросается прямо в глаза!.. Твоя жена сумела описать мне местность, которую никогда не видела, но которую, вероятно, знала Полин Лагерлак... Подожди! Более того... она описывала арены не такими, какие они сейчас, а какими были сто лет назад.

Гевиньи нахмурил брови, пытаясь понять.

— И что же ты думаешь?

— Ничего,— ответил Флавье,— пока ничего... Это было настолько необычно!.. Полин и Мадлен...

— Да брось ты! — оборвал его Гевиньи. — Мы живем в двадцатом веке, и ты не можешь утверждать, что Полин и Мадлен... Признаю, Мадлен много собирала сведений о своей бабушке... Но это ведь можно объяснить. Потому-то я и просил тебя помочь мне. Если бы я мог предвидеть, что ты пойдешь...

— Я предлагал тебе прекратить это занятие.

Флавье почувствовал, как между ними возникла сильная напряженность. Он немного подождал и поднялся.

— Не буду больше отнимать у тебя времени...

Гевиньи покачал головой.

— Сейчас значение имеет только спасение Мадлен. Будет она больная, сумасшедшая, экзальтированная, мне наплевать. Пусть только живет.

— Она сегодня выйдет из дома?

— Нет.

— В таком случае когда же?

— Завтра непременно... А сегодня я последую твоему совету и проведу весь день с ней.

Флавье не дрогнул, но в нем поднялась волна ненависти. «Как же я могу его ненавидеть! — подумал он. — До чего это отвратительно!»

— Завтра...— сказал он. — Не знаю, буду ли я свободен завтра.

Гевиньи тоже встал, обошел вокруг письменного стола и дотронулся до руки Флавье.

— Прости,— вздохнул он,— я грубый, нервный. Но это не моя вина. Ты в конце концов заставишь меня окончательно потерять голову. Вот послушай, сегодня я хочу провести один эксперимент. Начну говорить и готовить ее к Гавру, только совершенно не представляю, как она это воспримет. Поэтому никаких сомнений и колебаний: завтра ты должен быть свободен, чтобы оберегать ее. Я настаиваю на этом. А потом вечером ты мне позвонишь или придешь сюда. И расскажешь обо всем, что в ней заметил. У меня полное доверие к твоему мнению. Решено?

Где Гевиньи научился говорить таким голосом, убедительным, прочувствованным?

— Да,— ответил Флавье.

Он негодовал на себя за это «да», которое предавало его во власть Гевиньи, лишало собственной инициативы.

— Спасибо... Я никогда не забуду того, что ты для меня сделал.

— Я убегаю,— стыдливо пробормотал Флавье. — Не беспокойся, я знаю дорогу.

И снова потекли его пустые, смертельно монотонные часы. Он не мог больше думать о Мадлен, не представляя себе Гевиньи возле нее, и от этого чувствовал определенную боль. Ну что он за человек? Предает Мадлен. Предает Гевиньи. Он подыхал от ревности и злобы, желания и отчаяния. Но все же сознавал себя чистым и уверенным. Он никогда не переставал быть порядочным человеком.

День он провел, частью бродя по улицам, частью на скамейках парков и в кафе. Что будет с ним, когда Мадлен покинет Париж? Нужно ли помешать ей уехать? И каким образом?

Он закончил вечер в кино, безразлично глядя на экран. Как всегда, здесь было много народу, и фильм показывали самый обычный. Люди вокруг него сосали конфеты, картина никого не интересовала. Флавье ушел, не досидев до конца сеанса, потому что боялся заснуть. У него болела голова и блестели глаза. Он медленно шел домой; ночь была полна звезд. Время от времени встречались прохожие, которые прогуливались или курили у подъездов.

Он развалился на кровати и затянулся сигаретой; дрема так быстро подкралась к нему, что даже не хватило сил раздеться. Он погрузился в глубокий сон... Мадлен...

Проснувшись с ясной головой, он сразу услышал знакомый шум. Выли сирены. Они выли все вместе над крышами, и город стал похож на пакетбот в состоянии аврала. В доме хлопали двери, звучали быстрые шаги. Флавье зажег лампу на ночном столике: три часа. Он повернулся на другой бок и заснул. Когда же в восемь утра услышал новости, то узнал, что немцы перешли в наступление. Он почувствовал странное облегчение. Наконец-то война! Он сможет принять в ней участие. Переложить свои сомнения и горести на других, и те уже станут решать за него. Ему останется только плыть по течению. Война пришла к нему на помощь, теперь Париж в войне. Он почувствовал голод. Усталости больше не было. Позвонила Мадлен. Она ждет его в два часа.

Все утро он работал: принимал клиентов, отвечал на те-

лефонные звонки. В голосах его собеседников чувствовалось похожее возбуждение. Однако новости сообщали редко. Пресса, радио проявляли сдержанность, но это было естественно. Он позавтракал с одним из своих коллег: они долго разговаривали. Многие рассматривали карты. Ему едва хватило времени прыгнуть в свою «симку» и примчаться на площадь Этуаль. Он был наполнен словами, шумом, солнцем.

Мадлен ждала его. Почему она надела тот самый коричневый костюм, который был на ней тогда?.. Флавье задержал в своей руке руку Мадлен в перчатке.

— Вы заставили меня умирать от беспокойства,— сказал он.

— Мне немного нездоровилось. Простите... Я могу повести машину?

— Пожалуйста. Я с утра только на нервах держусь. Они атаковали, вы знаете?

— Да.

Она направила машину на улицу Виктора Гюго, и Флавье понял, что ей еще не удалось окончательно выздороветь. Она заставляла скрежетать скорости, резко тормозила, слишком быстро брала с места. Нездоровая бледность покрывала ее лицо.

— Мне хочется рулить,— пояснила она,— может быть, это наша последняя встреча.

— Почему?

— Разве известно, как сложатся обстоятельства? Разве я уверена, что останусь в Париже?

Значит, Гевиньи говорил с ней. Вероятно, они поспорили. Флавье ничего не сказал, чтобы не расстраивать ее. Они выехали из Парижа через ворота Мюэт и углубились в Булонский лес.

— Почему вы думаете уехать? — продолжал он. — У нас нет риска подвергнуться бомбардировкам, и немцы на этот раз не дойдут до Марны.

Поскольку она не ответила, он стал настаивать:

— Это из-за... из-за меня?... Я не хочу мешать вашей жизни, Мадлен... Разрешите теперь называть вас Мадлен... Я только хочу быть уверенным в том, что вы больше никогда не напишете такого письма, как то, которое разорвали... Вы меня понимаете?

Она сжала губы, сосредоточившись на обгоне фургона. Дороги были забиты военной техникой, и по мосту Сюрен им пришлось двигаться почти ползком.

— Не будем больше говорить об этом,— пробормотала

она. — Разве нельзя хоть на немного забыть про войну и жизнь?

— Но вы грустны, Мадлен, я это отлично вижу.

— Я?

Ее жалкая улыбка разволновала Флавье.

— Я обычная,— продолжала она,— уверяю вас. Я никогда так не наслаждалась жизнью, как сегодня... Разве вы не чувствуете, как хорошо ехать просто куда угодно, ни о чем не думая! Я хотела бы никогда не думать ни о чем. Почему мы не животные?

— Послушайте, не говорите глупости!

— О, нет... Животных не приходится жалеть. Они едят, спят, они невинны! У них нет прошлого и будущего.

— Вот так странная философия!

— Не знаю, философия ли это, но я им завидую.

В течение следующего часа они обменялись лишь несколькими фразами. Сперва машина ехала вдоль Сены, а немного позднее Флавье узнал замок Сен-Жермен. В пустынном лесу Мадлен мчалась очень быстро и только при въезде в Пуаси слегка уменьшила скорость, но потом вернулась к прежней, пристально глядя вперед.

Флавье посмотрел на часы. Вскоре они остановятся и пойдут бок о бок, именно тогда настанет момент задать ей вопрос. Она, безусловно, скрывала что-то. «Может быть, до замужества она совершила какой-нибудь поступок, о котором не перестает жалеть? — думал Флавье. — Она не больная, не лгунья. Она просто во власти неотвязной мысли. И никогда не смела довериться своему мужу». Чем больше он так думал, тем правильнее это казалось. Поведение молодой женщины было поведением виновной. Но виновной в чем? Наверное, это было что-то серьезное...

— Вы знаете эту церковь? — спросила Мадлен. — Где мы находимся?

— Как вы сказали?.. Простите!.. Эту церковь? Нет, не знаю. Должен признаться, что не имею о ней ни малейшего представления... Не хотите ли остановиться, ведь уже половина четвертого?

Они встали в пустынном месте. За деревьями виднелись серые крыши.

— Забавно,— сказала Мадлен,— часть романской архитектуры, остальное модерн. Она не очень-то красива, эта церковь.

— Зато колокольня исключительно высокая,— заметил Флавье.

Он толкнул дверь. Над кропильницей висело объявление, которое привлекло их внимание.

«Господин кюре Гратьен обслуживает другие приходы. Месса состоится в воскресенье, в одиннадцать часов».

— Вот почему она кажется такой заброшенной,— прошептала Мадлен.

Они медленно шли между деревянными скамьями. Снаружи слышно было, как возились куры. Мадлен опустилась на колени и стала креститься перед старинной иконой. Флавье, стоящий позади нее, не смел шевельнуться. За какую ошибку она вымаливала прощение? Он не мог больше выдержать.

— Мадлен,— прошептал он,— разве вы по-настоящему верите?

Она немного повернула голову и оказалась так бледна, что ему подумалось, она вновь заболела.

— Что с вами, Мадлен, ответьте же!

— Ничего,— прошептала она. — Да, я верю... Я вынуждена верить, что здесь ничего не кончается. Вот это-то и ужасно!

Она спрятала лицо в ладонях и долго стояла так.

— Пошли! — наконец проговорила она.

Потом встала и перекрестилась. Флавье взял ее за руку.

— Нам лучше уйти отсюда, мне не нравится, что вы в таком состоянии.

— Да... Воздух придаст мне силы.

Они прошли мимо полуразрушенной исповедальни, и Флавье пожалел, что не может отправить туда Мадлен. Ей нужен был пастор. Пасторы все забывают. А он, если получит ее признание, он забудет? Тут он услышал, как она стала шарить в полутьме в поисках двери. Та отворилась, но вывела на лестницу.

— Вы ошиблись, Мадлен, это на колокольню.

— Я хочу посмотреть,— сказала она.

— У нас нет больше времени.

— Только минуту!

Она уже начала подниматься, и ему больше нельзя было медлить. Он с трудом одолел первые ступени, придерживаясь за грязную веревку, служившую вместо перил.

— Мадлен! Не так быстро!

Его голос прозвучал неожиданно громко, и ему ответило эхо. Мадлен же не ответила ничего, только стук ее каблучков отчетливо раздавался на ступенях. Флавье прошел по узенькой площадке и увидел через отверстие в крыше свою «симку», а дальше, через тополиную завесу, поле, на котором ра-

ботали женщины с повязанными головами. Тошнота мгновенно сжала его горло. Он отшатнулся от отверстия и стал подниматься медленней.

— Мадлен!.. Подождите меня!

Он часто дышал, в висках пульсировало. Ноги плохо слушались. Следующая площадка. Он заслонил глаза рукой, чтобы не видеть пустоты, но все же чувствовал ее слева. Никогда ему не удастся спуститься вниз.

— Мадлен!

Его голос охрип. Неужели он будет кричать, как ребенок в темноте? Ступени, выщербленные посередине, становились все выше. Через третье отверстие над его головой проникало немного света. Тошнота и головокружение вновь подстерегали его на этой площадке. Он не смог удержаться от того, чтобы не бросить взгляд в отверстие, на этот раз уже над верхушками деревьев: «симка» казалась лишь пятном. Воздух теснил его со всех сторон, пытаясь поднять. Он сделал еще один шаг, потом два. И наткнулся на дверь. Лестница продолжалась с другой стороны.

— Мадлен!.. Откройте!

Он дергал за ручку, стучал плашмя ладонью по старому дереву. Почему она заперлась?

— Нет! — кричал он.— Нет... Мадлен... Не делайте этого... Послушайте меня!

Его голос отражался в колоколах. Они придавали ему звучание металла, повторяли «*меня*» с нечеловеческой силой. Вне себя от отчаяния, он бросил взгляд в отверстие. Дверь разделяла его надвое. Сможет ли он обойти преграду снаружи? Да, это получилось бы по узкому карнизу, опоясывающему колокольню. Он задыхался, глядя на этот перешеек, откуда видна была вся местность. Другой бы прошел. Для него это невозможно... Он упадет. Он разобьется. Ах!.. Мадлен... Он стонал в своей каменной клетке. Крик Мадлен ответил ему. Тень промелькнула перед окном. Прижав кулак к губам, он считал, как делал это между вспышкой молнии и ударом грома, когда был маленьким. Глухой короткий стук послышался в самом низу, и он с лицом, залитым холодным потом, умирающим голосом забормотал: «Мадлен... Мадлен... Нет...» Ему пришлось сесть. Иначе казалось, потеряет сознание. Он спускался, волоча ноги со ступеньки на ступеньку. И не мог удержаться от стона. От ужаса, от отчаяния. На первой площадке он на четвереньках подполз к отверстию и рискнул высунуть голову. Под ним, внизу, слева от колокольни, стояла старая часовня, и в тени ее валялись коричневые одежды. Он вытер глаза, во

что бы то ни стало желая рассмотреть это. На камнях была видна кровь, неподалеку лежала черная сумочка. Блестела возле останков золотая зажигалка. Флавье заплакал. Ему даже в голову не пришло спуститься к ней, чтобы помочь. Она была мертва. И он был мертв вместе с ней.

Глава 6

Флавье издалека смотрел на тело. Он обошел церковь, пробрался через часовню и теперь не смел больше шевелиться. Ему вспоминался голос Мадлен, бормочущий: «Было бы неплохо». И он уцепился за эту мысль вне себя от отчаяния: она не успела почувствовать боль. Так говорили и о Лерише, который тоже упал головой вперед. Не было времени, чтобы испытать боль? Разве кто-нибудь может об этом знать? Когда Лериш упал на тротуар, кровь его была повсюду... Флавье невольно вспомнил о нем. Он видел останки своего товарища в госпитале. Он держал в руках медицинское заключение. А колокольня была гораздо выше того дома, с которого упал Лериш. Он представил себе страшный удар, как взрыв, как разбивающееся на кусочки зеркало... От Мадлен ничего не осталось, кроме этого неподвижного предмета, который казался брошенным здесь, как ненужная вещь. Он приблизился, заставляя себя смотреть в сторону и страдая оттого, что отвечал за нее. Сквозь слезы он лишь смутно различал труп среди крапивы, роскошные волосы цвета красного дерева, наполовину рассыпавшиеся, запачканные кровью и обнажившие затылок. Руку, уже воскового цвета, с обручальным кольцом, блестевшим на пальце, и... среди предметов, выпавших из сумочки, зажигалку. Он подобрал ее. Если бы он посмел, то снял бы кольцо и надел на палец себе.

Бедная маленькая Эвридика! Никогда она не возникнет из небытия, в котором захотела исчезнуть.

Он удалился медленно, пятясь задом, так, будто сам убил ее. Ему вдруг стало страшно около этого жуткого тела, над которым уже начали кружить вороны. Он побежал между могил, зажимая в кулаке золотую зажигалку. Он встретил Мадлен в часовне и теперь возле часовни оставлял. Вот и все. Это был конец. Никто никогда не узнает, почему она убила себя. И никто не узнает, что он был там. Что у него не хватило мужества обойти дверь перед лестницей. Он добежал до машины, спрятался в ней и, увидев свое отражение в стекле, ужаснулся. Он возненавидел свою жизнь. Начался ад. Он медленно тронулся, потом с удивлением узнал вок-

зал Понтуаз, проехал мимо жандармерии. Нужно ли зайти известить о случившемся и подвергнуться аресту? Но закон ничего не мог иметь против него. Его просто примут за сумасшедшего. Тогда что делать? Пустить себе пулю в лоб? Невозможно, у него никогда не хватит на это сил. Теперь он должен был признать, что поступил подло, что головокружение тут ничего не значило. Это воля его оказалась больной. Ах! Как Мадлен была права! Стать животным! Жить, не думая.

Он вернулся в Париж через ворота Азниер. Было шесть часов. В любом случае Гевиньи должен получить его рапорт. Флавье остановился у кафе на бульваре Мальзерб. Заперся в туалете, вымыл лицо, вытерся носовым платком и причесался. Потом позвонил по телефону. Незнакомый голос ответил ему, что Гевиньи отсутствует и, вероятно, уже не вернется в контору. Он заказал и выпил у прилавка порцию спиртного. Печаль наполняла его, как опьянение, у него было такое чувство, будто он находится в аквариуме и фигуры людей плавают вокруг, как рыбы. Он выпил второй коньяк, время от времени повторяя себе: «Мадлен умерла!» — и в глубине души не удивляясь этому. Он всегда был уверен, что потеряет ее именно так. Нужно было иметь столько сил, столько энергии, чтобы убедить ее остаться жить!

— Гарсон, то же самое!

Один раз он спас ее. Можно ли было поступить лучше? Нет, он не заслужил никаких упреков. Даже если бы ему удалось обойти эту дверь, все равно было уже поздно. Она слишком стремилась умереть. Гевиньи ошибся в человеке, вот и все. Он должен был найти какого-нибудь очень привлекательного, хорошего артиста, настоящего обольстителя. А выбрал типа ничем не выдающегося, занятого самим собой, узника своего прошлого. Тем хуже! Флавье расплатился и вышел. Боже, как он устал! Он медленно ехал к площади Этуаль. Порой его пальцы принимались гладить руль, который она так недавно держала. Как ему хотелось знать последние горести Мадлен, а вернее, вообще ее секрет. Она ушла из жизни без колебаний, упала на землю лицом вперед, расставив руки, чтобы крепче удариться... Вероятно, он напрасно пил. Ветер, свистевший в ушах, вызывал у него страшные мысли. Он повернул на авеню Клебер и поставил «симку» позади большой черной машины Гевиньи. Он больше не боялся его. Ведь это в последний раз он будет иметь с ним дело. Он поднялся по нарядной мраморной лестнице, покрытой красным ковром. Дощечка с фамилией Гевиньи блестела

на двери. Флавье позвонил, но, прежде чем открылась дверь, снял шляпу и принял непринужденный вид.

— Господин Гевиньи... Это метр Флавье.

Квартира Мадлен!.. Глядя на окружающую его мебель, на картины, на безделушки, он прощался с ней. Особенно его взволновали полотна в гостиной: почти все они представляли животных. Флавье приблизился к одному из них и прочитал подпись: «Мад. Гев.». Взялись ли эти животные из другой страны? Где она могла видеть такую странную черную обезьяну, этих существ, похожих на рыб? Откуда возник этот лес? На камине стоял портрет молодой женщины с янтарным ожерельем на шее: портрет Полин Лагерлак. Прическа у нее была как у Мадлен. Но на лице застыло отсутствующее выражение, будто она рассматривала что-то невидимое. Флавье глядел на этот портрет, когда дверь позади него открылась.

— Наконец-то ты! — воскликнул Гевиньи.

Флавье нахмурил лоб, но инстинктивно нашел верный тон для вопроса:

— Она здесь?

— В каком смысле?.. Тебе лучше знать, где она находится.

Флавье бессильно опустился в кресло. Ему не нужно было притворяться, чтобы казаться удрученным.

— Мы не были вместе,— пробормотал он. — Я ее ждал до четырех часов на площади Этуаль... Потом поехал в отель на улице Сен-Пере, в часовню Паси... И только что вернулся. Если ее нету здесь...

Он взглянул на Гевиньи: тот был страшно бледен и как человек, которого душат, стоял с вытаращенными глазами и полуоткрытым ртом.

— Нет, нет...— пробормотал он. — Роже... ты не смеешь...

Флавье развел руками.

— Повторяю, я искал ее повсюду.

— Это невозможно! — закричал Гевиньи. — Ты отдаешь себе отчет...

Он споткнулся на ковре и, крепко сцепив руки, бессильно повалился в кресло.

— Ее нужно найти,— сказал он. — Немедленно! Немедленно!.. Я никогда не переживу...

Он с ожесточением ударил кулаками по подлокотнику, и в этом жесте были такие ярость, боль и сила, что Флавье невольно испугался.

— Когда женщина хочет убежать,— взволнованно бросил он,— очень трудно догнать ее.

— Убежать, убежать! Как будто Мадлен такая женщина, которая способна убежать! Конечно, я бы очень хотел, чтобы это было так, только сейчас она, быть может, уже...

Он встал, опрокинув низкий столик, и, подойдя к стене, оперся о нее, сгорбившись и опустив голову, как борец, приготовившийся к бою.

— Что же делают в таких случаях? — спросил он. — Ведь ты должен знать. Предупреждают полицию?.. Боже мой, ответь же что-нибудь!

— Они засмеются нам в лицо,— проворчал Флавье. — Если бы твоя жена исчезла два, три дня назад, тогда другое дело.

— Но тебя, Роже, они знают... Если ты объяснишь, что Мадлен уже пыталась однажды покончить с собой... и только ты ее вытащил... а сегодня она снова могла попытаться, они тебе поверят.

— Прежде всего, нечего терять голову,— раздраженно вскричал Флавье. — Она, без сомнения, вернется к обеду.

— А если не вернется?

— Ну что ж, ведь не я же должен принимать какие-то меры.

— В сущности, ты просто умываешь руки.

— Да нет... Это обыкновенная привычка... попробуй понять, наконец... ведь в комиссариат должны ходить сами мужья.

— Хорошо... Я пойду.

— Это идиотство. При любом варианте там никто не пошевелится. Просто запишут твое сообщение и пообещают сделать все необходимое, а сами будут ждать дальнейших событий. Вот как это происходит.

Гевиньи медленно засунул руки в карманы.

— Если придется ждать,— проворчал он,— я превращусь в ненормального.

Он сделал несколько шагов, остановился перед букетом роз на камине и уставился на него мертвенным взглядом.

— Я вынужден вернуться к себе,— сказал Флавье.

Гевиньи не шевельнулся. Он смотрел на цветы. Мускул дергался на его щеке.

— На твоем месте,— торопливо проговорил Флавье,— я бы не очень беспокоился. Ведь еще только семь часов. Она могла задержаться в магазине или встретилась с кем-нибудь.

— Тебе наплевать,— сказал Гевиньи,— это очевидно!

— Что это ты вбил себе в голову? Представим даже, что речь идет о бегстве... Далеко она не уедет.

Он вышел на середину салона, чтобы очень терпеливо объяснить Гевиньи, какими возможностями обладает полиция для поимки беглеца. И невольно воодушевился. Ему вдруг показалось, что Мадлен и в самом деле не могла исчезнуть, и вместе с тем хотелось повалиться на ковер и предаться отчаянию. Гевиньи, по-прежнему неподвижный, не спускал глаз с букета.

— Как только она вернется,— закончил Флавье,— позвони мне.

Он направился к двери, чувствуя, что не владеет своим лицом, своими глазами и что правда вырвется из него в крике: «Она умерла!» — прежде, чем он упадет.

— Останься,— прошептал Гевиньи.

— Старина, я бы очень хотел... Но если бы ты знал, сколько у меня накопилось работы... В столе лежит не меньше десяти дел!

— Останься! — умолял Гевиньи. — Я не хочу быть один, когда ее принесут.

— Послушай, Поль... Это неразумно.

Неподвижность Гевиньи была пугающей.

— Если останешься...— сказал он. — Ты им объяснишь... Скажешь, что мы оба старались уберечь ее.

— Да, конечно... Только никто ее не принесет, можешь мне поверить.

Голос Флавье сорвался. Он быстро поднес платок ко рту, кашлянул, чтобы выиграть время.

— Ну, Поль... Все будет хорошо... Позвони мне.

Взявшись за дверную ручку, он остановился. Казалось, Гевиньи окаменел, опустив подбородок на грудь. Флавье вышел и осторожно закрыл дверь. На цыпочках он прошел через переднюю. Больной от отвращения, вместе с тем он чувствовал облегчение, потому что самое тяжелое закончилось. Не было больше дела Гевиньи. А что касается страданий Гевиньи, так разве тот страдал больше него? Он должен был признать, хлопая дверцей автомобиля, что рассматривал себя как настоящего мужа, а Гевиньи как случайного человека. Он не станет рассказывать своим бывшим коллегам в полиции, что позволил женщине покончить с собой, потому что ему не хватило смелости... Второй раз не признаются в таком стыде... Нет! Молчание. Покой. Не приходил ли уже клиент из Орлеана, который собирался покинуть Париж?.. Флавье не понял, как ему удалось довести «симку» до гаража. Теперь он шел наугад по улице, на которую спускался вечер. Вечер провинции, очень синий, очень печальный, вечер войны. На одном из перекрестков собра-

лась толпа вокруг машины, у которой к крыше были привязаны два матраца. Люди становились непоследовательными. Город медленно погружался в ночь. Площади его были почти совершенно пусты. Все создавало иллюзию смерти. Флавье вошел в небольшой ресторан на улице Сент-Орсе, выбрал столик в глубине зала и сел.

— Меню обеда или закуски? — спросил гарсон.

— Обеденное.

Ему нужно было поесть. Нужно было начать жить, как прежде. Флавье опустил руку в карман, чтобы потрогать зажигалку. Образ Мадлен возник перед ним, где-то между его глазами и белой скатертью.

«Она не любила меня,— подумал он,— она никого не любила».

Он машинально проглотил еду, ему было все безразлично. Он станет жить, как бедняк в трауре, придумывая всякие осложнения, чтобы наказать себя. Ему бы следовало купить кнут и стегаться им каждый вечер: у него были основания себя ненавидеть. И ненавидеть придется очень долго, чтобы заслужить прощение.

— Они прорвались около Льежа,— сказал гарсон,— похоже, зашевелились бельгийцы, как в четырнадцатом.

— Все это слухи,— ответил Флавье.

Льеж был где-то очень далеко, на самом верху карты. И это ничего не означало. Тамошняя война была лишь эпизодом войны настоящей.

— Около Конкорда видели машину, сложенную, как зонтик,— сказал гарсон.

— Ерунда,— сказал Флавье.

Неужели его нельзя оставить в покое!

Бельгийцы! Почему не голландцы? Кретин! Он заставил себя приняться за мясо. Оно оказалось жестким, но Флавье не стал протестовать, потому что решил больше не жаловаться, замкнуться в своем несчастье и терзать себя. На десерт, тем не менее, выпил две рюмки коньяка, и мозг его постепенно начал освобождаться от сплошного тумана. Облокотившись на стол, он прикурил сигарету от золотой зажигалки, и у него появилось ощущение, что вдыхаемый дым — это часть субстанции Мадлен. Он задерживал его в себе, смаковал. И ясно понимал теперь, что Мадлен ничего не совершила плохого перед замужеством. Такая гипотеза была ерундой. Гевиньи не женился бы на ней, не убедившись в этом. С другой стороны, состояние Мадлен таило загадки, ведь она многие годы была совершенно нормальной. Все произошло в начале февраля. Это ни о чем ему не говорило...

Флавье щелкнул зажигалкой и секунду смотрел на узкое пламя, прежде чем задуть его. Металл согрелся в его руке. Нет, причины у Мадлен не были обычными. Когда-нибудь к нему придет откровение, и он сможет разгадать тайну Лагерлаков. Он представил себя монахом, на коленях, в келье с земляным полом, но глядящим не на крест, а на портрет Мадлен. На тот, с письменного стола Гевиньи. Дьявол! И он не мог завладеть им! Он вышел, уже наступила ночь. Флавье не торопился вернуться домой. Он опасался телефонного звонка, извещающего об обнаружении трупа. Да и против сильной усталости, верного помощника в горе, он ничего не имел. Он брел наугад, плохо соображая, куда. Такое похоронное бодрствование он обязан продолжать до зари. Это был вопрос чести. Возможно, там, где теперь Мадлен, она нуждалась, чтобы о ней думал друг. Маленькая Эвридика!.. Слезы навернулись на его глаза... Флавье сел на скамейку и положил руку на спинку... Завтра он уйдет отсюда... Его голова склонилась, он закрыл глаза и, успев только подумать: «Подлец, ты спишь!» — заснул, как бродяга. Потом его разбудил холод, судорога свела ногу. Он застонал, поднялся и пошел, хромая. Во рту у него пересохло. Отогрелся Флавье в только что открытом кафе. Радио передавало последние новости с полей войны. Он выпил две чашки кофе, съел что-то и вернулся к себе на метро.

Едва он успел закрыть за собой дверь, как зазвонил телефон.

— Алло... Это ты, Роже?

— Да.

— Знаешь... я был прав... Она убила себя.

Сейчас лучше было молчать и ждать продолжения. Смущало только учащенное хриплое дыхание, ясно звучащее в трубке.

— Меня известили вчера вечером,— говорил Гевиньи.— Ее нашла одна старая женщина у подножья церкви Сен-Никола...

— Сен-Никола? — переспросил Флавье. — Где это?

— На севере от Манта... Совсем маленький городок, между Сели и Дрокуртом. Это невероятно!

— А что она там делала?

— Подожди... Ты не знаешь худшего. Она бросилась с колокольни прямо во двор церкви. Ее тело отправили в госпиталь Манта.

— Мой бедный старый друг,— пробормотал Флавье.— Ты поедешь?

— Я уже был. Сам понимаешь, пришлось немедленно

туда отправиться. Я пытался дозвониться, но тебя не было дома. А теперь только что вернулся. Мне нужно сделать несколько срочных распоряжений, и я уезжаю. Жандармерия начала следствие.

— Рутина. Самоубийство ведь очевидно.

— Но оно не объясняет, почему она уехала так далеко и выбрала именно эту колокольню. А мне бы не хотелось рассказывать им, что Мадлен...

— Такие подробности им будут не нужны.

— Тем не менее! Знаешь, я был бы счастлив, если бы ты поехал со мной.

— Невозможно! У меня неотложное дело в Орлеане. Но я приду повидать тебя по возвращении.

— Ты будешь долго отсутствовать?

— Нет, только несколько дней. К тому же я тебе не понадоблюсь.

— Я позвоню. Мне хотелось бы, чтобы ты тоже пришел на похороны.

Гевиньи дышал как долго бежавший человек.

— Бедный мой Поль,— печально проговорил Флавье. — Бедный мой Поль!

Потом спросил, понизив голос:

— Она не слишком?..

— О, напротив!.. Кроме лица!.. Ее бедное лицо! Если бы ты видел!

— Мужайся! У меня тоже горе.

Он повесил трубку, потом, опираясь рукой о стену, дошел до кровати, повторяя: «У меня тоже... У меня тоже...» И внезапно погрузился в сон.

На следующее утро он с первым поездом уехал в Орлеан. У него не хватило мужества воспользоваться своей машиной. Он дремал, сидя в углу купе и чувствуя себя разбитой развалиной, с трудом продолжающей жить. В Орлеане он снял комнату в отеле напротив вокзала. Спустившись купить сигареты, он увидел первую машину беженцев: большой пыльный «бьюик», забитый узлами. Внутри спали женщины. Он посетил своего клиента, но разговор их вертелся главным образом вокруг войны. Во Дворце шептались, будто армия отошла назад. Ругали бельгийцев за панику. Флавье нравился Орлеан. Вечерами он гулял по набережной, глядя на ласточек. Радио гремело изо всех домов. А что происходило в Париже? Похоронили ли Мадлен? Уехал ли Гевиньи в Гавр? Флавье задавал себе вопросы с предосторожностями, будто приподнимал повязку, чтобы осмотреть рану. Да, он страдал по-прежнему. Отвратительные

конвульсии сменялись глубокой печалью. По счастью, война отвлекала его от этих дум. Теперь он знал, что немцы приближаются. Каждый день все новые машины проезжали через город. Все провожали их молчаливыми взглядами, и сердце от этого сжималось. Машины становились все более грязными, пыльными. Люди боялись задавать вопросы. Повсюду Флавье сталкивался с неверием в собственные силы. У него самого больше не было их, чтобы вернуться.

Заметка в газете случайно попалась ему на глаза. Он безразлично просматривал прессу, прихлебывая кофе. И вдруг на четвертой странице увидел сообщение. Полиция провела следствие по делу о смерти Мадлен. Опрашивали Гевиньи. Это было так ошеломляюще, так невероятно после новостей на первых страницах и фотографий разрушенных городов, что он перечел заголовок. Никакого сомнения. Полиция отвергла мотив самоубийства. Вот для чего годилась она, чем занималась, когда толпы беженцев заполняли улицы. Но он-то хорошо знал, что Гевиньи невиновен. Как только ситуация улучшится, он пойдет и скажет им это. Теперь же поезда ходили очень плохо, с большими опозданиями. Протекали дни, и газеты набивали свои страницы описаниями боев. Уже не было известно, где находятся немцы, англичане, бельгийцы. Флавье все реже вспоминал Гевиньи, но, тем не менее, обещал себе при первой же возможности восстановить правду. Это решение немного вернуло ему утраченную веру в себя. Он попал на мессу в соборе в честь Жанны д'Арк и молился за Францию, за Мадлен, не делая различия между национальной катастрофой и своей. Франция была разбитой Мадлен, лежащей у подножья стены. Потом в один прекрасный день жители Орлеана в свою очередь также погрузили матрацы на автомобили. Клиент Флавье исчез.

— Поскольку вас здесь ничто не удерживает,— сказал он,— вам тоже лучше уехать на юг.

Флавье пытался дозвониться до Гевиньи во время вспышки храбрости, но никто ему не ответил. Вокзал Сен-Пьер был разрушен. Со смертной тоской в душе он влез в автобус, отправляющийся в Тулузу. Он не знал, что уезжает на четыре года.

Часть II

Глава 1

— Вдохните!.. Кашляните!.. Дышите!.. Хорошо! Я хочу послушать сердце... Задержите дыхание... Гм... Не очень прекрасно... Одевайтесь.

Врач смотрел на Флавье, который надел рубашку и теперь отвернулся, чтобы застегнуть брюки.

— Женаты?

— Нет, холостяк... Я вернулся из Африки.

— Были в плену?

— Нет, я уехал в сороковом. В тридцать восьмом меня забраковали из-за плеврита.

— Собираетесь жить в Париже?

— Пока не знаю. Я открыл адвокатскую контору в Дакаре, но, может быть, вернусь и в свою парижскую.

— Адвокат?

— Да. Только мое помещение занято, а найти что-нибудь...

Доктор наблюдал за Флавье, поглаживая свое ухо, а тот от смущения никак не мог завязать галстук.

— Вы пьете, верно?

Флавье пожал плечами.

— Неужели так заметно?

— Это ваше дело,— сказал врач.

— Да, мне случается выпить,— признался Флавье,— жизнь не очень-то сладка.

Врач сделал неопределенный жест рукой. Потом сел за письменный стол и взял ручку.

— Ваше общее состояние не так уж плохо,— сказал он,— но вы нуждаетесь в отдыхе. На вашем месте я поехал бы жить на юг... Ницца... Канны. Что касается навязчивых идей... здесь следует показаться специалисту. Я напишу вам направление к одному моему коллеге, доктору Балларду.

— А по-вашему,— пробормотал Флавье,— это серьезно?

— Повидайте Балларда.

Перо заскрипело по бумаге. Флавье достал из бумажника деньги.

— Пойдете в отдел снабжения,— сказал врач, продолжая писать,— и по этому удостоверению получите дополнительно мясо и жиры. Но больше всего вам нужны тепло и отдых. Избегайте волнений. Никакой корреспон-

денции. Никакого чтения. Итого триста франков. Спасибо.

Он уже шел впереди Флавье к двери, пока другой больной входил в комнату. Флавье с недовольным видом спустился по лестнице. Специалист! Психиатр, который выведает его секреты и заставит рассказать все, что он знал о смерти Мадлен. Невозможно!.. Он предпочитает жить со своими кошмарами, грезами, среди неясных образов... Просто это тамошняя жара и ослепляющее солнце изнурили его. А теперь он спасен.

Он поднял воротник пальто и направился к площади Терн. Он не узнавал Парижа, еще погруженного в зимний туман, эти пустынные улицы и проспекты, по которым ездили одни джипы. Он чувствовал небольшое смущение оттого, что был слишком хорошо одет, и поэтому шел быстро, вместе со всеми. Фланировать теперь стало роскошью. Все вокруг было проникнуто прошлым, все казалось серым. Не лучше ли было ему остаться там? Чего он ожидал от этого переезда? Он узнал других женщин, раны затянулись. Мадлен теперь не была даже тенью...

Он вошел к «Дюпону» и сел возле окна. Несколько офицеров потерялись в огромной ротонде. Никакого шума, кроме шуршания вентилятора. Официант рассматривал ткань его одежды, замшевые ботинки на каучуке.

— Коньяк,— пробормотал Флавье,— настоящий?

Он научился разговаривать в ресторанах и кафе тихо и быстро, приобретая тогда очень авторитетный вид, может быть, еще и благодаря напряженному выражению лица.

— Неплохо,— сказал он.— Еще один.

Он бросил перед собой деньги. Еще одна привычка, приобретенная в Дакаре. Скрестив руки, он смотрел на жидкость, которая так хорошо воскрешала привидения. Нет, Мадлен не умерла. С той минуты, как он вышел с вокзала, волнение не покидало его. Существуют лица, которые забываются, время их стирает, как надписи на плитах тротуаров, но она осталась нетронутой в глубине его глаз. Полуденное солнце, как тогда, сверкало вокруг нее, словно нимб. Кровавое видение позади часовни стерлось, стало лишь воспоминанием, которое могло забыться, но остальное было свежим, новым, привлекательным. Флавье не шевелился, обхватив пальцами стакан. Он чувствовал майское тепло, видел круг машин у Триумфальной арки. Она шла, опустив на глаза вуалетку, с сумочкой под мышкой. Наклонялась с моста и роняла красный цветок... она рвала письмо на кусочки, и те разлетались вокруг. Флавье выпил, тяжело опираясь на стол. Теперь

он был стар. Что стояло перед ним? Одиночество? Болезнь? Пока окружающие пытались вновь обрести свой очаг, найти друзей, создать будущее, он жил одними воспоминаниями. Тогда к чему отказываться!..

— То же самое!

На этом он остановится. Он не любил алкоголя и пытался только забыться. На улице он закашлялся от холодного воздуха. Но город больше не пугал его. Он дошел до площади Этуаль, представил себе, будто ждет на краю тротуара. Февральская слякоть мелкой пылью стелилась по мокрым улицам. Она не придет. Возможно, Гевиньи тоже покинул Париж. Флавье отправился на авеню Клебер и нашел глазами старый дом. Ставни на втором этаже были закрыты. «Тальбо», вероятно, реквизировали военные. Но картины... молодая задумчивая женщина на каминной полке... райские птицы... что стало с ними? Он вошел туда. Консьержка подметала пол.

— Мне господина Гевиньи, пожалуйста!

— Месье Гевиньи?

Она смотрела на Флавье непонимающе.

— Бедный господин умер,— проговорила она наконец.— Уже давно умер.

— Поль умер! — пробормотал Флавье.

К чему теперь все? Вот единственное, что он встречал на каждом шагу. Смерть! Смерть!

— Войдите же,— сказала консьержка.

Она отряхнула швабру и открыла дверь в вестибюль.

— Я уехал в сороковом,— пояснил Флавье.

— Вот оно что.

Около окна старый человек в очках с металлической оправой задумчиво рассматривал ботинок, надетый на руку. Он поднял голову.

— Прошу вас,— сказал Флавье,— не беспокойтесь.

— Даже починить башмаки нету материала,— проворчал старик.

— Вы были другом месье Гевиньи? — продолжала консьержка.

— Другом детства. Он звонил, рассказывал о смерти своей жены. Но в тот день я должен был покинуть Париж.

— Несчастный! Он не решался возвращаться к себе один, и рядом с ним никого не было. Только я, та, которая помогла одеть эту бедную мадам, только я его провожала, вы же сами понимаете...

— Что вы надели на нее? — перебил ее Флавье.— Серый костюм?

— Садитесь,— сказала консьержка,— ведь у вас есть время.

— Я еще узнал, что его допрашивали.

— Допрашивали, да как!.. Скажите лучше, что он едва не был арестован!

— Поль... арестован... Но позвольте... я считал, его жена покончила с собой.

— Разумеется, покончила, но вы же знаете полицию! У него, у бедного, была масса неприятностей. Когда начинают копаться в жизни людей!.. Они приходили сюда даже не знаю сколько раз. Бесконечные расспросы о нем да о жене. Хорошо ли им жилось, был ли месье Гевиньи тут в день драмы, и то и се... Боже мой, ты помнишь, Шарль?

Старик кухонным ножом вырезал подошву на какой-то коробке.

— Да, сильная неразбериха... Примерно как теперь,— проворчал он.

— Но отчего месье Гевиньи умер? — спросил Флавье.

— Его убили на дороге, около Манта. Однажды утром мы увидели, как он спускается по лестнице с возбужденным видом. «Я сыт по горло,— с нами он не стеснялся.— Я уезжаю отсюда. Если они захотят меня увидеть, им придется последовать за мной». Потом положил чемоданы в свою машину и уехал... Мы узнали позже... Автомобиль был обстрелян, и бедный господин умер во время перевозки в госпиталь. Он не заслужил этого, нет!

«Если бы я был здесь,— подумал Флавье,— ему не пришлось бы уезжать и самолет обстрелял бы кого-нибудь другого. Я мог бы поговорить с ним теперь...» Он сжал руки. Ему не следовало возвращаться.

— Им обоим не повезло,— продолжала консьержка,— а ведь они отлично ладили между собой!

— А что, она не была немного... больна? — осторожно спросил Флавье.

— Нет... Она, конечно, невесело выглядела в своей темной одежде, но это было по ее характеру... И потом, она так радовалась, когда им случалось выходить вместе!

— Это бывало не часто,— сказал старик.

Она повернулась к нему спиной.

— Со своей работой бедный господин совсем не имел свободного времени. Постоянно в путешествиях между нами и Гавром. Нужно понять его!

— Где их похоронили? — спросил Флавье.

— На кладбище Сент-Уэн. Но рок преследовал ее и там. Когда американцы бомбили Ла-Шапель, часть кладбища,

примыкающая к дороге, была разрушена. Камни и кости тогда находили повсюду. Кажется, даже была специальная церемония.

— Значит, ее могила?..— прошептал он.

— С той стороны больше нет могил. Говорят, привезли землю и засыпали ямы. А памятники будут восстанавливать позже.

— Ведь мертвые,— сказал старик,— не могут пожаловаться.

Флавье боролся с собой, чтобы не представлять ужасных образов, и чувствовал горечь невыплаканных слез. Теперь все действительно было кончено. Страница перевернулась. Мадлен превратилась в ничто. По обычаю древних ее пепел был развеян по ветру. Лицо, которое все еще вспоминалось ему, стало теперь ничем. И нужно было жить...

— А квартира? — спросил он.

— Сейчас заперта. Одним дальним родственником с ее стороны, наследующим мебель. Все это очень грустно.

— Да,— проговорил Флавье.

Он встал и застегнул плащ.

— Очень печально,— заметила консьержка,— узнавать о смерти друзей.

Старик зажал между ногами подошву, и молоток его застучал без перерыва. Флавье почти выбежал на улицу. Туман наложил на его лицо влажную маску, и он почувствовал, как снова им стала овладевать лихорадка. Он пересек улицу и вошел в небольшое кафе, где прежде иногда бывал, дожидаясь Мадлен.

— Что-нибудь покрепче,— попросил он.

— Хорошо,— ответил хозяин,— у вас неважный вид.

Он осмотрелся вокруг и понизил голос:

— Немного виски?

Флавье облокотился о прилавок. В груди у него потеплело, и горечь, как кусок льда, стала таять и исчезать, превращаясь в меланхолическое спокойствие. Врач был прав: перемена обстановки, солнце, покой для сердца — вот что имело значение. Не думать больше о Мадлен. Он хотел по приезде в Париж украсить ее могилу цветами. А теперь больше нет и могилы! Вот и прекрасно. Последняя нить порвалась. Путешествие закончилось в этом бистро, перед стаканом, до половины наполненным солнечным спиртным. Все, что было любимо,— женщина на портрете, нежная незнакомка, которую он за руку увлекал подальше от теней, где она могла потеряться,— все заканчивалось на этом

стакане с виски. Все было только пьяным сном. Но нет, ведь у него осталась зажигалка. Он сунул в рот сигарету, достал ее и задержал в руке. Может, бросить ее, потерять? Позже, не теперь... Он опорожнил стакан и щедро расплатился. Ему нравилось видеть довольные лица.

— Смогу я получить такси?

— Гм, это не так просто,— ответил хозяин.—Вам далеко?

— К Манту.

— Попытаться всегда можно.

Он позвонил в несколько мест, не переставая улыбаться Флавье, потом повесил трубку.

— Гюстав отвезет вас,— сказал он.— Может быть, это будет немного дороговато... Сами знаете, как трудно теперь достать горючее.

Такси подъехало быстро, старая «С-4». Прежде чем они тронулись, Флавье оплатил проезд и терпеливо объяснил Гюставу:

— Мы поедем на север Манта, к месту между Сели и Дрокуртом... Там есть небольшой городок с колокольней... Путь я покажу... Потом вернемся обратно. Я недолго там пробуду.

И они отправились. Зимние дороги рассказывали одну и ту же грустную историю, историю битв, обстрелов и бомбардировок... Заледенев в углу машины, Флавье сквозь иней, покрывший стекла, смотрел на проплывающие мимо темные поля, тщетно пытаясь воскресить в памяти зеленые деревья и луга, полные цветов. Мадлен теперь становилась все дальше, начинала по-настоящему умирать. Итак, еще одно усилие! Он начал пить, чтобы не думать, чтобы не чувствовать себя несчастным. Но когда напивался, появлялась Мадлен и говорила с ним о жизни, которая могла бы быть у них, и Флавье млел от блаженства. Другой Флавье просыпался утром с горечью в душе и сухостью в горле.

— Вот он, Сели! — закричал Гюстав.

Флавье кончиками пальцев протер стекло.

— Поверните направо,— сказал он.— Это должно быть в двух-трех километрах отсюда.

Такси двигалось по дороге, на которой валялись самые разные обломки. Вдалеке виднелись редкие дома с дымящими трубами.

— Я вижу высокую колокольню,— сказал Гюстав.

— Это она... Подождите меня около церкви.

Машина подъехала к указанному месту. Флавье вышел

и поднял голову, чтобы посмотреть на галерею вокруг башни. Он совсем не растрогался, ему было просто холодно. Он направился к домам, которые видел, когда поднимался по лестнице и боролся с головокружением. Они действительно оказались там, бедные домишки с торчащими вокруг черными деревьями. Была и маленькая лавка с витриной. Флавье толкнул дверь. Внутри пахло керосином и свечами. Несколько открыток стояло на этажерке.

— Кто это там? — Из глубины магазинчика появилась старая женщина.

— У вас случайно нет яиц? — спросил Флавье.— Или немного мяса? Я болен, а в Париже купить невозможно.

У него был неубедительный тон. Он уже заранее знал, что она откажет. И с безразличным видом стал рассматривать открытки.

— Тем хуже,— пробормотал он,— тогда поищу в другом месте. Знаете, я все же куплю этот вид на церковь Сен-Никола... Это название мне что-то напоминает... Послушайте, в мае сорокового... газеты не писали о каком-то самоубийстве?

— Да,— ответила она.— Одна женщина упала с колокольни.

— Вот, вот... теперь вспоминаю. Жена парижского промышленника, не так ли?

— Да, мадам Гевиньи. Помню. Ведь это я обнаружила тело. Так много всего происходило, но бедную женщину я не забыла.

— Может быть, у вас есть немного водки, — спросил Флавье.— Я никак не могу согреться.

Она подняла на него глаза, которые видели все ужасы войны и теперь ничему не удивлялись.

— Может быть,— ответила она.

Флавье сунул открытку в карман и положил на прилавок несколько монет, потом она сходила за бутылкой и стаканом. Этикетка была сорвана, но спиртное оказалось крепким.

— Странная идея,— заметил он,— бросаться с колокольни.

Она медленно спрятала руки под передник. Возможно, ей такая идея не казалась странной.

— Женщина была уверена в результате. В колокольне более двадцати пяти метров. Она упала головой вниз.

— Понимаю,— проговорил Флавье.

Дыхание его участилось, но ощущения страдания не было. Он просто чувствовал, как Мадлен уходит все дальше. Каждое слово будто горсть земли на могилу.

— Я была одна в городе,— продолжала она.— Ни единого мужчины, всех мобилизовали. А женщины ушли в поле. В шесть часов я пошла в церковь помолиться за сына, который тоже был в армии...

Она ненадолго замолчала. Из-за черной одежды казалось, что ей еще больше лет, чем на самом деле.

— Вышла я через исповедальницу, в дверь, которая ведет на церковный двор. Там короче идти. Тогда-то ее и заметила... Потом понадобилось много времени, чтобы известить жандармерию.

Она смотрела на кур, бродивших по полу. Видно, ей вспоминались страх, усталость того вечера, прибытие жандармов, хождение вокруг часовни, яркие фонари, освещающие землю, и, наконец, муж с платком у рта...

— Это ужасные моменты,— сказал Флавье.

— Да. Особенно когда в течение недели у тебя толкутся жандармы. Они вообразили, что бедную женщину столкнули...

— Столкнули?.. Почему?

— Потому что днем около Сели люди видели машину с мужчиной и женщиной, которая направлялась сюда.

Флавье закурил сигарету. Так вот в чем было дело. Свидетели приняли его за мужа. И это подозрение привело Гевиньи к смерти.

К чему теперь протестовать? Объяснять этой старой женщине, что мужчиной был не Гевиньи и все это — страшная ошибка? Та история больше никого не интересовалла. Он опорожнил стакан, поискал, чего бы еще купить, но ничего подходящего не нашел.

— *Спасибо за вино,— сказал он.*

— Не за что,— ответила она.

Он вышел и, закашлявшись от сигареты, выбросил ее. А вернувшись в церковь, заколебался. Нужно ли остановиться у алтаря и преклонить колени перед образом, на который она молилась? Ведь молитва ее оказалась напрасной.

— Прощай, Мадлен,— прошептал он, перекрестился и вернулся к машине.

— Возвращаемся, патрон? — спросил шофер.

— Да, обратно.

И когда такси тронулось в путь, он, глядя через заднее стекло на удаляющуюся колокольню, проникся чувством,

что и прошлое уходит вот так же. Он закрыл глаза и продремал до Парижа.

Но днем все же не выдержал: отправился к доктору Балларду и рассказал ему свою историю как на духу. Избегал только упоминать Гевиньи и не говорил о дальнейших перипетиях драмы. Он больше не мог. И почти плакал, когда объяснял все это.

— В сущности,— сказал психиатр,— вы ее по-прежнему ищете. И потом, вы отказываетесь признать, что она умерла.

— Это не совсем так,— запротестовал Флавье.— Умерла она безусловно. Я уверен в этом. Но думаю... да, это ненормально, согласен... я думаю о ее бабушке, Полин Лагерлак... Ведь вы понимаете, что я хочу сказать... они обе были одним человеком.

— Другими словами, эта молодая женщина, Мадлен, прежде уже умирала. Ведь так? Вы именно в это верите?

— Это не верование, доктор. Я знаю это, я это утверждаю.

— Короче, вы считаете, что Мадлен снова может оказаться живой, поскольку однажды побеждала смерть.

— Если вы так это понимаете...

— Конечно, в вашем мозгу все не настолько четко. Вот вы и пытаетесь что-то прояснить, убедить себя где-то... Лягте, пожалуйста, на кушетку.

Врач долго проверял все его рефлексы, потом сделал гримасу.

— А вы раньше пили?

— Нет, только в Дакаре начал, понемногу.

— Никогда не употребляли наркотиков?

— Никогда.

— Мне необходимо знать: вы на самом деле хотите выздороветь?

— Разумеется,— пролепетал Флавье.

— Больше не пить... забыть эту женщину... повторять себе, что она умерла... что умирают лишь один раз и навсегда. Вы всеми силами хотите этого?

— Да.

— Тогда не надо колебаться. Я напишу вам записку к одному моему другу, который руководит оздоровительной клиникой около Ниццы.

— А меня не запрут там?

— Конечно нет, вы не до такой степени больны. Я посылаю вас туда из-за климата. Такому человеку нужно много солнца. У вас есть деньги?

— Да.

— Должен предупредить, что лечение будет долгим.

— Я останусь там, сколько потребуется.

— Отлично.

Флавье сел с ватными ногами. Он больше не обращал внимания на слова врача, на его жесты. И только повторял себе: «Выздороветь... выздороветь». Он жалел о том, что любил Мадлен, как будто эта любовь была несчастьем. Да! Возродиться, начать жить сызнова, приближаться к другим женщинам, быть похожим на остальных. Боже мой!.. Врач писал рекомендации. Флавье принимал все. Да, он уедет сегодня же вечером. Да, он перестанет пить... Да, он будет отдыхать... да... да...

— Не вызвать ли вам такси? — предложил служащий.

— Я лучше немного пройдусь.

Он дошел до агентства путешествий. Объявление там гласило, что все железнодорожные билеты проданы на неделю вперед. Флавье достал бумажник и получил билет на этот же вечер. Ему оставалось только позвонить во Дворец и в свой банк. Решение было принято: он уедет из города, в котором стал чужим. Его поезд отходил в двадцать один час. Пообедает он в своем отеле. Оставалось как-то убить четыре часа. И он вошел в кинотеатр. Ему был безразличен фильм, хотелось только забыть визит к Балларду и его вопросы. Он никогда серьезно не беспокоился о том, что сможет стать сумасшедшим. А теперь ему было страшно, спина его вспотела, и желание выпить сушило горло. Он начинал ненавидеть себя и презирать.

Засветился экран, и появилась надпись: «Визит генерала де Голля в Марсель». Множество людей в униформе, ликование толпы, не поместившейся на тротуарах. Рты были раскрыты в неслышных приветствиях. Толстый мужчина размахивал шляпой. И тут одна женщина стала медленно поворачиваться к камере: уже видны были ее очень светлые глаза и тонкое лицо, напоминающее портреты Лоуренса. Какой-то человек встал перед ней, но Флавье успел ее узнать. Наполовину выпрямившись, он с ужасом смотрел на экран.

— Сядьте! — закричал чей-то голос.— Сядьте!

Качая головой, он дернул себя за ворот, в груди его замер раздирающий крик. Ничего не понимая, он смотрел на полицейских, на салют, на общее оживление. Грубая рука заставила его опуститься.

Нет, то была не она... Флавье остался на второй сеанс, принудив себя смотреть на экран спокойно. Он ждал появления этого лица, страшно напрягая внимание, чтобы сохранить в памяти образ. И когда тот промелькнул в долю секунды, часть его еще раз снова застонала, но другая часть не дрогнула. Невозможно было понять: молодой женщине на экране лет тридцать, она кажется довольно полной... что еще? Рот, другой рисунок губ... И все же сходство было потрясающим... Особенно глаза. Флавье пытался сравнить черты обоих лиц. Вернулся он вечером. Тем хуже, придется ехать на следующий день... И вечером же он сделал открытие: человек, который заслонил ее потом, был, очевидно, с ней. Муж или любовник. Он сопровождал ее: держал под руку, чтобы не потерять в такой толпе. Другая деталь, ускользнувшая сначала от Флавье: мужчина был хорошо одет, имел крупную жемчужину в галстуке и пальто на меху... Флавье заметил еще одну вещь, но не мог сообразить, какую... Он вышел сразу после журнала. Улицы были плохо освещены, дождь продолжался, и Флавье из-за ветра покрепче нахлобучил шляпу. Этот жест напомнил ему сцену в Марселе: мужчина с непокрытой головой и позади него отель, на фасаде которого видны три большие буквы, расположенные вертикально: РИЯ. Вероятно, название, которое должно зажигаться по вечерам. Что-нибудь вроде «Астория». Хорошо, а потом? Потом ничего. Флавье начал фантазировать. Очень возможно, что мужчина и женщина вышли посмотреть на кортеж из отеля. Относительно сходства... Да, эта женщина действительно похожа на Мадлен. А потом? Было ли это основанием для того, чтобы все бросить? В Марселе находились просто счастливые люди, а дальше? Флавье остановился в баре отеля. Конечно, он обещал врачу... но ему необходим стакан или два, чтобы забыть путешественников из «Астории».

— Виски!

Он выпил три. Это не имело никакого значения, раз он собирался серьезно лечиться, да и виски было для него менее вредно, чем коньяк. Оно уничтожало сожаления, беспокойство. Флавье лег спать. Он был дураком, что затянул свой отъезд.

На следующий день он сунул контролеру несколько банкнотов и устроился в первом классе. Это могущество денег пришло к нему слишком поздно. Если бы

перед войной он был богат... если бы мог предложить Мадлен... ну, опять эта старая история! Еще недоставало зажигалку сохранить! Теперь ничто не мешало опустить стекло и выбросить ее наружу. Существуют предметы, которые медленно, но верно отравляют жизнь. Например, бриллианты. Тогда почему не зажигалки? Нет, от нее он не сможет отделаться. Она была доказательством того, что он мог бы стать счастливым. Ему бы хотелось, чтобы эту вещь положили с ним, когда он умрет. Пойти под землю с зажигалкой, вот еще бредовая идея! Он стал вспоминать свое детство, свои мечты. Прижавшись ртом к занавеске, Флавье смотрел на мелькавшие за окном дома, людей... Может быть, в Ницце он купит себе виллу и станет разгуливать, ни о чем не думая, особенно по ночам! Ах! Не думать ни о чем! Понемногу он задремал.

Когда скорый остановился в Марселе, Флавье вышел. Конечно, он не станет задерживаться в этом городе. К нему подошел служащий.

— Ваш билет дает вам право остановки на восемь дней.

Итак, бесполезно плутовать. Все равно потом придется уехать. Да и спешка ни к чему не приведет. Он поднял руку, подзывая такси.

— В «Асторию».

— «Вальдорф Астория»?

— Естественно,— ответил Флавье.

В холле огромного отеля он осторожно осмотрелся. Он хорошо знал, что это было игрой, и играл, пугая самого себя.

— Вам на несколько дней?

— Э... да... может быть, на восемь.

— У нас есть только очень большой номер первого класса с уютным салоном.

— Мне безразлично.

Это ему даже нравилось. Он нуждался в роскоши, чтобы верить в комедию, которую сам затеял. В лифте он спросил у служащего:

— Когда генерал де Голль приезжал в Марсель?

— Восемь дней назад, в воскресенье.

Флавье стал рассчитывать. Двенадцать дней — это много.

— Вы случайно не замечали здесь невысокого мужчину средних лет, очень элегантного, у него еще жемчужина в галстуке?

Он ждал ответа с волнением, хотя и знал, что это ни к чему не приведет.

— Нет, не замечал,— сказал лифтер,— здесь бывает столько народу!

Что ж, это следовало предвидеть. Флавье закрыл дверь на ключ. Старая привычка, у него всегда была причуда запираться. Он побрился и переоделся. Это составляло часть игры. Его руки дрожали, а глаза, которые он увидел в зеркале ванной, блестели, как у актера. Он небрежно спустился по широкой лестнице и направился к бару, засунув одну руку в карман. Его взгляд рыскал вправо и влево, останавливаясь на каждой женщине. Он поискал табурет.

— Виски!

Вокруг небольшой танцевальной площадки в громадных креслах болтали люди. Многие стояли с сигаретами, всюду слышались говор, смех, приятная музыка. Жизнь была как в сказке. Флавье быстро выпил. Почувствовал жар и был уже готов. Готов к чему?..

— Еще!

К тому, чтобы вынести их присутствие без дрожи. Один раз увидеть и уйти. Он не просил большего. Может быть... в ресторане? Он направился к гигантскому обеденному залу. Гарсон тут же проводил его к столику.

— Месье один?

— Да,— равнодушно ответил Флавье.

Немного ошеломленный светом и блеском, он присел на стул, не смея пока рассматривать обедающих. Потом почти наугад выбрал несколько блюд и стал медленно поворачивать голову. Много офицеров, мало женщин, никто не обращал на него внимания. Один в своем углу, не интересующий никого, он внезапно понял, что зря теряет время: вероятнее всего, пара, увиденная в кино, никогда не останавливалась в этом отеле. Камера случайно захватила их. А тогда? Неужели обыскивать весь город? И для чего? Чтобы найти женщину, которая смутно напоминала Мадлен. Нет, ему не следовало приезжать сюда, теперь оставалось только вернуться в Дакар и заняться своими скучными обязанностями. Там тоже найдутся клиники, если он действительно хочет выздороветь.

— Кофе? Ликеры.

— Да, марибель.

Время шло. Он курил, глаза его помутнели, вспотела голова. Одни люди вставали, другие приходили. Бесполезно оставаться здесь на восемь дней. Завтра же надо

уехать в Ниццу и немного отдохнуть, прежде чем сказать Франции: «Прощай». Он встал и с трудом выпрямился. Зала опустела. В зеркалах отразилась его худая фигура, неуверенно пробирающаяся между столиками. Он как можно медленнее поднимался по лестнице, чтобы испытать последний шанс, но встретился только с двумя американцами, которые спускались бегом. В своей комнате он сбросил с себя одежду и лег. Но заснул с трудом и во сне все еще искал что-то ускользающее от него.

Проснувшись утром, он ощутил будто вкус крови во рту и почувствовал себя разбитым. Ему с трудом удалось встать. Вот до чего он дошел. Если бы он забыл эту женщину в сороковом, если бы не томился по ней, ему не пришлось бы лечиться... А теперь он, может быть, уже приговорен... Он оделся, торопясь получить необходимые справки.

Собравшись, вышел и зашагал по коридору, устланному пушистым ковром. Голова у него по-прежнему болела. Он спустился по лестнице, немного отдышался и направился к администратору. В маленьком салоне напротив кассы торопливо завтракали путешественники. Флавье заметил там полного мужчину... не сон ли это?.. Мужчина, который, боже мой!.. Это был он: элегантный, лет сорока, резавший хлебец и беседующий с молодой женщиной. Та сидела спиной к Флавье. У нее были каштановые, очень длинные волосы, наполовину спрятанные под меховым манто, которое она набросила на себя. Чтобы увидеть ее лицо, ему нужно было войти в салон... сейчас, да, он войдет... позднее. Теперь он слишком возбужден. Машинально достав сигарету из портсигара, он тут же положил ее обратно. Никаких неосторожных действий, к тому же эти мужчина с женщиной его совершенно не интересовали. Он облокотился о стол и тихо спросил у служащего:

— Тот господин, там... немного плешивый... вот видите... тот, который разговаривает с молодой женщиной в меховом манто... напомните мне его имя.

— Альмариан.

— Альмариан! И чем он занимается?

Служащий подмигнул.

— Всем понемногу... Сейчас можно заработать деньги... и он зарабатывает!

— Это его жена?

— Конечно нет. Знаете, он никогда их долго не держит.

— А я могу получить справочник?

— Разумеется, месье.

Флавье уселся в холле и сделал вид, что перелистывает книгу, потом поднял глаза. С этого места ему лучше было видно молодую женщину, и уверенность разорвалась в нем, как бомба... Мадлен! Это была она. Как он мог колебаться?.. Она изменилась, постарела, пополнело лицо... Это была другая Мадлен, но, тем не менее,— та самая. Та самая!

Он тихонько откинулся, опустив голову, на спинку кресла. У него не хватило сил, чтобы поднять руку и вытереть пот с лица. Он может потерять сознание, если сделает хоть малейший жест. Он больше не шевелился, но образ Мадлен уже не покидал его. «Я умру, если это она»,— подумал он. Справочник выпал из его рук на паркет.

Медленно, недоверчиво Флавье стал осматриваться. Ведь нельзя же терять голову от того, что увидел двойника Мадлен! Он открыл глаза шире. Нет, то был не двойник. Кто может сказать, откуда приходит уверенность в чем-либо? Теперь он знал, что Мадлен была тут, рядом с толстым Альмарианом, знал так же хорошо, как то, что он Флавье и что не грезит. Теперь он страдал от своей прежней уверенности в смерти Мадлен.

Альмариан встал и предложил молодой женщине руку. Флавье поднял справочник и сидел согнувшись, пока пара не вышла в холл и не проследовала мимо. Поднявшись, он увидел их сквозь решетки лифта, которые, будто вуалетка, бросали тени на лицо Мадлен. Ему снова вспомнилась та Мадлен. Сделав несколько шагов, он бросил справочник на стол служащего, так и не узнав, заметила ли она его.

— Месье сохраняет свою комнату? — спросил служащий.

— Безусловно,— ответил Флавье.

Все утро Флавье бродил около порта, стараясь потеряться в толпе. Никогда ему не хватит людей, чтобы защититься от страха. Он же видел труп. И Гевиньи его тоже видел, и старая женщина, которая одевала Мадлен в последний раз... и полицейские, занимавшиеся этой бессмысленной историей. Значит, не Мадлен сопровождала Альмариана. Он выпил в баре спиртного, только одну порцию. Но легкое опьянение все же поднялось в нем. Потом прикурил сигарету от зажигалки, той зажигалки, которая не лгала, которая была тут, в его руке... Мадлен умерла, скончалась у подножия колокольни, а раньше нее Полин... И между тем... он вернулся к виски, ибо

мысль, которая возникла в его мозгу, была такой странной, что ему пришлось напрячь все силы, обдумывая ее. Ему было нетрудно вспомнить их разговор в Лувре. «Я уже ходила здесь под руку с мужчиной,— сказала Мадлен.— Он напоминал вас, но имел бакенбарды».

Как все неожиданно становилось ясно! Тогда он не мог целиком понять ее, слишком переполненный жизнью, слишком слепой, он еще не был несчастлив, болен... Теперь ему все открылось... Боже мой, если бы только быть уверенным, совершенно уверенным. Тогда почему он боится? Чего опасается? Проснуться? Не верить больше в призрак? Но сможет ли он вынести взгляд ее глаз? Услышать без дрожи звук ее голоса?

Он встал, пошатываясь, вернулся в номер и переоделся к обеду в черный костюм, считая себя еще в трауре. И сразу, войдя в дверь бара, заметил ее в обеденном зале. Казалось, она мечтала, положив подбородок на скрещенные руки, пока Альмариан говорил с метрдотелем. Флавье сел, поманил гарсона, и тот, уже зная его, принес стакан со спиртным. На танцевальной площадке крутились пары, а через широко раскрытые двери обеденного зала видны были его посетители. Она казалась грустной, и эта грусть потрясла Флавье... Как тогда. А ведь Гевиньи так заботился о ней! Странно было думать, что другие заполучили ее, что она обеднела и вынуждена теперь жить около этого Альмариана, который походил на калифа, набитого деньгами. У нее были серьги дурного вкуса в ушах и выкрашенные ногти. Другая Мадлен была настолько более рафинированной! Флавье показалось, что он смотрит плохо дублированный фильм с незначительной актрисой в роли звезды. Она мало ела и время от времени мочила губы в вине. Когда Альмариан поднялся, казалось, ей стало легче. Они подошли к бару, разыскивая свободный столик. Флавье покачнулся на своем табурете, услышав за спиной, как Альмариан заказывает два бокала. Наступил ли подходящий момент? Или у него никогда не хватит смелости... Он протянул гарсону деньги и соскользнул на пол. Ему еще предстояло повернуться и сделать три шага. Тогда четыре горьких года перестанут висеть над ним и настоящее утвердится. Мадлен будет здесь, как будто он покинул ее накануне. И может быть, забудет о своем исчезновении...

Неожиданно для себя он сделал эти три шага, церемонно наклонился к молодой женщине и пригласил ее танцевать. Несколько секунд он видел Альмариана совсем

близко: его желтоватые щеки, влажные, темные глаза и лицо, поднятое к Мадлен с выражением скуки. Она безразлично согласилась. Неужели не узнала его? Они покачивались на танцевальной площадке. У Флавье сжималось горло.

— Меня зовут Флавье,— пробормотал он.— Это имя вам ничего не говорит?

Она сделала вид, что пытается вспомнить.

— Нет, простите... в самом деле ничего.

— А вас как зовут?

— Рене Суранж.

Он должен был протестовать, но понимание того, что она полностью переменила образ жизни, остановило его. Он исподтишка изучал ее. Лоб, голубизна глаз, линия носа, немного выступающие скулы, каждая деталь этого лица, любимого и сотни раз воспроизводимого, была такой же, как и прежде. Если бы он закрыл глаза, то почувствовал бы себя в Лувре, где в первый и единственный раз держал Мадлен в своих объятиях. Но прическа новой Мадлен была не хороша, и губы ее немного увяли. Она его не пугала, ведь он осмелился приблизиться к ней и чувствовал ее не менее живой, чем сам. Он боялся встретить тень и нашел женщину.

— Очевидно, вы жили в Париже до оккупации?

— Нет, в Лондоне.

— Что вы! А вы не занимаетесь живописью?

— Нет, совсем нет. Правда, я могу что-то набросать, не больше.

— Вы никогда не ездили в Рим?

— Нет.

— Почему вы пытаетесь обмануть меня?

Она посмотрела на него своими светлыми, немного пустыми и незабываемыми глазами.

— Я не обманываю, уверяю вас.

— Сегодня утром вы меня видели в холле и узнали, а теперь делаете вид...

Она попыталась высвободиться, но Флавье крепче прижал ее к себе, благословляя оркестр, который играл нескончаемый блюз.

— Простите меня,— продолжал он.

Долгие годы Мадлен не знала, что она Полин, поэтому ничего удивительного: Рене еще не знает, что она Мадлен. «Я просто совершенно пьян»,— подумал Флавье и спросил, указывая на Альмариана:

— А он ревнив?

— О, нет! — грустно ответила она.

— Черный рынок, не так ли?

— Возможно. А вы?

— А я — нет, я адвокат. Он очень занятой?

— Да, уходит часто.

— Значит, вас можно будет повидать в течение дня?

Она ничего не ответила. Он немного сильнее обнял Мадлен за талию.

— Если я вам понадоблюсь,— прошептал он,— семнадцатый номер... Вы не забудете?

— Нет... Теперь мне нужно вернуться к нему.

Альмариан курил сигару и читал газету.

— Мне кажется, он прекрасно обходится без вас,— сказал Флавье.— До завтра!

Он поклонился и пересек холл, позабыв, что еще не ужинал. Потом спросил у лифтера:

— Альмариан... Это какая комната?

— Апартаменты одиннадцать, месье.

— А даму, которая с ним, как зовут?

— Рене Суранж.

— Это ее настоящее имя?

— То, что записано в ее удостоверении личности.

Он, который никогда не делал подарков, готов был отдать очень многое, лишь бы выяснить... Лишь бы выяснить! Перед сном он выпил несколько стаканов воды, но туман в его голове не рассеивался. Хотя и пьяный, он полностью отдавал себе отчет в том, что она должна была его узнать. Или у нее потеря памяти. Или она играла комедию. Или это — не Мадлен!

Проснувшись на следующее утро, он обдумал свою проблему и решил, усмехаясь, что ему действительно пора повидать врача в Ницце. К тому же, делать в Марселе было нечего. Главное — здоровье! И к дьяволу эту женщину, которая так похожа на Мадлен.

Тем не менее, он подкараулил уход Альмариана и тотчас же решительно постучался в одиннадцатый номер, как хороший знакомый.

— Кто там?

— Флавье.

Она открыла дверь. Неодетая, с красными глазами под распухшими веками.

— Итак, Рене, что все это означает?

Она снова заплакала. Он закрыл дверь и задвинул засов.

— Ну, малышка... объясните мне.

— Это все он,— всхлипывала она,— хочет меня бросить.

Флавье без церемоний рассматривал ее. Это была Мадлен, вне всякого сомнения, Мадлен, которая изменила ему с Альмарианом, а может, и с другими. Он сжал кулаки в карманах и судорожно улыбнулся.

— Вот ведь какая драма! — насмешливо проговорил он.— Да пусть уходит! Разве я не здесь, чтобы заменить его?

Слезы у Рене полились сильней.

— Нет! — закричала она.— Нет... Только не вы!

— А почему это? — спросил он, наклоняясь к ее лицу.

Глава 3

«Господин директор!

Имею честь вас уведомить, что указанная сумма была переведена на ваш счет в Марселе. Этот перевод не слишком сильно отразился на казначействе, тем не менее считаю своим долгом обратить ваше внимание на неправильность этой операции, которая не сможет быть произведена в обратном порядке без последствий для фирмы. Надеюсь, здоровье перестало доставлять вам заботы и мы вскоре будем иметь удовольствие приветствовать ваше возвращение. Здесь все нормально. Дела идут удовлетворительно.

Прошу вас, господин директор, быть уверенным в моих самых лучших чувствах к вам.

И. Трабуйе».

Флавье со злостью порвал письмо. Любой ничтожный пустяк выводил его из себя. Особенно теперь.

— Плохая новость? — спросила Рене.

— Нет. Просто наш идиот Трабуйе.

— Кто это?

— Мой вице-директор... Если его послушать, завтра наступит конец света. А Баллард советовал мне покой... Покой! Пошли! — резко проговорил он.— Подышим воздухом.

Он сожалел о роскошных апартаментах «Астории»: комнаты в «Отель де Франс» были маленькими, убогими и страшно дорогими. Но здесь отсутствовал риск встречи с Альмарианом. Он достал из портсигара сигарету и чиркнул спичкой. Зажигалкой он не смел больше пользоваться с тех пор, как... Она стояла у зеркала и поправляла волосы.

— Я не люблю эту прическу,— проворчал он,— ты не могла бы немного изменить ее?

— Как?

— Да не знаю я, как. Например, сделать узел на затылке.

Он ляпнул это, не подумав, и сразу пожалел о сказанном. К чему было возобновлять спор, который продолжался целыми днями, то разгораясь с новой силой, то переходя в почти спокойный разговор.

— Я подожду тебя внизу.

Он спустился прямо в бар и злобно посмотрел на улыбающегося гарсона. Все они походили друга на друга, эти стоящие за прилавками, подмигивающие заговорщики, которые шепотом предлагали всякие вещи. Флавье выпил. Теперь он имел право пить, потому что был уверен! Она могла сколько угодно это отрицать, но уверен он был! Полнейшей уверенностью, глубокой, возникшей из плоти и крови. Как будто она была его ребенком, а не любовницей. И к тому же такой любовницей. Он так мало пользовался ею. И даже был немного шокирован тем, что Мадлен могла получать от этого удовольствие. Прежде он любил в ней... Он не мог сформулировать... Наверное, ее нереальность. Теперь, наоборот, она стала совсем земной, похожей на других женщин. Изо всех сил ей хотелось быть Рене, она буквально цеплялась за эту персону. А между тем... Если бы она доверила ему свой секрет, как бы восхитительно потекла их жизнь!

Она спускалась по лестнице. Он смотрел на нее с блуждающей улыбкой на губах. Это платье отвратительного цвета вдобавок было плохо сшито. Туфли имели недостаточно высокий каблук... и потом, все лицо следовало изменить. Уменьшить скулы, растянуть брови. Только глаза были прекрасны, только они выдавали Мадлен. Флавье расплатился и пошел навстречу. Он хотел бы раскрыть ей объятия, чтобы поцеловать или задушить.

— Я торопилась,— сказала она.

Ему осталось только пожать плечами. Она никогда не умела найти слов, которых он ждал. Даже та манера, с которой она просовывала под его руку свою, не нравилась ему. Слишком покорная, слишком пугливая, она боялась его. Ничего не могло быть неприятнее. Они молча шли рядом.

«Если бы мне предложили это месяц назад,— подумал он,— счастье убило бы меня». Вместе с тем, он никогда не был так несчастлив.

Перед витринами магазина она замедлила шаг и тяжело оперлась о руку Флавье, который, считая такую манеру вульгарной, стал нетерпеливо ждать.

— Тебе, наверное, многого не хватало во время войны,— сказал он.

— Многого,— прошептала она.

Такое признание в бедности растрогало его.

— Тебя Альмариан одел?

Он заранее знал, что это имя ранит ее, но не смог удержаться. Она слегка стиснула пальцами его рукав.

— Я была очень довольна, что встретила его.

Теперь наступила его очередь огорчаться. Но это была игра. И он еще не получил удовлетворения.

— Послушай!..— сердито начал он.

Но к чему было продолжать? Он потащил ее в центр.

— Не иди так быстро,— сказала она,— мы же гуляем.

Он не ответил. Теперь он сам рассматривал магазины. И в конце концов нашел то, что искал.

— Пошли!.. Вопросы будешь задавать потом.

Служащий встретил их поклоном.

— Отделение платьев? — резко спросил Флавье.

— Первый этаж, лифт в глубине.

На этот раз он решился. И нужно заставить Трабуйе заплатить. Его сжигал интерес. Она признается!.. Ей придется признаться! Служащий закрыл решетку, и лифт стал подниматься.

— Дорогой,— прошептала Рене.

— Замолчи.

Он зашагал впереди продавщицы.

— Покажите нам платья. Самые что ни на есть у вас элегантные.

— Хорошо, месье.

Флавье присел. Он немного задыхался, как после бега. Продавщица стала раскладывать на длинном столе модели разных фасонов, приглядываясь к лицу Рене, но он почти сразу вмешался, показав пальцем:

— Вот это.

— Черное? — удивилась продавщица.

— Да, черное.

Он повернулся к Рене.

— Не примеришь ли его... чтобы доставить мне удовольствие.

Заколебавшись и покраснев под взглядом молодой женщины, она все же вошла вместе с продавщицей в кабинку. Флавье поднялся и принялся вышагивать взад и вперед:

ему снова привиделся оттенок красного дерева, а в глубине кармана он крепко сжимал зажигалку. Потом, поскольку время шло медленно и руки его стали дрожать и вспотели, он, чтобы немного отвлечься, принялся искать костюмы среди одежды на столе. Ему хотелось серый. Но не нашлось ни одного нужного для него оттенка. Дверь кабинки раскрылась, он быстро повернулся и испытал такой же удар, как в «Астории». Это была восстановленная Мадлен. Мадлен, которая остановилась, будто узнавая его. Мадлен, которая приближалась теперь, немного побледневшая, с прежним выражением грусти в глазах. Он протянул к ней похудевшую руку, но сразу же уронил ее. Нет, образ Мадлен еще не был совершенен. Как можно не заметить эти кричащие золотые серьги?

— Сними-ка их! — тихим голосом приказал он.

И поскольку она не поняла его, то снял украшение сам, слишком прижав своими пальцами эти побрякушки. Затем, отступив на шаг, понял безнадежность затеи полностью восстановить образ.

— Хорошо,— сказал он продавщице,— мадам возьмет платье, которое на ней... А этот костюм того же размера, не так ли? Заверните и его. И укажите нам отдел обуви.

Рене не протестовала. Может быть, она понимала, почему Флавье так долго рассматривал каждую пару, как бы рассуждая сам с собой. Наконец он выбрал одни изящные блестящие туфли.

— Посмотрим!.. Пройдись!

На высоких каблуках она казалась тоньше, воздушнее. Затянутые в черный шелк, ее бедра слегка покачивались.

— Довольно! — закричал Флавье.

И так как продавщица удивленно подняла голову, то быстро проговорил:

— Это подойдет, мы берем их... Свои она положит в эту же коробку.

Он взял свою спутницу за руку и подвел к зеркалу.

— Посмотри на себя,— прошептал он.— Посмотри на себя, Мадлен.

— Я прошу тебя! — взмолилась она.

— Ну, еще маленькое усилие... Эта женщина в черном... Ты же видишь, что это больше не Рене... Вспомни!

Она явно страдала. Ужас искажал, превращал ее лицо в другое, напрягались губы. Он увлек Мадлен к лифту. С волосами будет видно позднее. Если что-то особенно торопило, так это духи, призрак прошлого. Теперь нужно было идти до конца, и ждать становилось все тяжелее.

Но таких духов больше не существовало. Флавье тщетно пытался описать их.

— Нет... не понимаю,— говорила продавщица.

— Ну, послушайте... Как это вам объяснить? Духи, которые пахнут свежей землей, вялыми цветами...

— Может, «Шанель» № 3?

— Может быть.

— Их больше не выпускают, месье. Поищите в маленьких магазинах, а здесь — не пытайтесь.

Молодая женщина тянула его за рукав. Он стал перебирать флаконы. Без этих духов превращение не будет полным. Кончил он тем, что сдался, но перед уходом купил Мадлен шляпу. И пока платил, краем глаза все время смотрел на знакомый силуэт рядом с ним. Потом взял Мадлен под руку.

— К чему все эти сумасшествия? — спросила она.

— К чему?.. К тому, что я хочу твоего появления. Мне нужна правда.

Она была напугана. Он чувствовал, как она напряжена, как чуждается его, но крепко прижимал ее к себе. Она от него не ускользнет и в конце концов сдастся.

— Ты должна стать самой красивой,— продолжал он.— Альмариан исчез, его никогда не существовало.

Несколько минут они шли, прижимаясь друг к другу, потом он не выдержал.

— Ты не можешь быть Рене,— сказал он.— Видишь, я не сержусь... Говорю спокойно.

Она вздохнула, и он тотчас же взорвался:

— Да, я знаю. Ты — Рене, жила в Лондоне со своим дедушкой Чарли по отцовской линии. Родилась в Дамбремонте, маленьком городке у реки... Все это я слышал, но такое невозможно, ты ошибаешься.

— Не будем начинать снова,— взмолилась она.

— Я ничего не начинаю. Просто утверждаю, что в твоих воспоминаниях есть нечто, не соответствующее действительности. Возможно, ты когда-то была больна, серьезно больна.

— Уверяю тебя...

— Бывают болезни, которые оставляют странные последствия.

— Но я же все помню. У меня была скарлатина в десять лет. Больше ничего.

— Нет, не ничего.

— Ты измучишь меня!

Он уговаривал себя быть терпеливым, ведь Мадлен

могла оказаться очень чувствительной, и тогда ее нельзя было слишком тревожить.

— Ты почти ничего не рассказала о своем детстве,— продолжал он,— а мне бы очень хотелось узнать о нем.

И так как они проходили мимо музея Гробет-Лабади, то прибавил:

— Давай войдем! Там будет удобнее поговорить.

Но лишь только они вошли в вестибюль, как он понял, что его переживания будут здесь еще более тяжелыми. Звук их шагов, молчание предметов вокруг, картин, портреты — все напоминало ему Лувр. Молодая женщина понизила голос, чтобы не нарушать тишину пустынных залов, и неожиданно оказалось, что у нее тот же выговор и то же глубокое контральто Мадлен, так знакомые Флавье. Он больше слушал звук ее голоса, чем слова. Она рассказывала про свою молодость, по странному капризу судьбы очень похожую на молодость Мадлен. И под руку Флавье держал тот же человек, которого ему так хотелось заключить в объятия. Он остановился перед картиной, изображающей Старый порт, и спросил глухим голосом:

— Тебе нравятся такие картины?

— Нет... Не знаю. Я слишком плохо разбираюсь в них, понимаешь?

Он вздохнул и увлек ее дальше.

— Что ты хочешь услышать?

— Все! Все, чем занималась и о чем думала.

— О! Я была просто маленькой девочкой, такой же, как другие... может, менее избалованной... Читать очень любила. Больше всего легенды.

— И ты тоже!

— Как все дети. Бродила по холмам вокруг дома. Рассказывала себе разные истории и жизнь представляла как сказку... Все это оказалось напрасно!

Они вошли в зал со скульптурами. Эти изваяния консулов напомнили ему Гевиньи и его слова: «Я хотел бы, чтобы ты понаблюдал за моей женой... Она меня беспокоит...» Теперь они мертвы оба, но их голоса... А Мадлен, как раньше, шла рядом.

— Ты никогда не была в Париже? — спросил он.

— Нет. Только проездом, когда направлялась в Англию. Вот и все.

— Твой дядя когда умер?

— В прошлом году, в мае... Тогда я потеряла средства к жизни. Поэтому и вернулась.

«Боже мой! — подумал Флавье.— Я допрашиваю ее так, будто она сделала что-нибудь плохое».

— Ты меня не слушаешь,— сказала она.— Что с тобой?

— Ничего... Устал немного. Здесь задыхаешься.

Они пересекли несколько залов. И Флавье счастлив был снова увидеть солнце, услышать шум улицы. Он хотел остаться один, пойти выпить.

— Я оставлю тебя здесь,— сказал он.— Я еще не пил сегодня. И потом, мне нужно пройти в отдел снабжения. Погуляй немного... Купи, что тебе нравится. Вот!

Он вытащил несколько скомканных купюр и сразу же пожалел об этом жесте милостыни. Зачем он сделал ее своей любовницей? Он создал себе нечто вроде монстра: ни Мадлен, ни Рене.

— Не запаздывай очень! — бросила она.

Но когда расстояние между ними увеличилось сперва на несколько шагов, а потом на двадцать, на тридцать метров, он уже готов был броситься вслед за ней, такими чудесными казались ему ее походка, движения плеч. Она приближалась к перекрестку. Боже мой! Он потеряет ее, сам же и выпустив... Вот идиот, да не убежит она, как раз в этом нет опасности!.. Не настолько она глупа. Будет прилежно ждать тебя в отеле.

Он вошел в первое же кафе. Не мог больше терпеть.

— Пастис!

Свежий ликер не принес ему облегчения. Он без конца возвращался к своей проблеме. Рене не была Мадлен, а Мадлен не была в точности Рене. И никакой доктор Баллард не сможет распутать этот клубок. Или же он, Флавье, с самого начала ошибался, и память сыграла с ним недобрую шутку. Он так мало знал настоящую Мадлен тогда. Но разве она не виделась ему все время? Он бы узнал Мадлен с закрытыми глазами, лишь только почувствовав ее рядом. Нет, это была Мадлен, отличавшаяся от других женщин и лишь немного потерявшая сходство с Полин и приблизившаяся к Рене, чтобы стать ею окончательно... Никогда! Никогда он не согласится с этим. Потому что Рене была стареющей женщиной... потому что у нее не было шарма Мадлен... потому что она отреклась от Мадлен, наконец, потому что она не признавала его доказательств.

Он принялся за следующий аперитив. Доказательства! Разве можно доказать необъяснимые вещи? Он просто был уверен, что она Мадлен, и больше ничего. Чтобы убедить ее согласиться, что она скрывает свою личность под личиной Рене, нужны были более материальные доводы.

Алкоголь начал разливаться по его жилам. И он вспомнил о чем-то похожем на доказательства. Ему несколько раз приходилось видеть в сумочке Рене удостоверение ее личности: «Суранж, Рене Катрин, рожд. 24 октября 1916 в Дамбремонте, в Вогезах». Итак?

Он расплатился и еще немного подумал. Его идея была совершенно верна. Он вышел и сел в трамвай, который шел к порту. Теперь ему не хотелось больше думать. Рассматривая лица людей в вагоне, он пожелал стать просто одним из этих пассажиров. Ему было бы менее страшно.

На почте он пристроился в очередь. Если линии не будут слишком перегружены и получить справку не будет очень трудно, он все узнает.

— Могу я позвонить в Дамбремонт?

— Какой департамент?

— Вогезы.

— Дамбремонт? — сказал служащий.— Это, должно быть, через Жерарме. В таком случае...

Он обратился к коллеге:

— Ты должен это знать... Дамбремонт... Вогезы. Месье хочет позвонить по телефону.

Тот поднял голову.

— Дамбремонт?.. Стерт с лица земли бошами... По какому случаю?

— Выяснить место рождения,— ответил Флавье.

— Там нет больше мэрии, там ничего нет... Поле камней.

— Тогда что же делать?

Человек пожал плечами и вернулся к своим обязанностям. Флавье покинул почту. Никаких архивов, никаких документов. Ничего, кроме удостоверения личности, год рождения 1916... А что такое удостоверение личности? Доказательство, единственное доказательство, что Рене жила уже, когда Мадлен... Он грустно сошел по ступеням. Нет, это тоже не доказательство. Никогда никто не сможет доказать, что они жили в одно и то же время, что их было двое. А если не двое...

Флавье шел сам не зная куда. Он не должен был пить. Не должен был ходить на почту! Ему спокойнее было раньше. Почему он не довольствовался тем, что просто любит эту женщину, ничего не спрашивая? Нужно ли отправиться в Дамбремонт? Пошарить в развалинах? А если она, устав от его вопросов, убежит в один прекрасный день?..

От этой мысли у него подкосились ноги. Он на секунду остановился на углу какой-то улицы и прижал руку к сердцу. Потом медленно побрел дальше. Бедная Мадлен! Как он любил мучить ее! Но почему же она молчала? А если бы заговорила, если бы сказала: «Да, я умерла... Я вернулась оттуда...» — глядя такими ясными глазами, разве бы он не упал, как сраженный молнией?

«На этот раз,— подумал он,— я действительно сошел с ума». И чуть позже: «Может быть, логические размышления и называют сумасшествием?» Перед отелем он заколебался, потом увидел цветочный ларек и купил в нем несколько веточек мимозы. Букет оживит комнату, и Рене не будет больше считать себя узницей. Распахнув дверь, Флавье увидел, как Рене растянулась на кровати. Флавье бросил цветы на стол.

— И что же? — спросил он.

Что? Она плакала. Он приблизился к ней, сжимая кулаки.

— Что с тобой?.. Отвечай! Что с тобой случилось?

Потом взял ее за голову и повернул к свету.

— Моя бедная малышка! — сказал он.

Он никогда не видел плачущей Мадлен, но не забыл ее высокие скулы, по которым стекала вода, и то мокрое лицо, в Сене. Он закрыл глаза и выпрямился.

— Прошу тебя,— прошептал он,— сейчас же перестань плакать... Ты не можешь знать...

Его охватил ничем не оправданный гнев. Он топнул ногой.

— Перестань! Перестань!

Она села и притянула его к себе. Они долго не шевелились, будто оба ожидали чего-то. Наконец Флавье обнял Рене за плечи.

— Прости меня... Я совершенно не владею собой... Но я люблю тебя.

День медленно угасал. Снизу доносился шум от трамваев и троллейбуса. Мимоза пахла сырой землей. Флавье прижимался к Рене. Зачем искать, всегда искать? Ему было хорошо около этой женщины. Конечно, он бы предпочел, чтобы она была той Мадлен...

— Нам пора спуститься,— сказала она тихим голосом.

— Нет, я не голоден... Останемся.

Это был восхитительный отдых. Она будет принадлежать ему, пока продолжается ночь, пока это лицо на его плече не станет белым пятном... Мадлен! Нет, их

было не двое... впрочем, бесполезно объяснять... Он больше не боялся.

— Мне больше не страшно,— пробормотал он.

Она гладила его лоб, и он чувствовал ее дыхание на своей щеке. Запах мимозы усилился, заполнил комнату. Он тихонько оттолкнул это теплое, прижатое к нему тело, поискал руку, которая прикасалась к его лицу.

— Иди!

Кровать прогнулась под ним. Он не выпустил этой руки, осторожно щупая ее, будто хотел пересчитать пальцы. Теперь он узнавал и худую ладонь, и короткий мизинец, и выпуклые ногти. Как же он мог забыть? Боже, до чего хотелось спать. Он погрузился в забытье, потом открыл глаза. Она неподвижно лежала рядом. Секунду он прислушивался к ее дыханию, потом, опершись на локоть, нагнулся над лицом и прижал губы к опущенным ресницам.

— Если бы ты только сказала мне, кто ты? — прошептал он.

Слезы омочили теплые веки. Он почувствовал их соленый вкус, поискал носовой платок под подушкой и не нашел.

— Я сейчас вернусь.

Он бесшумно проследовал в ванную. Сумочка Рене лежала на туалетном столике, среди флаконов. Он открыл ее, пошарил внутри, но носового платка и там не оказалось. И вдруг пальцы его наткнулись на что-то интересное... Какие-то зерна... бусы... да, ожерелье... Он подошел к окну и поднял его к бледному свету, который просачивался сквозь стекла, как из аквариума. Золотистый отблеск пробежал по янтарным бусам. Руки его задрожали. Всякая ошибка исключалась. Это было колье Полин Лагерлак.

Глава 4

— Ты слишком много пьешь,— сказала Рене и сразу же взглянула на соседний столик, испугавшись, что слишком громко произнесла это.

Она сознавала, что Флавье вот уже несколько дней специально привлекал к себе внимание. Бравируя, он залпом осушил стакан. За это время у него впали щеки и выступили скулы.

— Это же не то фальшивое бургундское, которое бросается в голову,— заметил он.

— И все-таки... Тебе это вредно!

— Да, вредно... Я вообще веду такую жизнь, которая мне вредна. Но ты никогда не поймешь...

Он беспричинно сердился. Она стала просматривать меню, лишь бы не видеть этих жестких глаз, в которых застыло отчаяние и которые так терзали ее. Рядом остановился гарсон.

— Что на десерт? — спросил он.

— Тарталетку,— сказала Рене.

— Мне тоже,— сказал Флавье и, как только гарсон удалился, нагнулся к ней.— Ты ничего не ешь... А раньше у тебя был хороший аппетит.

Он тихонько засмеялся, но губы его вздрагивали.

— Ты запросто проглатывала три—четыре бриоши,— продолжал он.

— Но я...

— Ну конечно... Вспомни... Галерея Лафайет.

— Опять эта история.

— Да. История того времени, когда я был счастлив.

Вздохнув, Флавье принялся шарить в карманах, а потом в сумочке Рене, разыскивая сигареты и спички. И при этом не спускал глаз с нее.

— Ты не должен курить,— слабо проговорила она.

— Знаю. Курить я тоже не должен, но мне нравится быть больным. И если я лопну...— он закурил сигарету и помахал спичкой перед глазами Рене,— это тоже не будет иметь значения. Ведь ты же сказала однажды: «Смерть не причиняет боли».

Она пожала плечами с безнадежным видом.

— Ну да,— продолжал он.— Я даже могу уточнить, где это было. В Курбевуа, на берегу Сены. Видишь, у меня хорошая память. О, да!

Положив локти на стол, он смеялся, закрывая от дыма один глаз. Гарсон принес тарталетки.

— Итак, ешь! — сказал Флавье.— Обе, я больше не голоден.

— На нас смотрят,— взмолилась Рене.

— Ну и пусть! Я имею право заявить, что больше не голоден. Это прекрасная реклама для заведения.

— Не понимаю, что с тобой творится сегодня вечером.

— Да ничего, дорогая, ничего. Я просто весел... Почему же ты не ешь ее ложкой? Раньше ты их именно ложкой ела.

Она оттолкнула тарелку, взяла сумочку и встала.

— Ты отвратителен.

Он тоже поднялся. Точно! В их сторону поворачивали

головы, провожали взглядами, но он не испытывал ни малейшего стыда, чувствуя себя выше этих людей. он догнал Рене около лифта, и служащий принялся бесцеремонно их разглядывать. Она высморкалась и, спрятав лицо за сумочку, сделала вид, будто пудрится. Она становилась краше на этой грани слез, и он радовался ее страданиям. Они молча прошли по длинному коридору. Войдя в комнату, она бросила сумочку на кровать.

— Так не может больше продолжаться,— сказала она.— Эти постоянные намеки неизвестно на что... эта жизнь, которую ты заставляешь меня вести... нет... я предпочитаю расстаться... Иначе в конце концов сойду с ума.

Она не плакала, но что-то в ее глазах придавало им особенный, необычный блеск. Флавье грустно улыбнулся.

— Вспоминаешь,— начал он,— церковь Сен-Никола... ты молилась... ты была бледна, как теперь.

Она медленно опустилась на край кровати, будто какая-то невидимая рука давила ей на плечо. Ее губы слегка дрожали.

— Церковь Сен-Никола?

— Да... заброшенная церковь в одной деревне около Манта... Ты готова была умереть.

— Я?! Я была готова умереть?

Она плашмя бросилась на живот, спрятав лицо в руках. Рыдания сотрясали ее плечи. Флавье встал рядом на колени, чтобы погладить ее по голове, но она резко отстранилась.

— Не трогай меня! — закричала она.

— Я пугаю тебя? — спросил Флавье.

— Да.

— Ты думаешь, я пьян?

— Нет.

— Тогда, значит, считаешь меня сумасшедшим?

— Да.

Он встал и некоторое время смотрел на нее, потом провел рукой по лбу.

— В принципе, возможно, это и правда! Но ведь существует колье... Нет, дай мне договорить, хорошо? Почему ты его не носишь?

— Потому что не люблю. Я уже говорила.

— А может, боялась, как бы я его не узнал. Это вернее, не правда ли?

Она немного повернула голову и посмотрела на него сквозь спутанные волосы.

— Нет,— ответила она.

— Клянешься?

— Конечно.

Он задумался, выписывая ногой узор на полу.

— Итак, по твоим словам, тебе его дал Альмариан?

Она оперлась на локоть и, поджав под себя ноги так, что совсем съежилась, с неприязнью смотрела на него.

— Альмариан сказал, что купил его в Париже у одного антиквара.

— Сколько времени прошло с тех пор?

— Но ведь об этом я тебе тоже говорила. Ты заставляешь меня все повторять снова.

— Ну что ж, повтори. Сколько времени прошло с тех пор?

— Шесть месяцев.

Конечно, могло и такое быть... Но нет, подобных совпадений не существует!

— Ты лжешь! — закричал он.

— Зачем же мне лгать?

— Зачем? Ну! Признайся же! Ведь ты Мадлен Гевиньи?

— Нет!.. Прошу, не начинай терзать себя. Если ты по-прежнему влюблен в эту женщину, давай расстанемся... Будет лучше, если я уйду... С меня достаточно такой жизни.

— Эта женщина умерла.

Он колебался. Ему до такой степени хотелось выпить, что приходилось откашливаться, лишь бы немного облегчить горло.

— Скорее даже,— уточнил он,— она оставалась мертвой какое-то время... Только вот... разве можно умирать на время?

— Нет,— простонала она.— Замолчи!

Снова ужас наложил на ее лицо белую маску, маску бледности. Флавье отступил на шаг.

— Ничего не бойся... Ты сама видишь, что я не могу причинить тебе зла... Просто задаю иногда странные вопросы, но тут не моя вина. Кстати, ты уже видела это?

Он пошарил в кармане и бросил на кресло золотую зажигалку. Рене закричала и отшатнулась к стене.

— Что это? — пролепетала она.

— Возьми!.. Посмотри!.. Это зажигалка... Ну, дотронься же до нее. Зажги! Заверяю тебя, это действительно всего лишь зажигалка... Не обожжет она... Ну! Вспоминаешь что-нибудь?

— Нет!

— И даже музей Лувра?

— Нет.

— Я подобрал ее возле твоего тела... Правда, ты не могла запомнить этого моего движения...

У него вырвался тихий смешок, и Рене не смогла удержать слез.

— Уйди! — сказала она.— Уйди.

— Возьми ее,— сказал Флавье,— она твоя.

Зажигалка блестела между ними, и этот блеск разделял их. Та, которую видел Флавье, была Рене, Рене, страдающая зря. Зря! Кровь пульсировала в его висках. Неверными шагами он подошел к умывальнику и выпил немного тепловатой воды, пахнущей хлоркой. У него была еще масса вопросов к ней, которые копошились в нем, как черви, но он ждал... Сейчас он напугал Мадлен своим гневом и неудачными выяснениями. Но понемногу снова осторожно начнет расспрашивать о ее жизни. Он избавит ее от субстанции Рене, и настанет время, когда она, наконец, вспомнит. Он запер дверь на ключ.

— Я здесь не останусь,— сказала Рене.

— Куда же ты пойдешь?

— Не знаю, но здесь не останусь.

— Обещаю не приближаться к тебе. И не вспоминать больше о твоем прошлом.

Он слышал ее частое дыхание и знал, что она следит за каждым его жестом.

— Убери эту зажигалку,— сказала она.

Так же она говорила бы, если бы смотрела сейчас на какую-нибудь рептилию. Флавье подобрал безделушку и подбросил ее на руке.

— В самом деле?.. И ты не хочешь ее сохранить?

— Нет. Я только хочу, чтобы ты оставил меня в покое... Мне было достаточно несчастий во время войны. Если нужно, чтобы и теперь...

Из глаз ее покатились слезы, и она стала искать носовой платок. Флавье швырнул ей свой. Она сделала вид, что не видит его.

— Почему ты рассердилась? — спросил он.— Я не хотел быть неприятным, уверяю тебя. Ну, будем друзьями.

Он подобрал свой платок, сел на кровать и вытер ей лицо. Внезапная нежность делала его движения неловкими. По щекам Рене продолжали литься слезы, как кровь из раскрытой раны.

— Послушай, у тебя нет для этого никаких причин,— умолял Флавье.— Ну разве это горе?

Он положил голову Рене к себе на плечо и стал тихо баюкать ее.

— Да,— признался он едва слышно,— бывают моменты, когда я себя не узнаю... Меня терзают воспоминания... Ах!.. Ты не сумеешь этого понять... Если бы она умерла в своей постели, мирно... я бы, конечно, страдал, но со временем, наверное, забыл... тогда как... в сущности, я могу тебе это сказать... Она убила себя... Бросилась в пустоту... Чтобы избегнуть, но чего?.. Вот уже пять лет, как я задаю себе этот вопрос каждый день.

Глухие рыдания снова сотрясли грудь молодой женщины, прислонившейся к нему.

— Там,— бормотал он,— все кончилось... Видишь, я рассказал тебе об этом. Ты нужна мне, детка. Ты не можешь покинуть меня, потому что на этот раз я умру. Да, я по-прежнему люблю ее. Тебя я тоже люблю. Такой же любовью, такой любовью, какой ни один мужчина не знал... Она была бы восхитительной, если бы ты сделала небольшое усилие... если бы захотела вспомнить то, что произошло... около колокольни...

Ее голова задвигалась, и он сжал руки сильнее.

— Позволь мне договорить... Я должен доверить тебе кое-что... нечто, понятое мною только сегодня...

Он нашарил кнопку и нажал на нее, чтобы выключить электричество. Тело ее давило на его плечо, но он не изменил положения. Так они и сидели в темноте, в которой были видны неясные очертания предметов, и где блуждали их мысли?

— Я всегда боялся смерти,— продолжал Флавье, и его голос казался лишь вздохом.— Смерть других всегда волновала меня, потому что предвещала мою собственную... нет, я не в состоянии объяснить это. Я должен был верить в христианского бога... Этот труп, зарытый в глубине ямы, камень сверху. А потом третий день... Как же я думал мальчиком об этом третьем дне. Однажды тайком пробрался к карьеру, и мой крик долго звучал под землей, но не разбудил никого... Было еще слишком рано... А теперь я верю, что он был услышан. Мне так хотелось этого! Если это правда, если бы ты пожелала... ты... тогда бы я больше не боялся... Забыл бы, что сказали врачи. Ты бы научила меня...

Он взглянул на лицо, прислоненное к его плечу: глазницы казались пустыми. Только лоб, щеки и подбородок слегка различались. Сердце Флавье было полно любви: он смотрел на нее и ждал слов. Рене открыла глаза, и те полыхнули зеленым. Флавье отодвинулся.

— Закрой глаза,— прошептал он,— не смотри на меня так.

Он не чувствовал больше своей одеревенелой руки. Эта часть его будто умерла. Он вспомнил, как, вытаскивая из воды отяжелевшее тело Мадлен, должен был бороться и за собственную жизнь. А ведь она знала секрет... Но его уже одолевал сон: он еще пытался говорить, обещать ей что-то, а сам незаметно погружался в дрему. Потом ему смутно показалось, будто она зашевелилась, вероятно, раздеваясь, и будто он сказал: «Мадлен... Останься со мной...» Он спал тяжелым сном и не знал, что при свете зари она долго смотрела на него мокрыми от слез глазами.

Проснулся он совсем разбитым, с больной головой. Услышал из ванной шум воды и пришел в себя окончательно. Потом встал. Дьявол! Он с трудом сделал несколько шагов.

— Я буду готова через минуту,— закричала Рене.

Бездумно и безрадостно Флавье смотрел на голубое небо над крышами. Итак, жизнь продолжалась, та же идиотская жизнь. Он медленно оделся, чувствуя себя вялым, как каждое утро. Его снедало желание выпить. Первый же, хотя бы маленький, стакан прояснит мозги, и он совсем очухается. Она появилась в великолепном халате, купленном накануне.

— Место свободно,— сказала она.

— Торопиться некуда. Добрый день... Ты хорошо спала? А я просто не в своей тарелке. Ты не слышала, я не кричал ночью?

— Нет.

— Иногда я кричу во сне. Кошмары мерещатся. О! Это у меня с детства, ничего серьезного.

Он зевнул и посмотрел на нее. Ее вид тоже нельзя было назвать блестящим, но беспокоило его скорее то, что она стала худеть. Она начала причесываться, и снова Флавье не смог удержаться от грубого импульса.

— Дай!

Он взял гребенку и подвинул стул.

— Садись перед зеркалом. Сейчас покажу... Такие волосы на плечах — это старая уловка.

Он старался быть спокойным, но от нетерпения кончики его пальцев дрожали.

— Прежде всего,— продолжал он,— я хочу, чтобы ты красилась хной... Видишь, у тебя есть и светлые и темные пряди... И нельзя понять, какие из них настоящие.

Теплые волосы трещали под гребенкой в руках Флавье. Он затаил дыхание. Рене, слегка закусив губы, предоставила ему действовать. Но Флавье было трудно уложить волосы,

которые поддерживались слишком большим количеством шпилек, и пучок получался неправильной формы. Ему только хотелось сделать эту массу волос такой, как на портрете Мадлен. Открытые уши теперь не скрывали своей красивой формы. Он всунул последнюю шпильку и выпрямился, всматриваясь в новый образ, отразившийся в зеркале перед ним. Ах!

Это лицо! Наконец он увидел его таким, как описывал Гевиньи. Лицо бледное и таинственное, то, что представлялось ему в мечтах, смотрело из зеркала.

— Мадлен!

Он произнес ее имя, и она не услышала. Не было ли это просто видением? Он бесшумно обошел вокруг стула и понял, что ошибся. Его медленные движения, расчесывание волос — все это погрузило молодую женщину в полудрему. Но та почувствовала, что на нее смотрят, вздохнула и сделала усилие, чтобы повернуть голову и улыбнуться.

— Еще немного,— прошептала она,— и я бы заснула. Мне и теперь еще хочется спать.

Потом бросила равнодушный взгляд на свою прическу.

— Неплохо,— согласилась она.— Да, так лучше, чем раньше, но не очень-то солидно это сделано.

Она покачала головой, и шпильки выпали. Потом покачала сильней, и шиньон рассыпался, а волосы потоком разлились по ее плечам. Она расхохоталась, а за ней и Флавье, хотя ему и было немного страшно.

— Бедняжка, дорогой! — сказала она.

Он еще смеялся, прижимая пальцы к вискам, но чувствовал, что больше не может оставаться в этой комнате. Он задыхался. Он нуждался в солнце, в трамваях, в шуме, в толпе. Он должен был забыть это видение. Будто алхимик, который добыл золото. Он быстро оделся и начал торопливо мыться, натыкаясь на предметы.

— Я спущусь вперед? — предложила она.

— Нет, подожди меня. Ты же можешь подождать!

Его голос так внезапно изменился, что она подошла к ванной комнате.

— Что с тобой?

— Со мной? Ничего! А чего бы ты хотела?

Он заметил, что она причесалась по-прежнему, и не знал, сердиться ему или нет, но был доволен. Он завязал галстук, надел пиджак и уцепился за руку Рене.

— Я не потеряюсь,— пошутила она.

Но ему больше не хотелось смеяться. Они вышли из отеля и превратились в обычных скучающих прохожих.

Флавье уже чувствовал себя усталым, его мучила мигрень. Он вынужден был сесть в парке.

— Прости меня,— сказал он,— кажется, придется вернуться. Мне нехорошо.

Она сжала губы, избегая смотреть на него, но все же помогла добраться до отеля. Сколько времени он собирается сидеть в этой постылой комнате? Он не имел права задерживать ее и догадывался, что она убеждена не полностью. В полдень он попытался встать, но сильная головная боль и головокружение опрокинули его обратно на кровать.

— Хочешь я положу тебе компресс на лоб? — предложила она.

— Нет... нет... Это пройдет... Иди завтракать.

— Тебе станет лучше?

— Да, заверяю тебя.

Тем не менее, когда дверь за ней закрылась, гримаса исказила его лицо. Это было глупо, потому что все вещи Рене лежали в шкафу. Она не убежит, не исчезнет. «Она может умереть»,— подумал он и прижал руки ко лбу, чтобы прогнать безумную мысль. Время шло. Обслуживали везде медленно, он это знал. Но она могла воспользоваться случаем... Уже час, как ее нет... Похоже, она умирала от голода. Прошел час с четвертью. Беспокойство прибавляло головной боли и вызывало бессильные слезы. Когда она вернулась, он посмотрел на нее с отвращением.

— Один час и двадцать пять минут, чтобы проглотить несчастный бифштекс!

Она засмеялась, села на кровать и взяла его за руку.

— Были эскалопы, и у них такое обслуживание бесконечное... А ты как?

— О!.. Я!

— Ну! Не будь ребенком.

Он держал эту свежую руку, и спокойствие понемногу возвращалось к нему. Так он и задремал, обхватив ее пальцами. А к вечеру почувствовал себя лучше.

— Мы не пойдем далеко, а завтра я обращусь к врачу.

Они спустились вниз. На тротуаре Флавье сказал, что забыл кое о чем.

— Пожалуйста, подожди меня здесь. Мне нужно только позвонить по телефону.

Он вернулся назад и вошел в бар.

— Одно виски!.. Побыстрее!

Он дрожал от нетерпения. Она была способна за это время уйти, повернуть за угол... Он махом выпил живительную влагу. И тут глаза его упали на меню.

— Это меню завтрака?

— Да, месье.

— Я не вижу в нем эскалопов.

— Эскалопов сегодня не было.

Флавье прикончил свой стакан и вытер губы салфеткой.

— На мой счет,— сказал он и побежал к ней.

Он был любезен, много говорил, он мог быть даже блестящим, если хотел добиться этого. Потом повел ее обедать в один шикарный ресторан около Старого порта. Заметила ли она пристальность его взглядов? Ведь все было так просто в их существовании, и Флавье всегда казался таким странным человеком!

Вернулись они поздно, легли спать и долго не просыпались. В полдень Флавье опять пожаловался на голову.

— Вот видишь,— сказала она,— как только мы немного отступаем от обычного режима...

— Я особенно огорчен, что тебе опять придется завтракать одной.

— Это быстро.

— О, не торопись.

Флавье переждал удаляющиеся шаги, тихонько открыл дверь и прыгнул в лифт. Взгляд в холл, в обеденный зал. Ее там не было. Он вышел и, заметив ее в конце улицы, прибавил шагу. «Так и есть,— подумал он,— все повторяется». На ней был надет серый костюм, шла она быстро и немного наклоняла голову. Как обычно, вокруг толклось множество офицеров. Она завернула в маленькую улочку, и Флавье подошел ближе. Улица была узкая, с лавками, антикварными магазинами... Где он уже видел такую? Она была похожа на улицу Сен-Пере. Рене перешла ее и юркнула в маленький отель. Флавье не посмел идти дальше, какой-то страх удержал его перед домом.

«Центральный отель» — извещала металлическая дощечка, приклеенная к мраморной плите над входом, Флавье на ватных ногах все же приблизился к двери. Он увидел небольшой холл, стенд с ключами и за кассой — мужчину, который читал газету.

— Что вам угодно? — спросил тот.

— Даму...— ответил Флавье,— даму в сером. Кто она?

— Та, которая только что вошла?

— Да. Как ее зовут?

— Полин Лагерлак,— ответил мужчина с ужасным марсельским акцентом.

Глава 5

Когда Рене вернулась, Флавье лежал на кровати.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она.

— Немного лучше. Я сейчас встану.

— Почему ты так смотришь на меня?

— Я!

Он откинул покрывало и попытался улыбнуться.

— У тебя очень странный вид,— настаивала она.

— Да нет, что ты.

Он причесался, почистил пиджак. В этой узкой комнате каждое движение сближало их, заставляло без конца задевать друг друга. Флавье не смел ни молчать, ни говорить. Ему хотелось сидеть одному, обхватив голову руками и заткнув пальцами уши, одному со своей ужасной задачей.

— Мне еще надо сделать несколько покупок,— сказала Рене.— Я просто зашла посмотреть, как ты себя чувствуешь.

— Покупки?.. Какие покупки?

— Кроме того, мне необходимо пойти к парикмахеру. И потом, я хотела купить шампунь и пару чулок...

Шампунь, пара чулок — все это выглядело очень реально. Очень убедительно, ведь у нее сейчас было такое ясное, неспособное солгать лицо.

— Могу я уйти? — спросила она.

Он хотел сделать ласковый жест, но рука его заколебалась, как у слепого.

— Ты здесь не узница,— пробормотал он,— и хорошо знаешь, что пленник — это я.

Снова наступило молчание. Она оправлялась перед зеркалом. Флавье наблюдал за ней, стоя сзади.

Потом тихонько дотронулся пальцем до плеча женщины. Кожа там была гладкой, теплой, и он быстро отдернул руку.

— Но что же в конце концов с тобой? — спросила она, наклоняясь, чтобы подкрасить губы.

Он вздохнул. Рене... Мадлен... Полин... К чему опять задавать ей вопросы?

— Иди! — сказал он.— Торопись.

Он протянул ей перчатки и сумочку.

— Я подожду тебя. Ты вернешься?

Она повернулась.

— Что ты! Что за мысль!

Он пытался улыбнуться, но был очень несчастлив.

Все говорило в нем об этом, и он почувствовал, как она внезапно пожалела его, как заколебалась, стоит ли ей уходить, будто стыдилась покидать больного.

Она любила его. Что-то очень чистое, очень нежное читалось в ее лице. Она сделала шаг, другой, бросилась к нему и поцеловала в губы. Было ли это прощанием?.. Было ли?.. Он ласково погладил ее по щеке.

— Прости меня... маленькая Эвридика!

Кажется, она побледнела под своей косметикой. Ее веки задрожали.

— Будь благоразумен, мой дорогой. Отдыхай... Не нужно, чтобы эта голова все время работала!

Она открыла дверь, еще раз посмотрела на Флавье и помахала ему. Дверь затворилась. Ручка замерла неподвижно. Стоя посредине комнаты, Флавье все смотрел на ее медь. Она вернется... Но когда? Нужно было выбежать в коридор и закричать изо всех сил: «Мадлен!» Но только сейчас прозвучала чистая правда: это он был пленником. На что он надеялся? Держать ее у себя в комнате? Следить за ней днем и ночью? Даже если все время наблюдать за ней, он никогда не узнает, что скрывается в глубине ее души. Их любовь была ужасной. Он посвятил себя мертвой... Мертвой!

Флавье отшвырнул ногой стул перед туалетным столиком. Так что же! А отель, где она сняла комнату, и все эти покупки, как только ей удавалось уйти? Разве это не подготовка к бегству? Ничего таинственного здесь не было. После Гевиньи был Альмариан, после Флавье будет кто-нибудь другой...

«Ревность... Ревность к Мадлен! — усмехнулся он.— Разве это не бессмысленно?» Он прикурил сигарету от золотой зажигалки и спустился в бар. Он не был голоден. Ему даже не хотелось спиртного. Он заказал коньяк, просто чтобы иметь право устроиться в кресле. Над батареей бутылок горела лишь одна лампочка. Гарсон читал газету. Флавье, взяв стакан в руку, откинул назад голову и смог наконец закрыть глаза. Ему представился Гевиньи. Тогда он насмехался над ним, а теперь сам оказался в подобной ситуации. Если бы у него был друг, он пошел бы молить его последить за Рене.

— Гарсон... еще одну!

Гевиньи, к счастью, никогда не подозревал правды, а если бы знал... что бы сделал? Ведь он тоже пил и, наверное, стал бы пить еще больше. Или пустил бы себе пулю в лоб. Потому что существует правда, которую человек

не в состоянии вынести. И нужно же было, чтобы из всех людей он именно ему захотел доверить свой секрет... Позже Гевиньи плакал над трупом своей жены. Консьержка помогла одеть ее. Инспекторы полиции внимательно ее осматривали. Здесь он был спокоен. Голова начинала кружиться, когда он думал о Полин Лагерлак, которая покончила с собой. Когда вспоминал сцену в церкви и ужасный полет Мадлен... Жизнь стала ей в тягость... и она исчезла. Но разве существование Рене было легче? Нет... Тогда... Голова Флавье закружилась.

— Гарсон!

На этот раз Флавье уже хотел выпить. Он с грустью оглядывался вокруг. А сам он еще живой? Да. У него вспотел лоб и горели руки. Он отдавал себе отчет в абсурдности ситуации. Он не только больше не сможет обнять Рене, но не сможет и говорить с ней. Она была слишком «другой». Что-то появилось между ними после того, как он обнаружил маленький отель, что-то, уничтожающее дружбу. Она безусловно уйдет к другому мужчине.

Флавье выпустил из пальцев свой почти полный стакан, и напиток пролился ему на колени. Он вытер их платком, потом поднял стакан и смущенно взглянул на гарсона, который по-прежнему продолжал читать. Теперь, по всей вероятности, она убежит... Наверное, она уже сложила свои вещи там, в маленьком отеле... И, возможно, сейчас брала билет в Африку... или Америку... Это будет хуже чем смерть.

Он встал, пошатнулся и ухватился за кресло.

— Что такое? Месье болен?

Поддерживая, его осторожно довели до бара.

— Нет!.. Оставьте меня!

Он уцепился за цинковую стойку и глупо уставился в белую куртку и пластрон наклонившегося к нему человека.

— Мне... мне лучше, спасибо.

— Небольшое укрепляющее? — предложил человек.

— Да... да, виски!

Он поднес спиртное к губам, презирая себя за свою слабость, но виски немного взбодрило его. Он найдет способ помешать Мадлен уйти. Ведь он сам виноват в этом ее стремлении. Как объяснить ей, что теперь все изменится? Как убедить, что все еще может стать у них хорошо? Неужели уже слишком поздно!

Он поискал взглядом часы. Половина пятого.

— На мой счет!

Его руки выпустили металлическую стойку. Он сделал несколько неуверенных шагов, потом ноги его окрепли. Он прошел через холл и подозвал швейцара.

— Есть тут поблизости дамская парикмахерская? — спросил он.— Конечно, шикарная?

— «У Мариз»,— ответил швейцар,— ближе всех.

— Это далеко?

— Нет, максимум в десяти минутах ходьбы. Пойдете вдоль бульвара и свернете на третью улицу слева. Она находится между цветочным магазином и кафе. Ошибиться невозможно.

— Благодарю.

Флавье вышел на улицу. Напрасно он не позавтракал. Сильно пекло солнце, и Флавье старался держаться рядом с домами. Время от времени он опирался о теплый камень какой-нибудь стены. Он легко отыскал салон и подошел к витрине, как бедняк, вымаливающий милостыню. Она была там! Действительно она! Он проследовал мимо и вошел в кафе.

— Сандвич и полпорции.

Отныне он будет избегать неосторожностей, станет лечиться, восстановит силы. Ему нужно быть очень сильным, чтобы помешать ей... Но как вернуть ее доверие?

Он вздохнул и покончил с сандвичем. Пиво было ему противно, а табак сушил рот. Он поудобнее устроился на своей банкетке. И оттуда стал наблюдать за тротуаром перед салоном. Она не могла от него ускользнуть. Вероятно, она вернется в отель. Как же вынести долгий вечер, который последует за этим? Просить у нее прощения? Умолять забыть их ссоры?

Время шло медленно. Хозяин кафе издалека удивленно смотрел на посетителя, который громко разговаривал сам с собой и не спускал глаз с улицы. Флавье продолжал терзаться и не находил выхода. Удерживать Мадлен бесполезно. При малейшей оказии все будет кончено. Он не сможет больше отговариваться мигренью, чтобы оставаться в постели. Даже теперь могло быть поздно. Тогда ему останется только умереть.

Неожиданно появилась Мадлен. С непокрытой головой, с узлом на затылке и красиво выкрашенная хной.

Флавье устремился за ней. Она шла не торопясь, держа под мышкой черную сумочку. На ней был серый костюм, который купил он. И выглядела она именно так, как ему представлялось в грезах. Он приблизился к ней, как

в тот раз, и почувствовал запах ее духов. Положив руку на грудь, открыв рот, Флавье шел, как завороженный. Это было уже слишком. Она шагала все дальше. Как правильно он начал следить за ней! Она не собиралась возвращаться в отель и безразлично проходила мимо лавок. Ее тень падала на ноги Флавье. Гуляла ли она? Было ли у нее свидание? Мадлен прошла по набережной и остановилась на углу. На воде кипела жизнь. Это был Марсель и вместе с тем Курбевуа. Прошлое вернулось, и Флавье почувствовал себя вне времени. Мадлен двинулась дальше, глядя на залитую мазутом воду. Потом подошла к чему-то похожему на кафе и села за столик. Флавье стал искать, где бы ему спрятаться, и, как в прошлый раз, укрылся за бочками. А там, за столиком, Мадлен писала, и ветер трепал край бумаги. Ее рука очень быстро двигалась. Это ему предназначалось письмо, закончив которое, она теперь сложила и сунула в конверт. Уходя, она оставила несколько монет на столе.

Флавье обошел бочки. Ужасное подозрение овладело им. Что, если... Она была еще довольно далеко от воды, но шла быстро. Видно, искала более пустынное место. Вот она нагнулась, чтобы пройти под низкими ветвями, и приблизилась к берегу. Флавье наблюдал из тени. Вокруг никого не было. Флавье на цыпочках подошел к ней, обнял за плечи и оттащил назад. Она закричала, отбиваясь.

— Стой,— сказал он.— Дай мне это письмо.

Они стали бороться, и сумочка раскрылась. Письмо выскользнуло оттуда и упало на землю. Флавье хотел поставить на него ногу, но промахнулся, и порыв ветра унес конверт. Флавье продолжал крепко прижимать к себе Мадлен.

— Вот видишь, что ты наделал! Оставь меня!

Он положил сумочку в карман и увлек молодую женщину в сторону.

— Я следил за тобой от самой «У Мариз». Почему ты пришла сюда, а? Отвечай! Что ты мне говорила в этом письме?.. Прощалась?

— Да.

Он тряхнул ее.

— А потом?.. Что ты потом собиралась делать?

— Уйти... Может быть, завтра... Сделать что угодно! Я так больше не могу.

— А я?

Он чувствовал себя совершенно опустошенным. Страшная усталость придавила его плечи.

— Идем!.. Пошли!..

Они углубились в узкие улицы, где мелькали подозрительные тени, но Флавье не опасался бродяг. Он даже не подумал о них. Его пальцы крепко держали локоть спутницы. Он толкал ее перед собой, и ему казалось, что они прибыли из такой дали, может быть, даже из страны мертвых.

— Теперь,— продолжал он,— я имею право знать... Ты — Мадлен?.. Ну, говори!

— Нет.

— Тогда кто же?

— Рене Суранж.

— Это неправда.

— Правда.

Он поднял голову, чтобы увидеть узкую полоску неба между высокими слепыми домами. Ему хотелось ударить ее, ударить до смерти.

— Ты — это Мадлен,— яростно повторил он.— Доказательство тому то, что ты назвалась Полин Лагерлак хозяину отеля.

— Только для того, чтобы ввести тебя в заблуждение.

— Ввести в заблуждение?

— Да... ведь тебе непременно хочется видеть меня еще и этой Полин... Я не сомневалась, что ты непременно займешься расследованием и оно фатально приведет тебя туда. Мне хотелось, чтобы ты сохранил воспоминание только о другой женщине, а Рене Суранж забыл.

— Тогда... эта прическа, эта хна?

— Я ведь уже сказала: чтобы уничтожить Рене Суранж... Чтобы в твоей жизни никогда больше никого не было, кроме этой Мадлен.

— Нет!.. Это тебя я хочу сохранить.

Он с отчаянием сжал ее руку. В темноте она полностью узнавалась им, с ее походкой, с ее духами и тысячью жестов, в которых нельзя было ошибиться. Приглушенная музыка проникала сквозь стены домов, вдалеке моргал какой-то фонарь, а сзади них пели на воде сирены.

— Почему ты хочешь ускользнуть от меня? — спросил Флавье.— Ты со мной несчастлива?

— Да.

— Из-за моих вопросов?

— Из-за этого... и всего остального.

— А если я пообещаю больше не задавать вопросов?.. Никогда!

— Мой бедный друг... Ты не сможешь.

— Послушай... Ведь то, о чем я прошу, так нетрудно. Признайся, что ты Мадлен, и мы больше никогда не будем говорить об этом... Покинем Марсель... Будем путешествовать, и ты увидишь, как прекрасна жизнь.

— Я не Мадлен.

— О! Невероятное упрямство! Ты настолько Мадлен, что даже усвоила ее манеру смотреть в пустоту, исчезать из реальности.

— У меня свои заботы, и на моем месте никто бы не выдержал такого.

Он почувствовал, что она плачет. Они направлялись к освещенному бульвару, прижимаясь друг к другу. Сейчас они вернутся к живым людям. Флавье достал платок.

— Поверни лицо.

Он нежно вытер ее щеки, потом поцеловал в глаза и взял за руку.

— Пошли!.. Не бойся ничего!

Они повернули на бульвар и смешались с толпой. В кафе играли оркестры. Мимо проносились джипы, набитые людьми в белых касках. Когда Флавье заговаривал с ней, Мадлен поворачивала голову. Горькая складка обозначилась у ее губ, но сам Флавье был слишком несчастен, чтобы жалеть еще кого-то.

— Отпусти меня,— сказала она,— мне нужно купить аспирин. Голова очень разболелась.

— Признайся сперва, что ты Мадлен.

Она пожала плечами, и они пошли дальше, прижимаясь друг к другу, будто двое влюбленных, но это он держал ее, как полицейский, который боится выпустить свою добычу.

Вернувшись в отель, они сразу прошли в обеденный зал. Флавье не спускал с Мадлен глаз. Под люстрой, с волосами, зачесанными к затылку, она предстала перед ним такой, как в первый раз в театре Мариньи. Он протянул руку и сжал ее пальцы.

— Ты ничего не хочешь сказать? — спросил он.

Она наклонила голову, бледная, умирающая. Метрдотель принял заказ.

— Что будете пить?

— Мулен-а-вен.

Он был не в себе, будто присутствие Мадлен лишало его чувства реальности, осязаемости существования. Он

смотрел на нее и думал: «Это невозможно!» Или еще: «Я сплю». Она мало ела, а он спокойно, почти механически опорожнил бутылку. Мадлен присутствовала между ними, как холодная стена.

— Ну,— сказал он.— Теперь ты уже дошла до точки. Говори же, Мадлен.

Она резко встала.

— Я сейчас присоединюсь к тебе.

Пока она получала ключ от комнаты, он быстро выпил виски в баре и побежал к лифту. Служащий задвинул за ним решетку. Лифт стал медленно поднимать-ся. Флавье обнял плечи Мадлен и нагнулся к ее уху, как будто хотел поцеловать.

— Признайся, дорогая.

Она медленно прижалась к перегородке из красного дерева.

— Да,— ответила она.— Я действительно Мадлен.

Глава 6

Он машинально повернул ключ в замке. Наполовину оглушенный признанием, которого ждал так долго, он находился в чем-то вроде тумана. Да и было ли это признанием? Говорила она как-то неубедительно. Может быть, просто захотела доставить ему удовольствие своими словами. Он прислонился к двери.

— И ты хочешь, чтобы я поверил? — спросил он.— Это слишком просто.

— Тебе нужны доказательства?

— Нет, но...

Он больше ничего не знал. Боже, как он утомлен.

— Погаси свет,— попросила она умоляюще.

Свет с улицы отбрасывал на потолок затейливые тени. Флавье дал себе упасть на край кровати.

— Почему ты сразу не сказала всю правду? Чего боялась?

Он больше не видел Мадлен, но слышал, как она двигалась около ванной.

— Ответь мне, чего ты боялась?

Она по-прежнему молчала, и он продолжил:

— Ты сразу меня узнала в «Астории»?

— Да, с первого дня.

— Но тогда нужно было довериться мне немедленно. Это же было необходимо. Почему ты действовала так глупо?

Он бил кулаком по подушке, и пружины кровати слабо позвякивали.

— Вся эта комедия!.. Разве она достойна нас?.. И это письмо... Вместо того, чтобы все мне честно рассказать...

Она присела рядом и в темноте поискала его руку.

— Совершенно точно,— пробормотала она.— Я хотела, чтобы ты не узнал... никогда, ничего...

— Но я всегда знал!

— Послушай... Позволь объяснить... Это так трудно!

Ее рука была страшно горячей. Флавье больше не шевелился, ошеломленный и переполненный горечью. Сейчас откроется секрет...

— Та женщина, в Париже,— сказала Мадлен,— которую ты видел в театре, в компании с твоим другом Гевиньи, за которой следил и которую вытащил из воды, та женщина... никогда не умирала. Я никогда не умирала, понимаешь?

Флавье улыбнулся.

— Ну да,— сказал он,— ты никогда не умирала... Ты просто превратилась в Рене, я отлично понимаю.

— Нет, мой дорогой, нет... Это было бы слишком хорошо... Я не превращалась в Рене, я все время была Рене. Я на самом деле Рене Суранж. Это меня, Рене Суранж, ты всегда любил.

— Как это?

— Ты никогда не знал Мадлен Гевиньи. Это я выдавала себя за нее... Я была соучастницей Гевиньи... Прости... Если бы ты знал, что мне пришлось пережить...

Флавье сжал руку женщины.

— Ты хочешь убедить меня, что тело там, у подножья башни...

— Да, это было тело Мадлен Гевиньи, которую убил ее муж... Мадлен Гевиньи умерла, а я всегда была живой... Вот... Это настоящая правда.

— Это ложь,— сказал Флавье.— Гевиньи уже нет, он не может протестовать, и ты пользуешься этим. Бедный Гевиньи... Значит, ты хочешь сказать, что была его любовницей? И вы оба придумали эту историю, чтобы уничтожить законную жену... Но зачем же, зачем?

— Она имела состояние... Потом мы должны были отправиться в провинцию.

— Восхитительно! А почему Гевиньи просил меня последить за ней?

— Успокойся, мой дорогой.

— Я спокоен, клянусь, я никогда не был так спокоен. Ну, отвечай!

— Никто не должен был подозревать его, а у жены не было никаких оснований кончать с собой. Следовательно, ему был нужен свидетель, который бы смог заявить, что мадам Гевиньи вынашивала в себе эту идею, что она была уверена, будто уже жила, а смерть казалась ей простой вещью, почти игрой... Причем такой свидетель, показания которого не стали бы оспаривать, заяви он, что видел самоубийство... Ты адвокат, и потом, он знал тебя с детства. Знал, что ты сразу же поверишь этой истории.

— В сущности, он считал меня идиотом, сумасшедшим немного, не так ли? Отлично придумано... Значит, это ты была в театре Мариньи, ты — на кладбище в Паси, и на фотографии, которая украшала письменный стол Гевиньи, когда я навещал его,— тоже была ты...

— Да.

— И естественно, по твоему мнению, Полин Лагерлак никогда не существовала?

— Существовала.

— А! Вот видишь... Ты не осмеливаешься отрицать все.

— Да пойми же наконец...— простонала она.

— Я понимаю,— закричал он со злостью,— я все понимаю! Но особенно я понимаю то, что Полин Лагерлак тебя смущает, а? Не так-то просто разрушить весь роман.

— Если бы это только могло стать романом,— прошептала она.— Полин Лагерлак действительно была прабабкой Мадлен Гевиньи. На этом даже замысливалась вся махинация: неотвязная, немного странная идея, путешествия к могиле, дом на улице Сен-Пере, где жила Полин. Фальшивое самоубийство в Курбевуа, потому что Полин тоже утонула...

— Фальшивое самоубийство?

— Да, чтобы подготовить... другое. Не прыгни ты в воду, я бы отлично выбралась сама. Я умею плавать.

Флавье сунул руки в карманы, чтобы не ударить ее.

— Да, действительно, силен был этот Гевиньи,— усмехнулся он.— И ведь предусмотрел все. Даже предлагая прийти к нему после трагедии, он уже заранее знал, что я откажусь.

— И потом, было нетрудно держать все в тайне, ведь я даже запретила тебе звонить мне на авеню Клебер по телефону.

— Замолчи! Предположим... Но колокольня!.. Разве он мог знать, что мы поедем туда? Да, сейчас ты скажешь,

что сама вела машину... и вы все давно продумали: нашли тот затерянный городок и установили нужное время, потом ему было нетрудно уговорить жену отправиться вместе с ним, причем было известно, какой она наденет костюм. Так вот, нет, я тебе не верю, слышишь, я тебе не верю... Гевиньи не был преступником.

— Был,— сказала она.— О! У него имелись смягчающие обстоятельства. Он неудачно женился... Мадлен действительно прихварывала. Он даже водил ее к докторам, но те ничего не обнаружили.

— Ну, разумеется! Когда постараешься, всегда найдется объяснение... Например, колокольня? Легче легкого... Гевиньи уже там. Он убивает свою жену и ждет тебя. Ему известно, что я не смогу последовать за тобой! Головокружение... Ты присоединяешься к нему... испускаешь эти вопли... и он сталкивает тело. И вы оба сверху следите за мной, пока я стою возле женщины, упавшей... лицом к земле... женщины, волосы у которой забраны в пучок и отливают хной... Я тоже способен дать объяснение... И как только я удаляюсь, удираете в одну из дверей...

Флавье тяжело дышал... Эта история давила его, тысячи деталей складывались теперь в общее целое. Он заговорил совсем тихо:

— Я должен был поднять тревогу, вызвать жандармов... Гевиньи не сомневался, что я дам нужные показания. Ведь несколькими днями раньше в Курбевуа... Только вот я тревогу не поднял... Не решился еще раз признаться в своей подлости, а этого Гевиньи не мог предвидеть... Он все предусмотрел, за исключением моего молчания... молчания типа, который однажды уже дал умереть своему товарищу...

Все, что он говорил, было правдой. Он вспомнил свой визит на авеню Клебер, ужас Гевиньи, который тоже был вынужден молчать, его телефонный звонок на следующее утро, в том страшном состоянии: «Ее обнаружили... жандармерия начала следствие...» И его ложь: «Нет, она почти не изуродована!» Черт возьми! И все потому, что он не посмел, он, Флавье, не посмел взглянуть на раздавленное лицо, побоявшись увидеть ее... А потом, по ошибке свидетеля, полиция развила свои поиски и сунула нос в личные дела Гевиньи... Выяснилась возможная причина, определенный интерес... У Гевиньи не могло быть алиби, ведь он находился там, в городке... Крестьяне заявили, что заметили пару в какой-то машине: без сомнения, «тальбо»... И наконец, Гевиньи умирает.

Рене тихо плакала, уткнувшись головой в подушку, и Флавье понял, что теперь не сможет выдержать, что должен теперь жить с открытыми глазами в кошмаре... Значит, женщина, которая рядом с ним, это Рене. Наверное, она жила в одном доме с Гевиньи. Может быть, они там и познакомились... Из-за слабости она согласилась на комедию и через несколько лет, после фатальной встречи с адвокатом, поведала ему свою тайну. Нет... нет... Она выдумала все это, чтобы избавиться от него, потому что не любила... не любила его, ни тогда, ни теперь...

— Мадлен! — позвал он.

Она вытерла глаза, откинула волосы.

— Я не Мадлен,— возразила она.

Тогда, стиснув зубы, он схватил ее за шею, опрокинул на спину и прижал с силой.

— Ты лжешь,— простонал он.— Ты не переставала лгать... Но ты же видишь, что я люблю тебя... с самого начала!.. Из-за Полин, из-за кладбища, из-за твоих печальных глаз... Любовью, которая похожа на восхитительное сновидение. Ничего другого я не хочу знать... Когда я держал тебя в своих объятиях, я чувствовал, что ты будешь единственной женщиной в моей жизни... Мадлен... Это было там... А наши прогулки, ты помнишь?.. Деревня, полная цветов... Лувр... затерянный край... Мадлен... Я прошу тебя... Скажи мне правду.

Она не шевелилась. Флавье с большим трудом удалось разжать свои пальцы, дрожа всем телом, нашарить розетку и включить свет. А потом он издал такой ужасный крик, что в коридор выбежали испуганные люди.

* * *

Флавье больше не плакал. Он смотрел на кровать. Даже если бы на его руках не было наручников, он все равно прижимал бы их друг к другу. Инспектор дочитывал письмо профессора Балларда своему коллеге в Ницце.

— Уведите его,— сказала он.

Комната была полна народа, но никто не издавал ни звука.

— А я могу ее поцеловать? — спросил Флавье.

Инспектор пожал плечами, Флавье приблизился к кровати. Умершая казалась худенькой там, лицо ее хранило выражение полного покоя. Флавье нагнулся и прижал губы к бледному лбу.

— Я жду тебя,— пролепетал он.

Коротко об авторах

КАРТЕР БРАУН (Carter Brown)

Картер Браун — наиболее известный псевдоним Аллана Джеффри Йетса (Allan Geoffrey Yates), родившегося в Лондоне 1 августа 1923 года. Образование он получил в Эссексе, потом служил в военно-морском флоте. После демобилизации работал звукооператором на киностудии, несколько лет плавал на торговом судне в Сидней. В 1953 году был опубликован его первый роман «Venus Unarmed». С тех пор под псевдонимами Картер Браун, Питер Картер Браун, Питер Картер-Браун появилось более ста его романов с целым рядом серийных персонажей, среди которых наибольшего внимания заслуживает Эл Уилер — лейтенант-убийца из небольшого городка близ Лос-Анджелеса. В целом творческие изыски писателя не уходят дальше дичайшего нагромождения удивительных приключений и любовных сцен, описанных, впрочем, легко и весело. Не составляют в этом смысле исключения и произведения с частным детективом Дэнни Бойдом, задуманным, вероятно, как пародия на знаменитого агента «007» — Джеймса Бонда. Откровенная ориентация на непритязательный вкус принесла автору сотни миллионов тиража и почти полное игнорирование со стороны литературной критики.

Около сорока детективных романов А. Д. Йетс опубликовал также под псевдонимом Кэролайн Фарр (Caroline Farr).

Сейчас он живет в Австралии.

ПАТРИК КВЕНТИН (Patrik Quentin)

Патрик Квентин — коллективный псевдоним двух американских писателей, англичан по происхождению,— Ричарда Уэбба (Richard Webb) и Хью Уилера (Hugh Wheeler).

О первом известно немногое: родился в Англии в 1901 году, в молодом возрасте перебрался в США, где работал поначалу в фармацевтической компании. В 1931 году в соавторстве с Мартой Килли (Marta Mott Kelley) он написал первый роман «Cottage Sinister», который опубликовал под псевдонимом К. Патрик. Известны произведения, написанные им и самостоятельно, но наибольшая известность пришла к Уэббу, когда он встретился с Уилером. В 1936 году вышел их первый совместный роман «A Puzzle for Fools». В 1952 году Уэбб тяжело занемог, и дальнейшая судьба его неизвестна.

Х. Уилер родился в Лондоне 19 марта 1912 года; получил степень бакалавра в Лондонском университете. После того как его соавтор заболел, написал еще несколько романов, а с 1961 года перешел на стезю драматургии. Умер Уилер 27 июля 1987 года в Монтерее, Массачусетс.

Наиболее известны и популярны две серии романов Патрика Квентина. Главному герою одной из них — Питеру Далезу — сыщику-любителю, театральному продюсеру по профессии, посвящено семь романов; центральная фигура другой — лейтенант полиции Тимоти Трэнт, выпускник Принстонского университета, юрист,— участвует в шести.

Если первые романы Р. Уэбба вполне укладывались в традицию американского «золотого века детектива» (30-е годы), где соблюдались правила «честной игры», тщательно разрабатывались «ключи», ведущие к разгадке тайны, то произведения, созданные им в соавторстве с Х. Уилером, сохраняя эти черты, стали отходить от «игрового» принципа в область психологии: в большинстве из них главный персонаж скорее жертва обстоятельств, в которых должен разобраться, чтобы уберечь от опасности себя или тех, кто ему близок.

На русском языке опубликованы два романа и два рассказа под псевдонимами Патрик Квентин и Квентин Патрик, не самые характерные для творчества авторов.

ПЬЕР БУАЛО, ТОМА НАРСЕЖАК
(Pierre Boileau, Thomas Narrcejac)

Пьер Буало родился в Париже 28 апреля 1906 года. По настоянию отца окончил коммерческое училище, переменил несколько специальностей, литературой занимался в свободное время. Первый роман «La Pierre gui tremble» он опубликовал в 1934 году, а за третий («Le Repos de Bacchus») спустя четыре года получил «Prix du Roman d'Aventures» (премия «за мастерское владение техникой создания детективных произведений»). Все это были традиционные полицейские детективы. За антифашистские взгляды в 1939 году Буало попал в тюрьму.

Тома Нарсежак — псевдоним Пьера Эро (Pierro Ayraud), родившегося в Рот-сюр-Мер 3 июля 1908 года в обеспеченной семье, традиционно связанной с мореплаванием. Однако Эро не пошел по семейной линии; он окончил университет, получил ученую степень по философии, работал преподавателем. К литературе Эро обратился поздно, уже после второй мировой войны, создавая пародии на переводные (американские) детективы. Свой первый роман «La Police est dans l'escalier» он опубликовал в 1947 году под псевдонимом Т. Нарсежак. А в следующем году

на церемонии награждения его премией, присужденной раньше и Буало, будущие соавторы познакомились, сойдясь во мнении, что современное состояние детективного жанра их не устраивает. В 1952 году вышел их первый роман «Celle gui n'était plus» (в русском переводе — «Та, которой не стало») — оригинальный психологический детектив.

Авторы не пишут серий, редко используют в своих романах «классическое» полицейское расследование, сосредоточивая внимание на психологии человека, оказавшегося в экстремальной ситуации. Детективный роман в их исполнении максимально приближен к действительности и потому реалистичен. Жертва, вынужденная самостоятельно расследовать преступный замысел, чтобы избежать гибели или преодолеть криминальное стечение обстоятельств, — наиболее типичный персонаж Буало-Нарсежака. Критика не без основания рассматривает их творчество неотрывно от той ветви литературы, которую в начале века представляли имена Ибсена и Чехова.

Во второй половине 70-х годов Буало-Нарсежак перешли от психологического детектива к социально-психологическому роману с элементами детектива, затрагивающему важные проблемы жизни французского общества. Авторам принадлежат также исследования «Полицейский роман» (1964) и две серии «развлекательных» детективов для подростков.

На русском языке опубликовано свыше десяти романов Буало-Нарсежака.

ЭРЛ СТЭНЛИ ГАРДНЕР (Erle Stanley Gardner)

Эрл Стэнли Гарднер — один из ярчайших мастеров американского детектива. Он родился в Мэлдене, Массачусетс, 17 июля 1889 года. В детстве родители увезли его в Калифорнию, которую он полюбил навсегда. Имея натуру бродяги, любителя природы, будучи человеком бешеной энергии, занялся он, однако, делами конторскими и на несколько лет стал адвокатом в Окснарде, надо сказать — популярным. Тогда же, в начале 20-х годов, он начал совмещать юридическую практику с литературным трудом, поставляя в различные журналы неимоверное количество вестернов и загадочных историй, но профессиональным писателем сделался лишь в 1933 году, после выхода первого детективного романа «The Case of the Velvet Claws».

Гарднер сам называл себя «Fiction Factory» («фабрика по производству художественной литературы»), ибо свои романы он наговаривал на диктофоны, переписыванием с которых был занят целый штат секретарш. Разные серии выходили под разными псевдонимами — их у Гарднера было свыше десяти. Самая его

знаменитая серия, состоящая из семидесяти двух романов, посвящена частному адвокату Перри Мейсону, которому помогают очаровательная секретарша Делла Стрит и владелец детективного бюро Пол Дрейк. Мейсон — великий адвокат, умеющий выиграть самое безнадежное дело; его конек — перекрестный допрос (эта практика американского судопроизводства была прекращена в 60-е годы, что и привело к «кончине» литературного персонажа). Романы Гарднера отличают легкость слога, головокружительный темп, запутанность сюжета и увлекательное юридическое лихачество главного героя, которого называли «тигром социальных джунглей».

Из других крупных сериалов можно назвать двадцать девять романов о частном сыщике Дональде Леме, девять романов о провинциальном прокуроре Дуге Селби.

В Книге рекордов Гиннесса (1988) отмечено, что на 1 января 1986 года во всем мире было продано 319 млн экз. книг Гарднера, переведенных на тридцать семь языков.

Э. С. Гарднер умер на своем ранчо в Темекуле, Калифорния, 11 марта 1970 года. Тогда в производстве находилась 141 книга писателя.

На русском языке опубликовано около десяти романов Гарднера о Перри Мейсоне.

СОДЕРЖАНИЕ

Картер Браун
Пропавшая нимфа
5

Патрик Квентин
Преследователь
93

Буало-Нарсежак
Холодный пот
193

Эрл Стэнли Гарднер
Дело любопытной новобрачной
300

Коротко об авторах
458

Пропавшая нимфа: Сборник: Пер. с англ., фр.—
П 68 М.: СКС, 1991.—463 с.— (Bestseller).
ISBN 5-86092-010-5

Разные по форме, но объединенные общим настроем произведения. Так или иначе причиной или следствием всего происходящего в них становятся женщина и лучшая из сторон человеческой жизни — любовь. От невероятных событий, описанных с легкой иронией Картером Брауном в «Пропавшей нимфе», читатель перейдет к жестокому в своей реальности миру насилия и наживы из «Преследователя» Патрика Квентина, затем с головой погрузится в загадочную мистическую историю, поведанную Буало-Нарсежаком в «Холодном поте» и, наконец, сможет повстречаться со знаменитым адвокатом Перри Мейсоном, ведущим очередное «Дело о любопытной новобрачной», представленное нам Эрлом Стэнли Гарднером.

П $\frac{4703000000-012}{979(01)-92}$ Без объявл. ББК 84.7

Литературно-художественное издание

ПРОПАВШАЯ НИМФА

Сборник

Редактор *Е. Е. Таболина*
Художественный редактор *И. К. Борисова*
Технический редактор *Т. И. Шеленкова*
Корректоры: *О. И. Поливанова, Г. Б. Пятышева, Л. Ю. Столярова*

Сдано в набор 26.04.91. Подписано в печать 05.01.92. Формат 84×108/32. Бумага газетная. Гарнитура Т. Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,36. Усл. кр.-отт. 24,36. Уч.-изд. л. 25,67. Тираж 500 000 экз. (250 001—500 000 экз.). Изд. № 12. Заказ 2629. С 5.

Издательство «СКС», 103009 Москва, ул. Неждановой, 8/10

Набрано в Московской типографии № 4 Союзполиграфпрома, 129041 Москва, Б. Переяславская, 46

Отпечатано с готовых диапозитивов в полиграфической фирме «Красный пролетарий» РГИИЦ «Республика» 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

ПРОПАВШАЯ НИМФА | Bestseller